ДЖАННИ РОДАРИ

Детские Книги
vk.com/wean_books

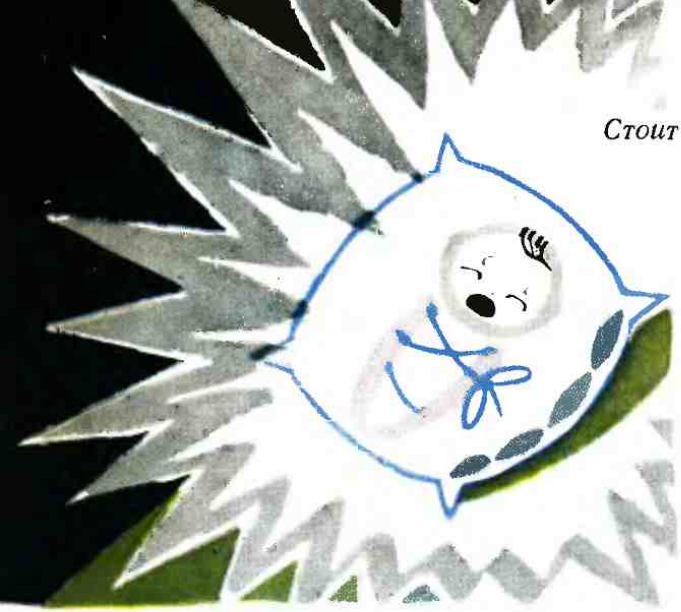
ДЖАННИ РОДАРИ

ДЖЕЛЬСОМИНО
В СТРАНЕ ЛЖЕЦОВ

СКАЗКА

Издательство ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1960

Перевод с итальянского
О. Иваницкого, А. Махова.



Стоит Джельсомино раскрыть рот,
Как мяч уже в сетке ворот.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Эта история про Джельсомино, рассказанная им самим. Пока я дослушал его историю до конца, я чуть было не оглох, хотя и набил себе в уши полкило ваты. Дело в том, что у Джельсомино такой громкий голос, что, даже когда он говорит вполголоса, его слышат пассажиры реактивных самолетов, летящих на высоте десяти тысяч метров над уровнем моря и головы самого Джельсомино.

Сейчас Джельсомино стал знаменитым тенором. Он известен повсюду — от Северного полюса до Южного. Став артистом, он придумал себе новое звучное и, пожалуй, несколько пышное имя, которое я не буду здесь называть, потому что вы уже, наверное, сотни раз читали его в газетах. В детстве мальчика звали «Джельсомино» — «Жасмин», и под этим именем он и останется в нашей повести.

Так вот, жил да был обыкновенный мальчик, быть может даже поменьше ростом, чем другие мальчишки, но голос у него был на редкость оглушительный, что выяснилось, едва он успел раскрыть рот.

Когда Джельсомино родился — а произошло это глубокой ночью, — все односельчане вскочили с постелей, думая, что слышат фабричный гудок, зовущий их на работу, — на самом же деле это плакал Джельсомино, пробуя свой голос, как это делают все только что появившиеся на свет малыши. К счастью, скоро он научился спать с вечера до утра, как это делают все порядочные люди, кроме журналистов и ночных

сторожей. Теперь он начинал свой плач ровно в семь утра — как раз в то время, когда людям нужно было проснуться, чтобы идти на работу. Фабричные гудки оказались ненужными и скоро заржавели от бездействия.

Когда Джельсомино исполнилось шесть лет, он пошел в школу. Во время переклички учитель дошел до буквы «Д» и вызвал его:

— Джельсомино!

— Здесь! — ответил радостно новый ученик.

И вдруг раздался грохот — посыпались осколки, классная грифельная доска разлетелась на тысячу мелких кусков.

— Кто из вас запустил камнем в доску? — строго спросил учитель, протягивая руку за линейкой.

Все молчали.

— Ну, начнем перекличку сначала, — сказал учитель. — Это ты запустил камень? — спрашивал он по порядку каждого ученика.

— Не я, не я, — отвечали испуганные мальчики.

Когда учитель дошел до Джельсомино, тот тоже встал и вполне искренне ответил:

— Это не я, синьор у...

Но он не успел произнести слово «учитель», как в ту же минуту оконные стекла с громким звоном посыпались на пол.

На этот раз учитель внимательно следил за классом и видел, что ни один из его сорока учеников не стрелял из рогатки. «Наверное, окно разбил кто-нибудь с улицы, — подумал учитель, — один из тех шалунов, которые, вместо того чтобы ходить в школу, разоряют птичьи гнезда. Поймаю-ка его да и за ухо отведу в полицию».

В то утро на этом все и кончилось. На следующий день учитель снова взялся за перекличку и опять дошел до имени Джельсомино.

— Здесь! — ответил наш герой, гордясь тем, что стал школьником.

«Трах-тарарах!» — сразу же откликнулось окно. Стекла, вставленные всего полчаса назад, посыпались на мостовую.

— Странное дело, — сказал учитель, — несчастья случаются всякий раз, когда я дохожу до твоего имени. А, все понятно! У тебя, мой мальчик, слишком громкий голос, от твоего голоса воздух сотрясается, как во время циклона. С сегодняшнего дня ты должен говорить только вполголоса, а иначе школа и все наше селение превратятся в развалины. Договорились?

Покраснев от стыда и смущения, Джельсомино попробовал возразить:

— Синьор учитель, ведь это же не я!

«Трах-тарарах!» — ответила ему новая доска, только что принесенная школьным сторожем из магазина.

— Вот тебе доказательство, — сказал учитель.

Однако, заметив, что у бедняги Джельсомино катились по щекам крупные слезы, встал из-за стола, подошел к мальчику и ласково погладил его по голове.

— Слушай меня внимательно, сынок. Твой голос может принести тебе либо много бед, либо великую славу. Пока же лучше, чтобы ты по возможности меньше пользовался им. К тому же всем известно, что слово — серебро, а молчание — золото.

С этого дня для Джельсомино начались адские муки. В школе, чтобы не наделать новых бед, он сидел, заткнув рот носовым платком. И все же его голос звучал до того громко, что товарищам по классу приходилось затыкать себе уши пальцами. Учитель старался спрашивать его как можно реже. Правда, нужно сказать, что Джельсомино считался примерным учеником, и учитель был уверен, что он всегда сможет дать правильный ответ.

Дома после первого случая (он за столом стал рассказывать о приключившемся в школе, и от двенадцати стаканов остались одни осколки) ему было строго-настрого запрещено раскрывать рот.

Чтобы отвести душу, ему приходилось уходить подальше от селения: в лес, на берег озера или в поле. Когда он бывал

уверен, что остался один и на почтительном расстоянии от окон своих односельчан, он ложился ничком на землю и начинал петь. Через несколько минут земля словно закипала — кроты, гусеницы, муравьи и другие подземные обитатели вылезали на поверхность и убегали за много километров, думая, что начинается землетрясение.

Только один раз Джельсомино забыл про свою обычную осторожность. Дело было в воскресенье на стадионе, во время решающей футбольной встречи.

Джельсомино не был заядлым болельщиком, но мало-помалу игра захватила и его. И вот под одобрительные возгласы болельщиков команда его села перешла в атаку. (Я точно не знаю, что значит «перейти в атаку», так как ничего не понимаю в футболе, но такое выражение употребил в своем рассказе Джельсомино, и я уверен, что вы его поймете — ведь вы же читаете спортивные газеты!)

— Давай! Давай! — кричали болельщики.

— Давай! — закричал во весь голос Джельсомино.

Как раз в этот момент правый крайний передавал мяч центру нападения, но мяч на полпути изменил направление и, движимый какой-то неведомой силой, влетел в ворота противника, проскочив между ног вратаря.

— Гол! — закричали зрители.

— Вот это удар! — воскликнул кто-то. — Видели, как он срезал мяч? А точность-то какая! Все рассчитано до миллиметра. У него просто золотые ноги.

Но Джельсомино, придя в себя, сразу же понял, что он наделал.

«Сомнений быть не может, — думал он, — этот гол забил я своим голосом. Придется мне молчать, а то иначе во что же превратится спорт? Ну что же, пожалуй, чтобы уравнять счет, придется забить гол и в другие ворота».

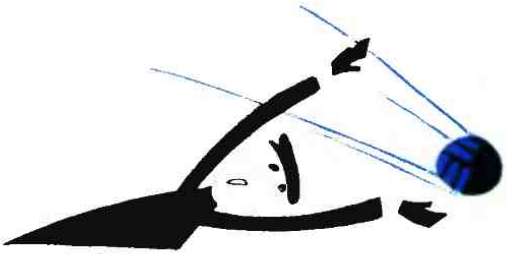
Во втором тайме ему представился удобный случай. Команда противника бросилась в атаку.

Джельсомино закричал, и мяч влетел в ворота его односельчан. Легко понять, что сердце его при этом обливалось кровью. Даже спустя много лет, рассказывая мне об этом случае, Джельсомино заметил:

— Я скорее бы дал отрубить себе палец, чем забить этот гол, но ничего не поделаешь, волей-неволей пришлось забить.

Да, другой на его месте подыгрывал бы своей любимой команде, но не Джельсомино — он был честный, искренний и чистый, как прозрачная родниковая вода. Вот таким он и рос и стал юношей. Был он, по правде говоря, не очень высоким, скорее даже небольшого роста и скорее худым, чем толстым, — в общем вполне подходящим человеком, чтобы называться Жасмином. Будь у него имя потяжелее, глядишь, чего доброго, он нажил бы себе горб, нося его.

Джельсомино уже давно оставил школу и стал заниматься крестьянским трудом, да так и занимался бы этим всю жизнь, и мне не пришлось бы рассказывать вам о нем, не случись с ним пренеприятная история, о которой вы вскоре узнаете.



Джельсомино не повезло —
Против него поднялось все село.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Однажды утром Джельсомино отправился в свой сад и увидел, что груши уже созрели. Груши ведь всегда так поступают: не говоря вам ничего, они зреют себе и зреют, и в одно прекрасное утро вы видите, что они уже поспели и пришла пора их снимать.

«Жаль, — подумал Джельсомино, — что я не захватил с собой лестницу. Пойду-ка домой, возьму ее да заодно принесу шест, чтобы сбивать груши с самых высоких веток».

Но в этот момент ему пришла в голову другая мысль — вернее, просто небольшой каприз: «А что, если мне попробовать пустить в ход свой голос?»

И, решив так, он встал под деревом и не то в шутку, не то всерьез закричал:

— А ну-ка, груши, падайте!

«Бах-бах-бабах!» — ответили ему груши, падая дождем на землю.

Джельсомино подошел к другому дереву и проделал то же самое. Каждый раз, когда он кричал: «Падайте!», груши отры-

рались от веток, словно только и ждали этого приказа, и усыпали густо землю. Джельсомино очень обрадовался этому.

«Ведь так я сберегу немало сил, — подумал он. — Жаль только, что я раньше не додумался пользоваться голосом вместо лестницы и шеста».

В то время когда Джельсомино обходил свой сад, собирая таким образом груши, его увидел крестьянин, который мотыжил землю на соседнем участке. Он протер глаза, ущипнул себя за нос и, когда убедился, что все это не сон, побежал за своей женой.

— Пойди-ка погляди, — сказал он ей, весь дрожа. — Я уверен, что Джельсомино злой колдун.

Жена посмотрела, упала на колени и воскликнула:

— Да он добрый святой волшебник!

— А я тебе говорю, что колдун!

— А я тебе говорю, что святой волшебник!

До этого дня муж с женой жили довольно мирно, но тут он взялся за мотыгу, она за лопату, и каждый из них уже был готов с оружием в руках отстаивать свое мнение, когда крестьянин предложил:

— Пойдем позовем соседей. Пусть они тоже поглядят на Джельсомино, послушаем, что они скажут.

Идея позвать соседей и иметь предлог лишний раз почесать язычком понравилась жене, она бросила свою лопату и исчезла.

Еще до наступления вечера вся округа знала о случившемся. Жители разделились на две партии: одни утверждали, что Джельсомино — добрый волшебник, другие доказывали, что он злой колдун. Споры все больше разгорались, все росли, как растут волны на море, когда поднимается сильный ветер. Вспыхнули настоящие споры, и было даже несколько пострадавших. К счастью, легко. Один крестьянин, например, обжегся трубкой, так как в разгаре спора сунул ее в рот не тем концом. Полицейские совсем растерялись и не знали, что им делать. Они ходили от одной группы к другой и призывали всех к спокойствию.

Самые неистовые спорщики направились к саду Джельсомино — одни для того, чтобы взять себе что-нибудь на память

о волшебстве, другие с намерением уничтожить сад, где жил злой колдун.

Увидев, что огромная толпа устремилась куда-то, Джельсомино решил, что вспыхнул пожар. Он схватил ведро и хотел уже было броситься на помощь, но увидел, что вся толпа остановилась у его дверей, и услышал такой разговор:

— Вот он! Вот он! — кричали одни. — Он волшебник!

— Какой там святой? Он злой колдун. Поглядите, у него в руках ведро. Наверняка заколдованное.

— Ради бога, отойдем подальше: если он плеснет на нас этой штукой, то мы пропали.

— Какой такой штукой?

— Да что вы, ослепли? В ведре адская смола. Если она попадет на человека, насквозь прожжет, и ни один врач никогда уже не залечит.

— Он святой, он святой!

— Мы видели, Джельсомино, как ты приказывал грушам поспевать — и они поспевали, приказывал падать — и они падали.

— Да вы рехнулись, что ли? — спросил

Джельсомино. — Ведь всему виной мой голос. Просто воздух от него начинает сотрясаться, как при сильном урагане.

— Да, да, мы знаем! — закричала одна из женщин. — Ты делаешь чудеса своим голосом!

— Какие там чудеса! Это колдовские чары! — надрывались другие.

Джельсомино бросил со злости ведро на землю, ушел в дом и закрыл дверь на засов.

«Кончилась моя спокойная жизнь, — думал он. — Теперь мне нельзя будет шагу ступить, чтобы за мной следом не бежали любопытные. По вечерам, перед сном, везде только и будет разговоров, что обо мне. Я буду пугалом для маленьких детей, злым колдуном. Лучше мне убраться отсюда. В конце концов что мне здесь делать? Родители мои умерли, лучшие друзья погибли на войне. Пойду-ка я бродить по свету да попробую найти счастье с помощью своего голоса. Есть же люди, которым платят за то, что они поют. Правда, это немного странно. Ведь по-настоящему не стоило бы платить людям за такое занятие, которое им самим доставляет удовольствие. Но все же за пение платят. Может быть, и мне удастся стать певцом?»

Приняв такое решение, он сложил свои немудреные пожитки в вещевой мешок и вышел на улицу.

Ожидавшие его люди расступились перешептываясь. Не глядя ни на кого, Джельсомино молча пошел по дороге. Отойдя довольно далеко, он обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на свой дом.

Толпа все еще не расходилась, и люди указывали на него пальцами, словно он был привидением.

«А не сыграть ли с ними шутку, которой они заслуживают?» — подумал Джельсомино, и, набрав полную грудь воздуха, он крикнул во весь голос:

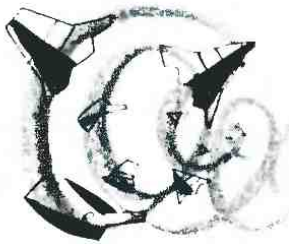
— До свиданья!

Результат этого прощального приветствия сказался немедленно. Мужчины почувствовали, как неожиданный порыв ветра сорвал у них шапки. Несколько старых дам, у которых вдруг обнаружились лысины, похожие на очищенное лицо, бросились вдогонку за своими париками.

— Прощайте, прощайте! — повторил Джельсомино, от души смеясь над этой первой в своей жизни шалостью.

Шапки и парики сбились в одну стайку, словно перелетные птицы, вспорхнули к облакам, движимые необычайной силой голоса Джельсомино, и через несколько минут скрылись из виду. Вскоре стало известно, что они умчались за несколько километров, а некоторые из них даже перелетели границу.

Через несколько дней и Джельсомино тоже пересек границу и попал в самую необычную страну на свете.



Джельсомино знакомится случайно с кошкой несколько необычайной

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Первое, что увидел Джельсомино, попав в эту незнакомую страну, была серебряная монета. Она блестела на земле около тротуара у всех на виду. «Странно, что никто ее не подобрал, — подумал Джельсомино. — От меня-то она уже наверняка не уйдет. У меня было немного денег, но они еще вчера вечером кончились. Сегодня у меня во рту и маковой росинки не было. Но сначала я узнаю, не потерял ли ее кто-нибудь из прохожих».

Он подошел к кучке людей, которые, шушукаясь между собой, наблюдали за ним, и показал им монету.

— Синьоры, не обронил ли кто-нибудь из вас эту монету? — шепотом спросил он, чтобы не напугать их своим голосом.

— Убирайся прочь, — ответили ему, — да пореже показывай эту монету, если не хочешь нажить себе беды!

— Извините меня, пожалуйста, — пробормотал, растерявшись, Джельсомино и направился к магазину, вывеска кото-

рого заманчиво гласила: «Продовольственные и другие товары».

На витрине вместо ветчины и банок с вареньем красовались груды тетрадей, коробки с красками и стояли пузырьки с чернилами.

— Это, наверное, и есть другие товары, — сказал Джельсомино и доверчиво вошел в магазин.

— Добрый вечер, — любезно приветствовал его владелец магазина.

«По правде говоря, — подумал Джельсомино, — я не слышал, чтобы пробило даже полдень. Впрочем, нечего на это обращать внимание». И, как обычно, почти шепотом, который все еще слишком громко звучал для нормального уха, он спросил.

— Не могу ли я купить хлеба?

— Пожалуйста, дорогой синьор. Сколько бы вы хотели? Один пузырек или два? Красного или черного?

— Только не черного, — ответил Джельсомино. — А что, вы действительно продаете хлеб в пузырьках?

Владелец магазина расхохотался.

— А как же вы хотите, чтобы мы его продавали? Разве в вашей стране хлеб режут на куски? Нет, вы только посмотрите, какой хороший у нас хлеб! — И, говоря это, он показал на полку, где пузырьки с чернилами самых различных цветов стояли в ряд ровнее, чем солдаты в строю.

Кстати, во всем магазине и следа не было чего-нибудь съестного: ни корки сыра, ни яблочной кожуры.

«Не сошел ли он с ума? — подумал Джельсомино. — Пожалуй, лучше ему не перечить».

— Действительно, хлеб чудесный, — согласился Джельсомино и показал на пузырек с красными чернилами, желая услышать, что же ему ответит владелец магазина.

— Неужели? — сказал тот, весь просияв от такой похвалы. — Да, это самый лучший зеленый хлеб, который когда-либо был в продаже.

— Зеленый?

— Ну, конечно! Извините, может быть, вы плохо видите?

Джельсомино был уверен, что перед ним пузырек с крас-

ными чернилами. Он уже собирался найти какой-нибудь предлог, чтобы убраться подобру-поздорову и пойти на поиски более разумного владельца магазина, как вдруг его осенила мысль.

— Послушайте, — сказал Джельсомино, — я лучше зайду попозже купить хлеба. А пока что укажите мне магазин, где продаются чернила высшего качества.

— Конечно, — ответил владелец магазина со своей постоянной любезной улыбкой на лице. — Посмотрите, вот напротив самый известный в городе магазин канцелярских принадлежностей.

На витрине магазина напротив были аппетитно разложены хлебы различных сортов, торты, и пирожные, и макароны, и горы сыра, висели колбасы и сосиски.

«Я так и думал, — решил Джельсомино, — владелец магазина рехнулся и называет хлеб чернилами, а чернила — хлебом. В том, пожалуй, дело будет вернее».

Он вошел в магазин напротив и попросил полкило хлеба.

— Хлеба? — услужливо переспросил продавец. — Видите ли, вы ошиблись. Хлеб продается напротив. Мы торгуем только канцелярскими принадлежностями, — и он с гордостью широким жестом руки обвел все обилие вкусных вещей.

«Теперь я понял, — решил про себя Джельсомино, — в этой стране нужно говорить шиворот-навыворот. Если ты назовешь хлеб хлебом, то тебя не поймут».

— Дайте мне полкило чернил, — сказал он продавцу.

Тот отвесил ему полкило хлеба и, завернув по всем правилам в бумагу, подал.

— Мне хотелось бы также немного вот этого, — добавил Джельсомино и показал на круг сыра, не рискуя назвать его.

— Немного ластика? — спросил продавец. — Сию минуту, синьор. — Он отрезал добрый кусок сыра, свешал и завернул в бумагу.

Джельсомино облегченно вздохнул и бросил на прилавок только что найденную им серебряную монету. Продавец нагнулся, разглядывая ее несколько минут, подбросил раза два над прилавком, чтобы послушать, как она звенит, потом принялся рассматривать ее через увеличительное стекло и даже

попробовал на зуб. Наконец он недовольно вернул ее Джельсомино и холодно заметил:

— К сожалению, молодой человек, ваша монета настоящая.

— Тем лучше, — доверчиво улыбнулся Джельсомино.

— Как бы не так! Повторяю вам, что эта монета настоящая и я не могу ее принять. Идите своей дорогой. И вообще будьте довольны, молодой человек, что у меня сейчас нет желания выйти на улицу и позвать полицейского. Разве вы не знаете, что ждет тех, кто пускает в оборот настоящие деньги? Тюрьма.

— Но я...

— А вы не повышайте голос, я не глухой. Ступайте, ступайте и возвращайтесь с фальшивой монетой, тогда товар и получите. Глядите, я даже не разворачиваю пакеты. Они будут лежать здесь для вас в стороне, ладно? Спокойной ночи.

Джельсомино засунул в рот кулак, чтобы не закричать. И пока он шел от прилавка к двери, между ним и его голосом произошел такой разговор:

Голос: Хочешь, я воскликну: «А-а!», и у него разлетится вдребезги вся витрина?

Джельсомино: Прошу тебя, не делай этого. Ведь я только что попал в эту страну, у меня и так идет здесь все вкривь и вкось.

Голос: Но мне нужно вырваться наружу, иначе мне конец. Ты мой хозяин, подумай, как лучше поступить.

Джельсомино: Потерпи, вот выйдем из магазина этого ненормального. Я не хочу разорять его. В этой стране творится что-то странное.

Голос: Тогда поторапливайся, я больше не могу. Поспеши. Еще минута — и я закричу... Еще минута — и все пропало.

Джельсомино пустился бегом, свернул в безлюдную улочку чуть пошире переулка, быстро огляделся. Вокруг не было ни души. Тогда он вынул кулак изо рта и, чтобы освободиться от злости, переполнявшей его, испустил короткое: «А-а!» Послышался звон разбившегося уличного фонаря, а стоявший на подоконнике горшок закачался и рухнул на мостовую.

Джельсомино вздохнул:

— Когда у меня будут деньги, я вышлю их по почте городскому управлению за разбитый уличный фонарь, а на балкон поставлю новый горшок с цветами. Как будто ничего больше не разбилось?

— Нет, ничего, — ответил ему тоненький голос, и кто-то два раза кашлянул.

Джельсомино поискал хозяина этого голоса и увидел кошку, или существо, которое издали можно было принять за кошку. Прежде всего кошка эта была красная. Какого-то особенно густого красного или даже бордового оттенка. У нее было всего лишь три лапы. И, наконец, что самое удивительное, это была нарисованная кошка, вроде тех фигурок, которые ребятишки рисуют на стенах.

— Как! Говорящая кошка? — удивился Джельсомино.

— Да, я несколько необычная кошка и признаю это. Я, например, умею читать и писать. Но, кроме всего прочего, я дочь школьного мела.

— Чья ты дочь?

— Меня одна девочка нарисовала на этой стене кусочком цветного мела, который она стянула в школе. Но поскольку в тот момент подходил полицейский, она впопыхах убежала, успев нарисовать мне всего только три лапы. Вот и вышла я хромая. И поэтому решила назваться Кошкой-хромоножкой

Я также покашливаю немного. Ведь самые холодные зимние месяцы мне пришлось провести на довольно-таки сырой стене.

Джельсомино взглянул на стену. На ней остался пустой отпечаток от Кошки-хромоножки, как будто рисунок отделился от штукатурки.

— Но как же ты выпрыгнула? — спросил Джельсомино.

— А это я должна благодарить твой голос, — ответила Кошка-хромоножка. — Если бы ты крикнул еще посильнее, то, вероятно, продырявил бы стену, и произошла бы неприятность. А так мне просто повезло. Ох, как здорово ходить по земле, пусть даже на трех лапах! У тебя, кстати, только две ноги, и тебе ведь этого хватает, правда?

— Еще бы, — согласился Джельсомино, — для меня этого даже слишком много. Будь у меня одна только нога, я бы не ушел из дому.

— Ты не очень-то весел, — заметила Кошка-хромоножка. — Что с тобой стряслось?

Джельсомино собрался было начать рассказ о своих злоключениях, как на улочке показался настоящий кот, на четырех лапах. Но он, вероятно, был углублен в свои мысли и даже не обернулся, чтобы взглянуть на наших друзей.

— Мяу! — крикнула ему Кошка-хромоножка.

На кошачьем языке слово «мяу» означает «привет».

Кот остановился. Он казался удивленным или даже скорее оскорбленным.

— Меня зовут Кошка-хромоножка, а тебя как? — поинтересовалась наша кошка.

Настоящий кот, казалось, колебался, ответить или нет. Потом неохотно пробормотал:

— Меня зовут Барбосом.

— Что он говорит? — спросил Джельсомино, который действительно ничего не понимал.

— Говорит, что его зовут Барбосом.

— Да разве это не собачья кличка?

— Именно так!

— Никак не возьму в толк, — сказал Джельсомино. — Сперва продавец захотел мне всучить чернила вместо хлеба. Теперь попался этот кот с собачьей кличкой.

— Дорогой мой, — пояснила Кошка-хромоножка, — кот думает, что он собака. Хочешь послушать? — И, обратившись к коту, она его сердечно поприветствовала: — Мяу!

— Гав-гав! — разозлившись, ответил кот. — Постыдись, ты же кошка, а мяукаешь.

— Да, я кошка, — ответила Кошка-хромоножка, — хотя у меня всего только три лапы, нарисованные красным мелом.

— Ты позор нашего рода. Ты обманщица, убирайся прочь. Я не желаю больше терять ни минуты на разговоры с тобой. Да, кстати, и дождь собирается. Пойду-ка я домой, возьму зонтик, — и он пошел, то и дело оглядываясь и лая.

— Что он сказал? — спросил Джельсомино.

— Сказал, что пойдет дождь.

Джельсомино взглянул на небо. Над крышами домов сияло солнце, как никогда, и даже в морской бинокль невозможно было бы разглядеть ни одной тучи.

— Будем надеяться, что все ненастные дни в этом краю будут походить на сегодняшний день. Мне кажется, что я попал в страну, где все шиворот-навыворот.

— Дорогой Джельсомино, ты просто очутился в Стране лжецов. Здесь все по закону обязаны врать. И горе тем, кто говорит правду. Их так штрафуют, что шкуру сдирают вместе с хвостом.

И вот Кошка-хромоножка, сумевшая многое узнать со своего наблюдательного пункта на стене, подробно описала Джельсомино Страну лжецов.

Здесь мы приводим с Кошкиных слов
Правдивый рассказ о Стране лжецов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Да будет тебе известно... — начала Кошка-хромоножка. Но я сокращу ее рассказ, чтобы не заставлять вас терять много времени. Итак, задолго до того, как Джельсомино попал в эту чужеземную страну, туда по морю приплыл хитрый и жестокий пират по прозвищу Джакомон. Это был довольно высокий и толстый человек, уже немолодой, и на старости лет ему захотелось найти себе занятие поспокойнее.

— Молодость уже прошла, — говорил он. — Мне опостылело бороздить моря. Не лучше ли теперь захватить какой-нибудь островок и бросить старое ремесло. Безусловно, я не забуду своих пиратов. Я произведу их в мажордомы, слуги, конюхи, рассыльные, и они не будут в обиде на своего атамана.

Задумав такое дело, он начал подыскивать для себя островок. Но все островки были слишком малы и не отвечали его вкусам. Если же они приходились по вкусу ему, то не нравились его шайке. Один хотел обязательно реку, чтобы ловить

форель, а реки не было, другой — кинотеатр, третий — банк, чтобы вложить туда свои пиратские сбережения.

— А почему бы нам не захватить что-нибудь получше, чем островок? — каждый раз говорил кто-нибудь.

Одним словом, кончилось тем, что они захватили целую страну с большим городом, где было полным-полно банков и театров и много рек, чтобы ловить форель, а в воскресные дни кататься на лодке. И ничего удивительного в этом нет. Довольно часто случается, что банда пиратов захватывает ту или иную страну в какой-нибудь части света. Завладев страной, Джакомон решил называть себя королем Джакомоном Первым, а своих людей он произвел в адмиралы, камергеры, придворные и начальники пожарных команд.

Разумеется, Джакомон издал закон, который всех обязывал называть его «ваше величество» под угрозой, что будет отрезан язык. Но для полной уверенности, что никому никогда не взбредет в голову сказать о нем правду, он приказал своим министрам произвести реформу словаря.

— Нужно изменить все слова, — пояснил он. — Например, слово «пират» будет означать порядочный человек. Таким образом, когда люди будут говорить, что я пират, на новом языке это будет означать, что я порядочный человек.

— Клянемся всеми китами, которые видели, как мы ходили на абордаж, что это прекрасная идея! — закричали восхищенные министры. — Ее стоит записать золотыми буквами.

— Всем ясно? — продолжал Джакомон. — А теперь за дело! Изменить все названия вещей, животных и людей! Для начала вместо доброго утра нужно будет говорить спокойной ночи. Так, мои верноподданные будут начинать свой день со лжи. Конечно, когда придет время идти спать, надо будет говорить «доброе утро».

— Великолепно! — воскликнул один из министров. — А чтобы сказать кому-нибудь: «Как вы прелестно выглядите», нужно будет говорить: «Ваша физиономия кирпича просит».

После реформы словаря был издан закон, который делал ложь обязательной. И тут началась полная неразбериха.

На первых порах люди очень легко ошибались. Например, хлеб шли покупать в булочную, забывая, что там теперь про-

К
Ш

давались карандаши и тетради, а хлеб покупался в магазине письменных принадлежностей. Или же шли погулять в городской парк, смотрели на цветы и вздыхали:

— Какие чудесные розы!

Немедленно из-за куста выскакивал стражник короля Джакомона, держа наручники наготове.

— Ну и молодец, право, молодец! А вам известно, что вы нарушили закон? Как вам в голову взбрело называть розами морковь?

— Прошу прощения, — бормотал провинившийся и второпях принимался расхваливать другие цветы парка. — Какая изумительная крапива! — говорил он, показывая на анютины глазки.

— Нет, нет, вы мне это бросьте! Преступление вы уже совершили. Посидите немного в тюрьме да потренируйтесь говорить неправду.

Но то, что произошло в школах, просто невозможно описать. Джакомон заставил изменить все числа таблицы умножения. Чтобы произвести сложение, необходимо было делать вычитание, а при делении надо было умножать. Сами учителя не могли больше исправлять задачи.

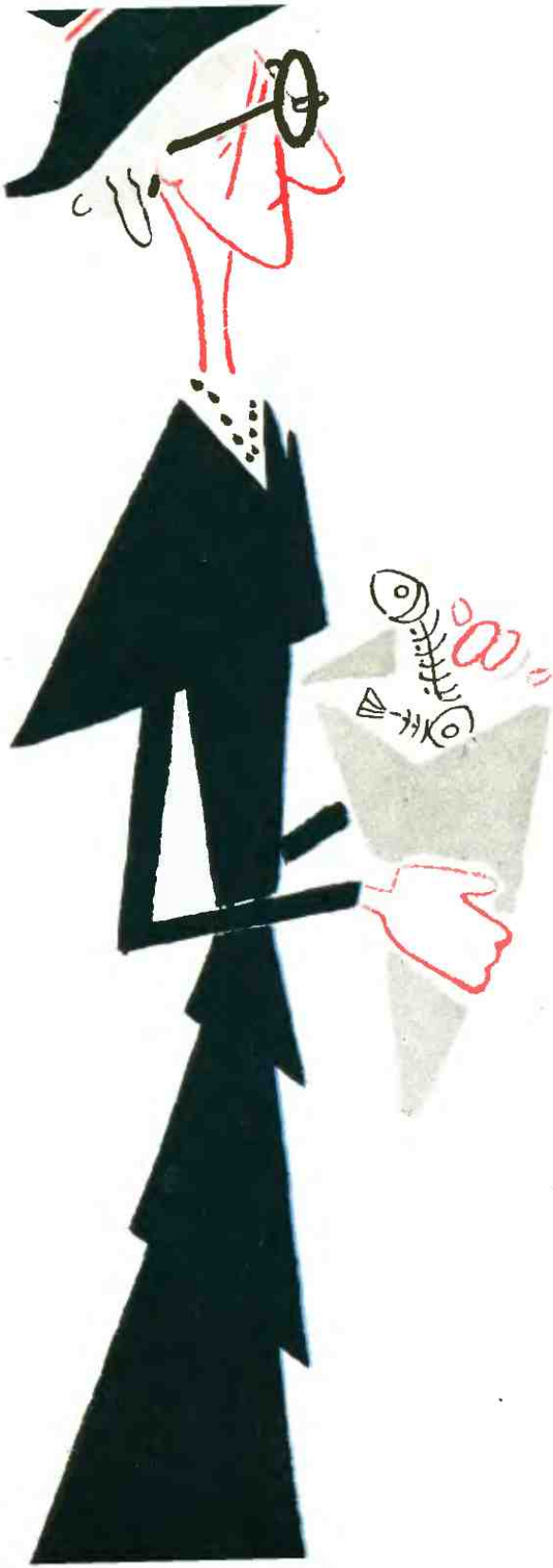
Для лодырей это было настоящее раздолье: чем больше они делали ошибок, тем увереннее были, что получат отличную оценку.

А сочинения?

Можете себе представить, какие сочинения получались, когда они писались шиворот-навыворот. Вот, к примеру, сочинение на тему «Прекрасный день», за которое один школьник был награжден медалью из фальшивого золота:

«Вчера шел дождь. Ах, какое наслаждение гулять под крупным холодным дождем! Наконец люди смогли оставить дома зонтики и плащи и ходить без пиджаков, в одних рубашках. Я не люблю, когда светит солнце, — приходится сидеть дома, чтобы не намокнуть, и смотреть всю ночь напролет, как солнечные лучи грустно скользят по черепицам дверей».

Для того чтобы как следует оценить это сочинение, вы должны учитывать, что «черепицы дверей» на этом языке означало «стекла окон».



Но хватит об этом. Теперь вы уже знаете, о чем идет речь. В Стране лжецов даже животные были вынуждены говорить неправду. Собаки мяукали, кошки лаяли, лошади мычали, а лев, сидевший в клетке в зоологическом саду, должен был попискивать потому, что рычать обязали мышей.

Лишь рыбы в воде да птицы в воздухе могли наплевать на все законы короля Джакомона. Ведь рыбы всегда молчат, и поэтому никто их не может заставить лгать. Ну, а птиц никогда бы не могла арестовать королевская стража. Птицы продолжали, как всегда, каждая на свой лад распевать песни. Люди часто смотрели на них с завистью и вздыхали:

— Счастливые они, никто их не может оштрафовать.

Слушая рассказ Кошки-хромоножки, Джельсомино становился все грустнее и грустнее.

«Как же я буду жить в этой стране? — думал он. — Если я своим слишком громким голосом скажу правду, то меня услышат все полицейские короля Джакомона. Да и голос у меня такой непослушный. Кто знает, как с ним совладать».

— Ну вот, теперь тебе все известно, — закончила свой рассказ Кошка-хромоножка. — А знаешь, что я еще тебе скажу? Я ведь проголодалась.

— Я тоже. Да я почти забыл об этом.

— Голод — это единственное, о чем нельзя забыть. Время ему не страшно. Наоборот, чем больше проходит времени, тем сильнее ты чувствуешь голод. Вот увидишь, мы что-нибудь найдем. Но сначала мне хотелось бы оставить о себе память на этой стене, пленницей которой я пробыла столько времени.

И своей лапой, нарисованной красным мелом, она нацарапала на стене на своем прежнем месте:

МЯУ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА!

Найти чего-нибудь поесть было не так-то просто. Пока они бродили по городу, Джельсомино, не отрываясь, смотрел на мостовую в надежде найти фальшивую монету. А Кошка-хро-

моножка все глядела по сторонам, как бы разыскивая среди толпы кого-нибудь из знакомых.

— Вот она, — произнесла, наконец, Кошка и указала на старую синьору, которая торопливо шла по тротуару с кульком в руках.

— Кто это?

— Тетушка Кукуруза, покровительница кошек. Каждый вечер она приносит кулек с объедками для бродячих кошек, которые собираются около парка королевского дворца Джакомона.

Тетушка Кукуруза была прямой как палка, сухой, строгого вида старухой, ростом почти в два метра. Посмотрев на нее, можно было бы подумать, что она из тех старух, которые с метлой гоняются за кошками. Но, по словам Кошки-хромоножки, дело обстояло как раз наоборот.

Следуя за ней, Джельсомино и его новый друг вышли на маленькую площадь, в глубине которой возвышалась стена парка с зубцами, покрытыми острыми бутылочными осколками. Десяток исхудавших, ободранных кошек встретили тетушку беспорядочным лаем.

— Остолопы! — сказала Кошка-хромоножка. — Смотри, как я сейчас их проведу.

В тот момент, когда тетушка Кукуруза, развернув свой кулек, выкладывала его содержимое около тротуара, Кошка-хромоножка врезалась в кошачью свалку и испустила пронзительное «мяу!».

Кошка, которая не лаяла, а мяукала, была такой редкостью, к какой здешние коты не привыкли. Они совершенно остолбенели и с открытыми ртами застыли на месте как статуи. Кошка-хромоножка уцепила зубами две тресковые головы и хребет камбалы и в два прыжка очутилась на стене королевского парка, перелезла через нее и спрыгнула в кусты.

Джельсомино посмотрел по сторонам. Ему тоже захотелось перелезть через стену, но на него подозрительно поглядывала тетушка Кукуруза.

«Не хочу, чтобы она подняла шум», — подумал он. Притворившись обычным прохожим, который идет своей дорогой, он свернул на другую улицу.

Когда кошки пришли в себя от удивления, они залаяли, цепляясь за юбку тетушки Кукурузы. Но, по правде говоря, она была поражена еще больше, чем они. Наконец, вздохнув, тетушка разделила между кошками оставшиеся объедки и, взглянув последний раз на стену, за которой скрылась Кошка-хромоножка, направилась домой.

А Джельсомино, едва свернув за угол, нашел в конце концов фальшивую монету, которую он так искал. Он купил себе хлеба и сыра, или, как здесь говорили, «пузырек чернил и ластик». Быстро спускалась ночь, Джельсомино очень устал, и ему хотелось спать. Увидев раскрытую дверь, он устремился туда и попал в подвал, где и заснул на куче угля.

Кошка-хромоножка увидела
с балкона
Сто париков короля
Джакомона.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пока Джельсомино спит, не подозревая того, что как раз во сне с ним произойдет новое приключение, о котором я вам расскажу позже, мы пойдем по следам трех красных лапок Кошки-хромоножки.

Тресковые головы и хребет камбалы показались ей необычайно вкусными. В первый раз в своей жизни она поела. Пока она оставалась нарисованной на стене, ей никогда не приходилось испытывать голод.

Впервые Кошка проводила ночь в королевском парке. Взглянув на королевский дворец, она заметила на последнем этаже ряд освещенных окон.

— Жаль, что здесь нет Джельсомино, — сказала она. — Уж он бы смог спеть серенаду королю Джакомону и разбить ему вдребезги все стекла. Однако король Джакомон собирается, наверное, почивать. Не упустить бы мне это зрелище.

Быстро, по-кошачьи, она стала карабкаться с этажа на этаж и сверху заглянула в окно огромного зала, который находился перед опочивальней его светлости.

Двумя нескончаемыми рядами стояли слуги, камердинеры, придворные, камергеры, адмиралы, министры и другие знатные особы, которые низко кланялись проходящему Джакомону. Он был огромный, толстый и такой страшный, что можно было испугаться. Однако своей красотой поражали густые длинные вьющиеся волосы оранжево-огненного цвета и фиолетовая ночная рубашка с королевским именем, вышитым на груди.

Когда он проходил, все отвешивали ему поклоны и почтительно говорили:

— Доброе утро, ваше величество! Счастливо провести день, наш государь!

Джакомон то и дело останавливался и сладко зевал, и немедленно один из придворных вежливо прикрывал ему рукой рот. Затем Джакомон вновь трогался с места и бормотал:

— Вот уж сегодня утром мне совсем не хочется спать. Я себя чувствую свежим как огурчик.

Разумеется, все это означало совсем обратное. Но он настолько привык заставлять врать других, что сам тоже врал не хуже, и первый же верил своему вранью.

— У вашего величества физиономия кирпича просит, — заметил, низко кланяясь, один из министров.

Джакомон бросил на него гневный взгляд, но вовремя спохватился: ведь эти слова означали, что у него, мол, прекрасный цвет лица. Он улыбнулся, зевнул, повернулся к толпе придворных и приветствовал их жестом руки. Затем, подобрав подол своей фиолетовой рубашки, он удалился в опочивальню.

Кошка-хромоножка перешла к другому окну, чтобы продолжать свои наблюдения.

Как только его величество Джакомон остался один, он устремился к зеркалу и принялся старательно расчесывать золотым гребешком свою прекрасную оранжевую шевелюру.

«Как он заботится о своих волосах, — подумала Кошка-хромоножка, — а впрочем, не зря. Они на самом деле красивы. Кто знает, как мог человек с такими волосами превра-

титься в пирата? Ему следовало стать художником или музыкантом».

А Джакомон тем временем положил на место гребешок, осторожно ухватил две пряди волос у висков, и... раз, два, три... движение руки — и показалась его голова без единого волоска, как булыжник. Даже индеец не сумел бы с такой быстротой оскальпировать своих непрошеных гостей.

— Парик! — пробормотала в изумлении Кошка-хромоножка.

Да, прекрасная оранжевая шевелюра оказалась не чем иным, как париком. А под ним лысая голова его величества имела неприятный розоватый цвет и была усеяна шишками и бородавками, которые Джакомон почесывал, грустно вздыхая. Затем он раскрыл шкаф, и Кошка-хромоножка увидела целую коллекцию разноцветных париков. От удивления у нее еще шире раскрылись глаза. Там были парики с русыми, синими, черными волосами, причесанными на самый различный манер. На людях Джакомон всегда появлялся в оранжевом парике, но перед сном, оставшись наедине, он любил менять парики, чтобы хоть в этом найти утешение и забыть о своей лысине. Ему нечего было стыдиться, что у него выпали все волосы. Почти у всех порядочных людей в определенном возрасте волосы выпадают. Но уж таков был Джакомон — он не мог видеть свою голову без растительности.

На глазах у Кошки-хромоножки его величество примерил один за другим десятки париков. Он прохаживался перед зеркалом, чтобы насладиться своим видом, смотрел на себя анфас, в профиль, разглядывал с помощью маленького зеркальца затылок, как прима-балерина перед выходом на сцену. Наконец ему показалось, что фиолетовый парик как раз подойдет к цвету его ночной рубашки. Он покрепче натянул его на свою лысину, лег в постель и погасил свет.

Кошка-хромоножка провела еще с полчаса на подоконниках, с любопытством заглядывая в окна королевского дворца. Конечно, это не занятие для воспитанных особ. Если неприлично подслушивать у дверей, то, как вы думаете, прилично подглядывать в окна? Впрочем, вам это никогда и не удастся, ведь вы не кошки и не канатоходцы. Особенно Хромоножке

понравился один камергер, который, прежде чем улечься спать, снял с себя парадный мундир, разбросав по всей комнате кружева, ордена, оружие. И знаете, что он надел на себя? Свою старую пиратскую одежду: штаны, закатанные до колен, клетчатую куртку и черную повязку на правый глаз. В этой одежде старый пират полез не в постель, а на самый верх балдахина, который возвышался над кроватью. Должно быть, он соскучился по верхней перекладине грот-мачты. Наконец, он зажег грошовую трубку, жадно затягиваясь дымом, от которого Кошка-хромоножка чуть-чуть не раскашлялась.

— Гляди-ка, гляди-ка, что значит сила правды, — промолвила наша наблюдательница, — даже старый пират и тот любит свою настоящую одежду.

Кошка-хромоножка решила, что ночевать в парке, рискуя быть задержанной стражей, крайне неосмотрительно. Поэтому она снова перелезла через ограду и очутилась на центральной площади города, разумеется, на той самой площади, где народ собирался, чтобы послушать речи короля Джакомона. Кошка-хромоножка стала поглядывать по сторонам, желая найти какое-нибудь пристанище, чтобы переночевать, как вдруг она почувствовала какой-то зуд в своей правой лапе.

— Странно, — пробормотала она, — уж не подцепила ли я блох у его величества или у того старого пирата?

Но зуд был совсем иного рода. Я хочу сказать, что лапа у нее чесалась не снаружи, а внутри. Кошка-хромоножка внимательно ее осмотрела и не нашла никаких блох.

— Теперь я поняла, — решила она, — вероятно, мне захотелось писать на стенах. Помню, что вчера вечером я почувствовала такой же зуд, когда — спасибо Джельсомино! — мне удалось очутиться на этой земле. Оставлю-ка я приветствие королю лжецов.

Она потихоньку приблизилась к королевскому дворцу и воочию убедилась, что стража не в состоянии ее схватить. Как это и полагается в стране шиворот-навыворот, стражники спали и похрапывали. Время от времени начальник охраны специально обходил посты и проверял, все ли стражники спят.

— Тем лучше, — обрадовалась Кошка-хромоножка, и своей нарисованной красным мелом лапой, правой, само собой разумеется, она написала на стене королевского дворца, как раз рядом с главным входом:

— Эта надпись здесь как раз к месту, — сказала она, рассматривая ее. — Теперь нужно написать и по другую сторону входа.

За четверть часа она успела раз сто написать эти слова и под конец устала, как школьник, который закончил переписывать заданный ему в наказание за ошибки урок.

— Ну, а теперь бай-бай.

Как раз посреди площади возвышалась мраморная колонна, украшенная статуями, прославляющими подвиги короля Джакомона. Конечно, все это была одна выдумка. Здесь можно было видеть, как Джакомон раздавал свои богатства беднякам, как Джакомон громил врагов, как Джакомон изобретал зонтик, чтобы защитить своих подданных от дождя.

На вершине колонны было достаточно места, чтобы трехлапая кошка могла там растянуться, укрывшись от всех опасностей, и вздремнуть. Кошка-хромоножка вскарабкалась, цепляясь за статуи, и устроилась на самой макушке колонны. Чтобы не упасть, она уцепилась хвостом за громоотвод и, не успев закрыть глаза, уснула.

Рано утром смех и гомон
Разбудили Джакомона.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На рассвете Кошку-хромоножку разбудил страшный шум.

«Может, произошло наводнение, когда я спала?» — в испуге подумала она. Свесившись с колонны, она увидела площадь, запруженную шумящей толпой. Ей не пришлось долго раздумывать, чтобы понять, что всех этих людей привела сюда надпись, оставленная ею на стене королевского дворца:

Король Джакомон носит парик

В Стране лжецов даже самая небольшая правда производит больше шума, чем взрыв атомной бомбы. Со всех улиц стекались толпы людей, привлеченные шумом и смехом. Вновь прибывшие поначалу думали, что настал праздник.

— Что случилось? Мы одержали победу в какой-нибудь войне?

— Нет, нет, гораздо лучше!

— У его величества родился наследник?

— Нет, еще лучше!

— Ну, тогда, несомненно, отменили налоги.

Наконец, прочтя надпись Кошки-хромоножки, вновь прибывшие тоже разражались смехом. Крики и хохот разбудили короля Джакомона, который почивал в своей фиолетовой рубашке. Подбежав к окну, король потер руки от удовольствия.

— Какая прелесть! Вы только посмотрите, как меня любит мой народ! Все они пришли сюда, чтобы пожелать мне спокойной ночи. Эй вы, придворные, камергеры, адмиралы, сюда, ко мне, подайте мантию и скипетр! Я хочу выйти на балкон и произнести речь.

Но, по правде говоря, придворные были настроены довольно недоверчиво.

— Не послать ли кого-нибудь узнать, что случилось?

— Ваше величество, а вдруг произошла революция?

— Чепуха! Разве вы не видите, как люди веселятся?

— Вот именно. А почему они так веселы?

— Вполне понятно почему. Ведь я сейчас произнесу речь. Где мой секретарь?

— Я здесь, государь.

Секретарь короля Джакомона всегда носил под мышкой толстую папку, туго набитую заранее написанными речами. Тут были речи на любую тему: поучительные, трогательные, развлекательные, но все от начала до конца полные всякого вранья.

Секретарь раскрыл папку, вытащил исписанный лист бумаги и прочел заглавие.

— «Речь о разведении рисовой каши».

— Нет, нет, не нужно ничего о еде. А то у кого-нибудь разыграется аппетит, и он будет меня неохотно слушать.

— «Речь по поводу изобретения лошадок-качалок», — прочел еще одно заглавие секретарь.

— Вот это было бы кстати. Всем известно, что лошадки-качалки изобрел я. Пока я не стал королем, лошадок-качалок и в помине не было.

— Ваше величество, у меня есть еще речь о цвете волос.

— Прекрасно, вот это мне как раз и нужно! — воскликнул Джакомон, поглаживая свой парик. Он схватил бумагу с текстом речи и выбежал на балкон.

При появлении его величества раздалось нечто такое, что могло быть или громкими аплодисментами, или неудержимым хохотом. Многие недоверчиво настроенные придворные сочли это за смех и стали посматривать еще более подозрительно. Но Джакомон принял этот гам за аплодисменты и, поблагодарив своих подданных очаровательной улыбкой, приступил к чтению своей речи.

Не надейтесь, что вы сможете полностью ее здесь прочесть. Вы все равно ничего бы в ней не поняли, ведь обо всем в ней говорилось шиворот-навыворот. Я вам вкратце изложу ее содержание, полагаясь на память Джельсомино.

Итак, король Джакомон приблизительно вот что сказал:

— Что такое голова без волос? Это сад без цветов.

— Браво! — закричала толпа. — Правильно! Правильно!

Слово «правильно» заставило насторожиться

даже менее подозрительных придворных. Но Джакомон спокойно продолжал свою речь:

— Пока я не был королем этой страны, люди с отчаяния вырывали у себя волосы. Жители страны один за другим лысели, а парикмахеры становились безработными.

— Браво! — закричал кто-то в толпе. — Да здравствуют парикмахеры и да здравствуют парики!

Джакомон на миг оторопел. Этот намек на парик задел его за живое. Но, отогнав подозрения, он продолжал:

— Граждане, сейчас я вам расскажу, почему волосы оранжевого цвета красивее волос зеленого цвета.

В этот момент один придворный потянул Джакомона за рукав и прошептал ему на ухо:

— Ваше величество, произошла ужасная вещь.

— Что такое? Говори!

— Сначала обещайте мне, что не прикажете отрезать мне язык, если я скажу вам правду.

— Обещаю!

— Кто-то написал на стенах, что вы носите парик, поэтому люди и смеются.

Джакомон был так поражен, что выронил из рук листки со своей речью. Они поплыли над толпой и в конце концов попали в руки мальчишек. Если бы королю сказали, что загорелся его дворец, вероятно он бы менее разозлился. Он приказал жандармам очистить площадь от народа. Затем заставил вырвать язык у того придворного, который спустился вниз, разузнал, в чем дело, и принес неприятное известие. Несчастный впопыхах попросил, чтобы ему оставили язык. Он совершенно забыл, что следовало просить оставить ему не язык, а нос. Тогда по крайней мере ему отрезали бы нос, а язык остался бы целым и невредимым.

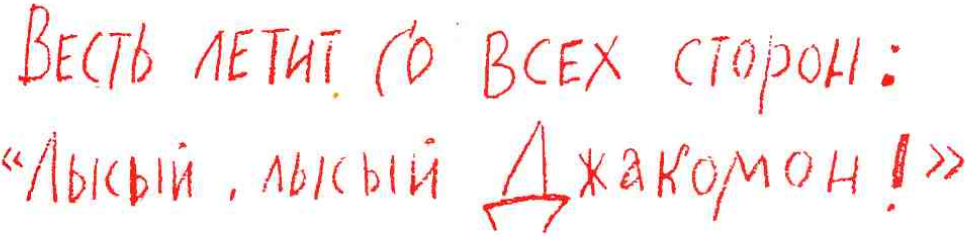
Но Джакомон на этом не успокоился. По всему королевству был разослан указ, в котором было обещано сто тысяч фальшивых талеров тому, кто укажет человека, оскорбившего его светлость. На площади перед дворцом, возле самой колонны, была сооружена гильотина, чтобы отсечь голову неосторожному писаке.

— Мамочка моя! — воскликнула, стараясь спрятаться на колонне, Кошка-хромоножка и потрогала шею. — Я, право, не знаю, как называется на языке лжецов страх, но если его называют смелость, то я сейчас чувствую себя ужасно смелой.

Из осторожности она весь день провела в своем убежище, свернувшись в клубок. К вечеру, когда она была достаточно убеждена, что не произойдет неприятных встреч, она спустилась вниз с колонны, сотню раз оглядываясь по сторонам, прежде чем сделать хоть шаг вперед. Когда она очутилась уже на земле, ее задние лапы готовы были сразу пуститься наутек. И вот в этот момент она снова почувствовала в передней правой лапе неприятный зуд.

— Ну вот, опять начинается, — промурлыкала Кошка-хромоножка. — Придется мне, пожалуй, чтобы прошел этот зуд, опять написать что-нибудь неприятное на память королю Джакомону. Понятно, раз родилась я нарисованной на стене, всю жизнь мне придется теперь заниматься писаниной. Но я не вижу здесь ни одной стены. А напишу-ка я там.

И на топоре гильотины своей лапкой из красного мела она нацарапала новое послание королю Джакомону. Оно гласило:



Зуд сразу прошел, но Кошка-хромонсжка с беспокойством отметила, что ее лапа укоротилась на несколько миллиметров.

— У меня и так уже не хватает одной лапы, — сказала она, — а если я буду писать, то и другая лапа сотрется, как же я буду тогда ходить?

— Ну, пока я тебе помогу, — услышала она голос за своей спиной.

Если бы только один голос, Кошка-хромоножка смогла бы спастись бегством. Но у голоса были две руки и цепкие пальцы, которые крепко держали. Руки и голос принадлежали уже

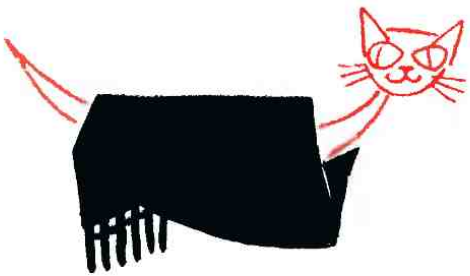
немолодой синьоре, ростом почти в два метра, на вид сухой и строгой...

— Тетушка Кукуруза!

— Да, это я, — прошипела старая синьора, — и я возьму тебя с собой. Ты у меня узнаешь, как таскать у моих кошек ужин и писать мелом на стенах.

Кошка-хромоножка без возражений дала себя завернуть в накидку тетушки Кукурузы, тем более что из ворот королевского дворца уже показалось несколько жандармов.

«Хорошо, что тетушка Кукуруза появилась раньше, — подумала Кошка-хромоножка, — лучше попасться ей в руки, чем в руки Джакомона».



Кошка-хромоножка
без лишних слов
Учит мяукать глупых котов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Тетушка Кукуруза принесла домой Кошку-хромоножку и пришила ее к креслу. Да, да, пришила иголкой и ниткой, как пришивают рисунок на скатерть, когда хотят ее вышить. Прежде чем оборвать нитку, она сделала двойной узел, чтобы не разошелся шов.

— Тетушка Кукуруза, — сказала Кошка-хромоножка, сразу повеселев, — вы бы по крайней мере хоть синие нитки выбрали, они лучше бы подошли к цвету моей шерсти. Эти оранжевые ужасны, они напоминают мне парик Джакомона.

— Нечего говорить о париках, — ответила тетушка Кукуруза. — Самое главное, чтобы ты сидела спокойно и не убежала от меня, как вчера вечером. Ты диковинное животное, и от тебя я жду больших дел.

— Я всего лишь навсего кошка, — скромно заметила Хромоножка.

— Ты кошка, которая мяукает, а в наши дни таких мало. Их даже совсем нет. Кошки вздумали лаять, как собаки, и, конечно, им это плохо удается, ведь они не родились для этого. Я же люблю кошек, а не собак. У меня семь кошек

в доме. Они спят в кухне под умывальником. Всякий раз, когда они раскрывают рот, мне хочется прогнать их. Я раз сто пробовала научить их мяукать, но они не слушаются меня и не доверяют мне.

Кошка-хромоножка начала испытывать симпатию к этой старой синьоре, которая, несомненно, спасла ее от полиции и которой до смерти надоели лающие коты.

— Во всяком случае, — продолжала тетушка Кукуруза, — о кошках мы подумаем завтра. Сегодня вечером мы займемся другим делом.

Она подошла к небольшой полке и взяла оттуда книгу, показав ее заглавие Кошке-хромоножке.

— «Трактат о чистоте», — прочитала кошка.

— А теперь, — заявила тетушка Кукуруза, удобно устраиваясь в кресле напротив Кошки-хромоножки, — я тебе прочту книгу от первой главы до последней.

— Сколько же в ней страниц, тетечка?

— Пустяки! Всего-навсего восемьсот двадцать четыре, включая оглавление, которое я, так уж и быть, не буду читать. Итак: «Глава первая. Почему не следует писать свое имя на стенах. Имя — вещь важная, и им нельзя разбрасываться. Нарисуйте красивую картину и можете поставить под ней свою подпись. Создайте прекрасную статую, и ваше имя будет красоваться на пьедестале. Изобретите хорошую машину, и вы будете иметь право назвать ее вашим именем. Только те, кто не делает ничего хорошего, не находят лучшего места для своего имени, как стены, на которых они его пишут».

— Я вполне согласна, — заявила Кошка-хромоножка, — но ведь я-то писала на стенах не свое имя, а короля Джакомона.

— Молчи и слушай. «Глава вторая. Почему не следует писать на стенах имена своих друзей».

— У меня всего-навсего один друг, — сказала Кошка-хромоножка. — Он был у меня, но я его потеряла. Я не желаю слушать эту главу, иначе я очень расстроюсь.

— Но тебе все же придется ее прослушать. Ведь ты все равно не можешь двинуться с места.

Но в эту минуту зазвенел звонок, и тетушка Кукуруза вста-

ла, чтобы пойти открыть дверь. Вошла девочка лет десяти. То, что это была девочка, можно было заключить по пучку волос, наподобие конского хвоста собранных у нее на затылке. В остальном она могла легко сойти за мальчика, потому что была одета в спортивные брюки и клетчатую ковбойку.

— Ромолетта! — воскликнула Кошка-хромоножка вне себя от удивления.

Девочка посмотрела на нее, стараясь вспомнить.

— Где мы с тобой встречались?

— Ну как же, — продолжала Кошка-хромоножка, — тебя ведь можно назвать почти моей мамой. Разве мой цвет ничего тебе не напоминает?

— Напоминает, — ответила Ромолетта, — кусочек мела, который я однажды одолжила в школе.

— Одолжила? — спросила тетушка Кукуруза. — А учительница знала об этом?

— Я не успела вовремя сказать ей, — объяснила Ромолетта, — сразу прозвенел звонок на большую перемену.

— Отлично, — сказала Кошка-хромоножка, — значит, меня можно считать дочерью этого кусочка мела. Вот почему я образованная кошка: умею говорить, читать, писать и считать. Конечно, я бы тебе была очень признательна, если бы ты нарисовала мне все четыре лапы. Но я и так довольна.

— Я тоже ужасно рада вновь увидеть тебя, — улыбнулась Ромолетта.— Кто знает, сколько новостей ты мне расскажешь.

— Все довольны, кроме меня, — вмешалась тетушка Кукуруза. — По-моему, вам обеим следует научиться тому, что написано в моей книге. Ромолетта, садись там.

Девочка пододвинула поближе кресло, устроилась в нем с ногами, подальше отбросив свои туфли. Тетушка Кукуруза принялась читать третью главу, в которой разъяснялось, почему не следует писать на стенах оскорбительные для прохожих слова. Кошка-хромоножка и Ромолетта слушали с большим вниманием. Кошке-хромоножке, пришитой к креслу, ничего другого не оставалось. А вот Ромолетта делала это не без некоторой хитрости, смысл которой вы скоро поймете.

Дойдя до десятой главы, тетушка Кукуруза начала позевывать. Сначала она зевала раза два на каждой странице, потом

стала зевать все чаще и чаще: три, четыре раза на каждой странице, затем на каждой строчке... на каждом слове... и, наконец, она зевнула так сладко, что, когда закрылся рот, одновременно с ним закрылись и глаза доброй синьоры.

— Вот всегда так, — пояснила Ромолетта, — дойдет до половины книги и засыпает.

— И что же? Мы теперь должны ждать, пока она проснется? — спросила Кошка-хромоножка. — Она меня так крепко пришила, что, пожелай я зевнуть, все равно не смогла бы раскрыть рот. Кроме того, я тороплюсь разыскать одного друга, которого не видела со вчерашнего вечера.

— Сейчас я все устрою, — сказала Ромолетта.

Взяв ножницы, она осторожно распорола нитки. Кошка-хромоножка спрыгнула на пол, потянулась, с облегчением вздохнула.

— Скорее, — прошептала Ромолетта, — пройдем через кухню.

На кухне была кромешная тьма, но в углу, где, вероятно, находился умывальник, поблескивали четырнадцать зелененьких огоньков.

— Здесь пахнет кошками, — сказала наша Хромоножка. — Я даже чувствую запах семи кошек.

— Это тетины кошки.

Там, где стоял умывальник, раздалось веселое хихиканье.

— Сестричка, — послышалось оттуда, — ты, оказывается, не только хромая, но и слепая. Разве ты не видишь, что мы, как и ты, собаки?

— Ах вы, несчастные лгунишки! — воскликнула Кошка-хромоножка, рассердившись не на шутку. — Вам просто повезло, что мне некогда, а то я научила бы вас мяукать. Тетушка Кукуруза сказала бы еще мне спасибо.

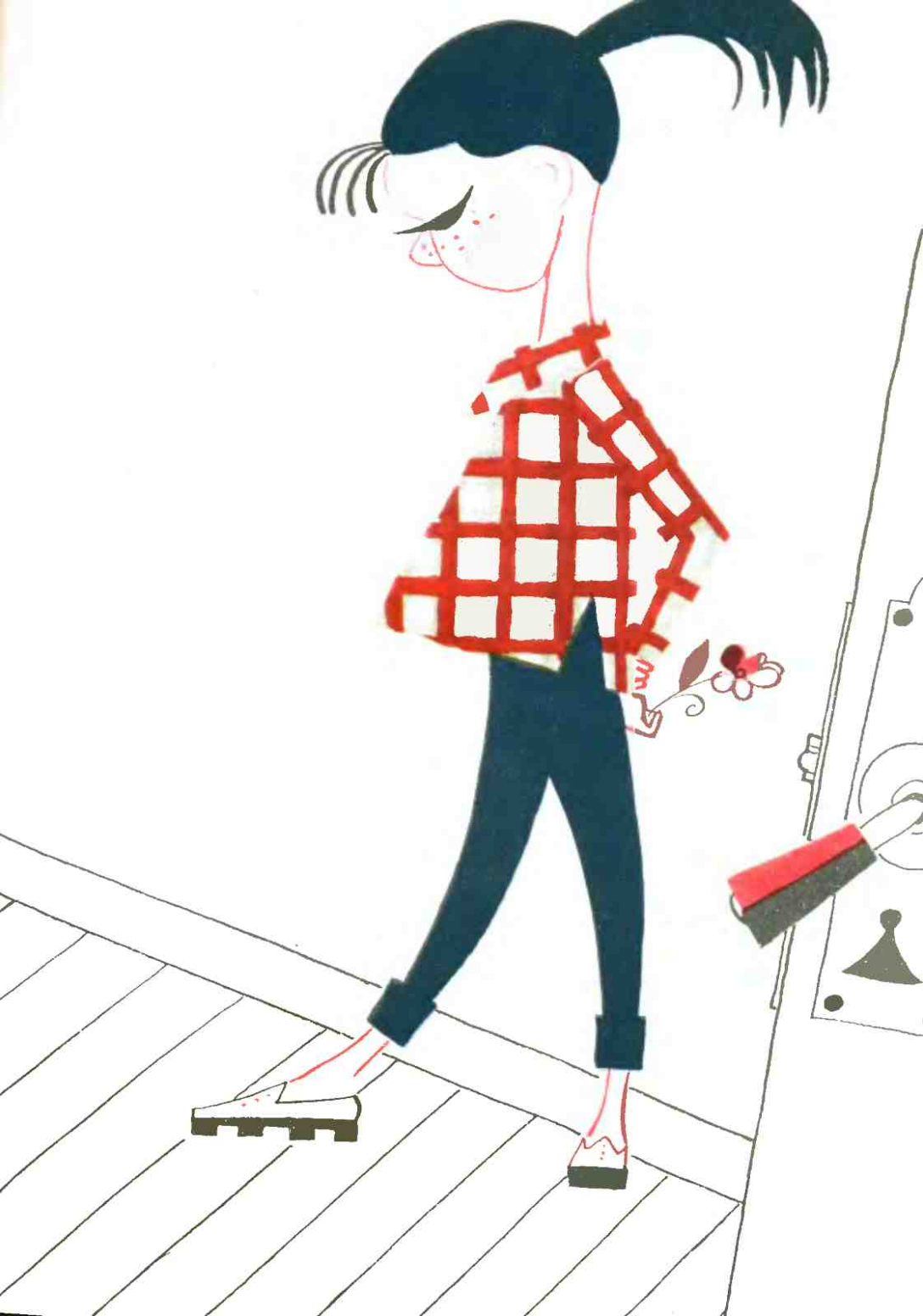
— Гав-гав! — ответили хором семь котят.

Кошка-хромоножка, прихрамывая, прошла через кухню и уселась перед своими семерыми собратьями.

— Мяу! — произнесла она с вызывающим видом.

Семь котят почувствовали себя неважно.

— Вы слышали? — спросил самый маленький котенок. — Она действительно умеет мяукать.



— Да, да, и совсем неплохо для собаки.

— Мяу, — повторила Кошка-хромоножка, — мяу, мяу, мяу!

— Это, наверное, звукоподражатель на радио, — сказал самый старший из котят. — Не слушайте ее. Она напрашивается на аплодисменты.

— Мяу! — еще раз протянула Кошка-хромоножка.

— По правде говоря,—пропищал другой котенок,—я тоже не прочь так хорошо мяукать. Если хотите знать, мне страсть как надоело лаять. Всякий раз, когда я принимаюсь лаять, меня охватывает такой страх, что шерсть встает дыбом.

— Ах ты, мой упрямец! А знаешь, почему ты пугаешься?— сказала Кошка-хромоножка. — Да потому, что ты кошка, а не собака.

— Прошу меня не оскорблять. Хватит и того, что мы слушаем тебя. Кто знает, что ты собой представляешь?

— Я, как и вы, кошка.

— Ну, собака ты или кошка, а мяукать мне тоже хотелось бы.

— Так попробуй же, — сказала Кошка-хромоножка. — Ты узнаешь, что это за штука. У тебя во рту будет вкус слаще, чем...

— Слаще, чем молоко тетушки Кукурузы? — спросил самый маленький котенок.

— Во сто раз слаще.

— Мне ужасно хочется попробовать, — пропищал котенок.

— Мяу, мяу, — замяукала вкрадчиво Кошка-хромоножка. — Смелее, братья котята, учитесь мяукать.

И пока Ромолетта держалась за живот от смеха, самый маленький котенок начал робко мяукать. Ему стал вторить уже сильнее второй. Затем третий присоединился к хору. И вскоре все семь котят замяукали, как семь скрипок, подстрекаемые во весь голос Кошкой-хромоножкой.

— Ну, что вы теперь скажете?

— Это и вправду сладко!

— Слаще, чем подсахаренное молоко!

— Кстати, — воскликнула Ромолетта, — вы разбудите тетю Кукурузу. Пошли, Кошка-хромоножка!

Ромолетта и Кошка-хромоножка выбежали во двор.

Тетушка Кукуруза проснулась и появилась в дверях кухни. Послышался щелчок выключателя, и показалось лицо старой синьоры, по которому текли счастливые слезы.

— Кисоньки вы мои, наконец-то, наконец!

Сначала семь котят были в нерешительности. Они смотрели на свою хозяйку, мяукали без передышки и не понимали, что означают эти ручейки, вытекающие из ее глаз. Потом они взглянули на дверь и гуськом устремились во двор, ни на минуту не переставая мяукать.

Тетушка Кукуруза, вытирая слезы, смотрела им вслед.

— Молодцы, молодцы, — повторяла она, — ну и молодцы!

Котята отвечали ей:

— Мяу! Мяу!

Но кое-кто незаметно наблюдал за этим необычным зрелищем. Это был синьор Калимер, владелец дома; он отличался такой скупостью, что сам жил на чердаке, а жильцам сдавал весь дом, вплоть до последней комнатушки. Человек он был препротивный и походил на доносчика. Уже много раз синьор Калимер запрещал тетушке Кукурузе держать в доме животных, но старая синьора, разумеется, не слушала его.

— Я плачу за квартиру, — говорила она, — и вдобавок очень дорого. В своем доме я принимаю кого хочу.

Добрую часть своего времени Калимер проводил, наблюдая из слухового окна своего чердака, что делают другие. Именно поэтому он увидел в тот вечер кошек, услышал, как они мяукали, и даже то, как тетушка Кукуруза громко расхваливала их, без конца повторяя:

— Ну, и молодцы, молодцы!

— Ага, попалась, — сказал Калимер, потирая руки. — Так, значит, эта старая ведьма подбирает бродячих собак, она хочет обучить их мяукать. На этот раз я ее поставлю на свое место. Сейчас же напишу министру.

Закрыв окно, он взял перо, бумагу, чернила и написал:

«Господин министр!

Происходят невероятные вещи, с которыми никак не могут мириться жители нашего города. Синьора тетушка Кукуруза сделала то и се и т. д., и т. п».

Подпись: «Друг лжи».

Он вложил письмо в конверт и побежал бросить его в почтовый ящик. К довершению всех бед, как раз в тот момент, когда Калимер возвращался домой, Ромолетта и Кошка-хромоножка остановились на улице, чтобы проделать то, за что им пришлось бы выслушать еще глав десять из книги тетушки Кукурузы.

Вам уже известно, что Кошка-хромоножка испытывала иногда особый зуд в лапе, и тогда она не могла удержаться, чтобы не написать чего-нибудь на стене. Как раз в этот момент она приводила в исполнение свое желание, а Ромолетта смотрела на нее с завистью, так как у нее в кармане не было ни кусочка мела. Ни та, ни другая не заметили Калимера.

Завидев их, доносчик сразу заподозрил что-то неладное. Он спрятался в подворотне и смог в свое удовольствие прочитать новое послание Кошки-хромоножки, которое гласило:

Большая беда короля ожидает,
Когда коты перестанут лаять.

Не успели Ромолетта и Кошка-хромоножка уйти, как Калимер помчался домой и с радостью настрочил новое письмо министру.

«Ваше высокопревосходительство! Смею сообщить вам, что авторы оскорбительных для нашего короля надписей на стенах

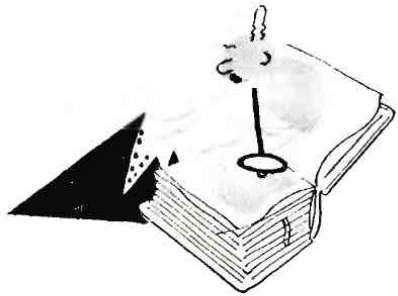
проживают в доме синьоры Кукурузы. Ими являются ее племянница Ромолетта и одна из собак, которых та подбирает, чтобы вопреки всем законам обучить мяукать. Уверен, что получу от вас обещанное вознаграждение в сто тысяч фальшивых талеров.

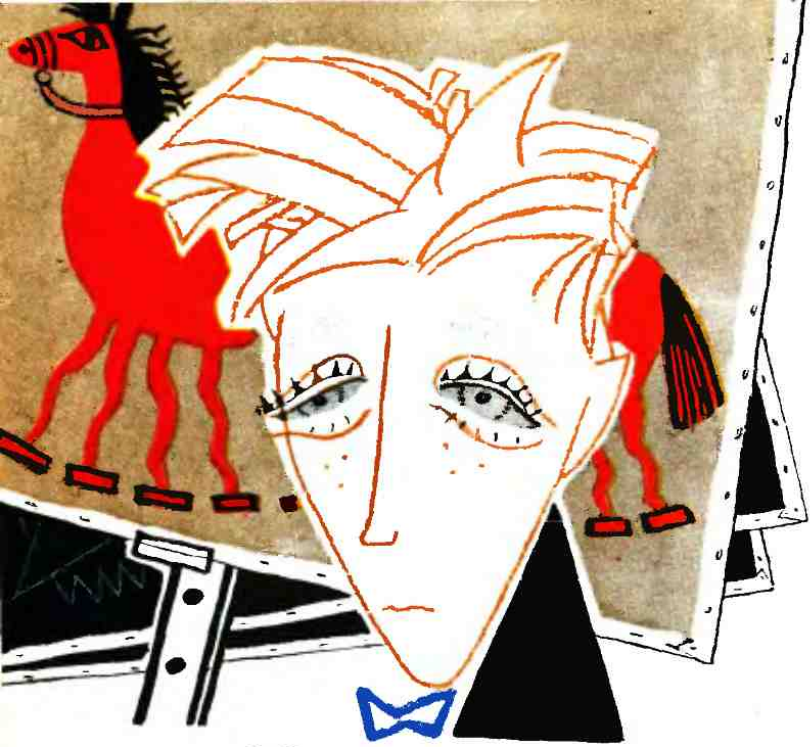
Калимер Векселъ».

Тем временем на улице Кошка-хромоножка с беспокойством обнаружила, что ее правая лапа опять укоротилась на несколько миллиметров.

— Нужно изобрести способ, как писать, не стирая лапу, — сказала она, вздыхая.

— Подожди, — воскликнула Ромолетта, — какая же я дуреха, что сразу не подумала! Я знаю одного художника, который живет здесь поблизости. Его комната на чердаке и всегда открыта. Он гол как сокол и не боится воров. Ты можешь войти к нему и взять в долг немного краски или даже целую коробку. Пойдем, я тебе покажу дорогу, а потом вернусь домой. Мне не хочется, чтобы тетушка Кукуруза обо мне беспокоилась.





Бананито —
бравый художник,
Бросив кисть,
хватает ножик.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В тот вечер художник Бананито никак не мог заснуть. Скорчившись на табуретке, он сидел один-одинешенек у себя на чердаке, смотрел на свои картины и грустно думал: «Нет, все усилия напрасны. В моих картинах чего-то не хватает. Будь это что-то, они стали бы настоящими шедеврами. Но чего же в них все-таки не хватает? Вот в чем вопрос».

В этот момент на его подоконник прыгнула Кошка-хромоножка. Она вскарабкалась наверх по крышам, решив войти через окно, чтобы не беспокоить зря хозяина.

— О, да мы еще не спим, — промяукала она тихо. — Ну что ж, придется подождать здесь. Я не хочу, чтобы меня считали невежей. Когда Бананито будет спать, возьму-ка я у него краски, он и не заметит. А пока взгляну-ка я на его картины.

Но то, что она увидела, заставило ее остолбенеть.

«По-моему, — подумала она, — на картинах все преувели-

чено. Не будь этого, они были бы сносными. Но в чем же тут дело? Слишком много ног. У этой лошади, например, их целых тринадцать. Подумать только! А у меня всего три... И потом слишком много носов: на этом портрете целых три носа на лице. Не завидую я этому синьору — ведь если он простудится, ему понадобится сразу три носовых платка. Ага, художник собирается что-то делать...»

Бананито действительно поднялся со своей табуретки.

«Пожалуй, здесь немного не хватает зеленой краски, — подумал он. — Да, да! Именно зеленой».

Он взял тюбик зеленой краски, выдавил его на палитру и начал наносить зеленые мазки на все картины: на лошадиные ноги, на три носа, на глаза некоей синьоры: их было шесть — по три с каждой стороны.

Потом он отступил на несколько шагов, прищурив глаз, чтобы лучше оценить результаты своей работы.

— Нет, нет, — пробормотал он, — видимо, не в этом дело. Картины нисколько не стали лучше.

Кошка-хромоножка со своего наблюдательного пункта не могла слышать этих слов, но она видела, как Бананито грустно поник головой.

«Ручаюсь, что он сильно огорчен, — подумала Кошка-хромоножка. — Не хотела бы я быть на месте этой синьоры с шестью глазами, ведь если у нее ослабнет зрение, ей придется покупать очки с шестью стеклами, а они, вероятно, стоят очень дорого».

Бананито между тем взял тюбик с другой краской, выдавил ее на палитру и снова принялся наносить мазки на свои картины, прыгая по комнате, как кузнечик.

«Да, как раз желтая подойдет, — думал он, — я уверен, что здесь не хватает немного желтизны».

«Все пропало, — размышляла в это время Кошка-хромоножка, — теперь у него получится сплошная яичница».

Но Бананито уже бросил на пол свою палитру и кисть; он с яростью стал топтать их ногами и рвать на себе волосы.

«Если он не перестанет, — подумала Кошка-хромоножка, — он будет лысым, как король Джакомон. Не попробовать ли мне его успокоить? А вдруг он обидится? К советам кошек

никто никогда не прислушивался. Да это и трудно. Ведь почти никто не понимает кошачьего языка».

Бананито, наконец, сжалился над своими волосами.

— Хватит! — решил он. — Возьму-ка я на кухне нож и изрежу все картины на куски, да на такие мелкие, чтобы из них получилось конфетти. Видно, не суждено мне быть художником.

«Кухня» Бананито представляла собой маленький столик в углу чердака, на котором стояли примус, кастрюлька, сковородка и лежало несколько ложек, вилок и ножей. Столик стоял у самого окна, и Кошке-хромоножке пришлось спрятаться за цветочный горшок, чтобы остаться незамеченной. Впрочем, даже если бы она не спряталась, Бананито все равно не увидел бы ее, потому что глаза его застилали крупные, как орех, слезы.

«Что же он теперь собирается делать? — размышляла Кошка-хромоножка. — Берет ложку... Ага! Наверное, проголодался. Нет, кладет ложку обратно и хватается за нож. Это начинает меня беспокоить. Уж не собирается ли он кого-нибудь зарезать, к примеру, своих критиков? А впрочем, он должен был бы радоваться, что его картины так безобразны. Ведь когда они попадут на выставку, люди не смогут сказать правды, все будут твердить, что это настоящие шедевры, и он заработает кучу денег».

Пока Кошка-хромоножка предавалась подобным размышлениям, Бананито достал из ящика стола брусок и принялся точить нож.

— Я хочу, чтобы он резал, как бритва. Пусть от моих работ и следа не останется, — приговаривал он.

«Видно, он решил убить кого-то, — думала Кошка-хромоножка, — и хочет, чтобы удар был смертельным. Минуточку, а что, если он покончит с собой? Такое преступление было бы еще ужаснее. Нужно обязательно что-то предпринять. Нельзя терять ни секунды. Если в свое время гуси Рим спасли, то почему бы хромой кошке не спасти отчаявшегося художника?»

И наша маленькая героиня на своих трех лапках, отчаянно мяукая, смело прыгнула в комнату. В ту же минуту распах-

нулась дверь, и на чердак ворвался запыхавшийся, потный, покрытый пылью и известкой... Угадайте, кто?

— Джельсомино!

— Хромоножка!

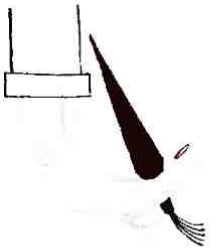
— Как я рада, что снова вижу тебя!

— Ты ли это, моя Хромоножка?

— Посчитай, сколько у меня лапок, если сомневаешься.

И на глазах художника, который, раскрыв рот от изумления, застыл с ножом в руках, Джельсомино и Кошка-хромоножка обнялись и пустились в пляс от радости.

О том, почему наш тенор забрался так высоко и почему именно в этот момент он вошел именно в эту дверь, обо всем этом будет вам подробнейшим образом рассказано в следующей главе.



Джельсомино, наконец,
Выступает как певец.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Джельсомино, как вы, наверное, помните, заснул в подвале на куче угля. По правде говоря, это была не очень удобная постель, но молодежь ведь не обращает внимания на удобства, и, хотя острые куски угля впивались ему в ребра, это не мешало Джельсомино крепко спать и видеть сны.

Во время сна он начал напевать.

Многие имеют привычку разговаривать во сне, у Джельсомино же была привычка напевать. А проснувшись, он ничего не помнил. Может быть, его голос проделывал с ним эту шутку, желая отомстить за то длительное молчание, на которое Джельсомино обрекал его днем. Тем самым голос, по-видимому, хотел отыграться за все те случаи, когда хозяин не разрешал ему вырваться на волю.

Джельсомино напевал во сне вполголоса, но этого было вполне достаточно, чтобы поднять на ноги полгорода.

Жители выглядывали из окон и возмущались:

— Куда девалась ночная стража? Это просто невыносимо, неужели никто не может заставить замолчать этого пьяницу?

Стражники бегали взад и вперед, но никого не видели на пустынных улицах.

Проснулся и директор городского театра, живший на другом конце города, километрах в десяти от подвала, где спал Джельсомино.

— Какой изумительный голос! — воскликнул он. — Вот это настоящий тенор. Однако кто может так петь? Ох, если бы мне удалось заполучить его, мой театр ломился бы от публики. Этот человек мог бы спасти меня.

Действительно, вы должны знать, что театр в этом городе переживал кризис — вернее, даже был накануне полного краха. В Стране лжи было немного певцов, но они считали своим долгом петь фальшиво. И вот почему: когда они пели хорошо, публика вопила: «Перестань лаять, собака!» А если пели плохо, зрители кричали: «Браво! Брависсимо! Бис!» Певцы, само собой разумеется, предпочитали, чтобы им кричали «браво», и пели плохо.

Директор театра поспешно оделся, вышел на улицу и направился к центру города, откуда, по его мнению, доносился голос. Я не буду вам рассказывать, сколько раз ему казалось, что он напал на верный след.

— Наверняка он находится в этом доме, — говорил он каждый раз, — сомнений быть не может: голос слышится прямо из этого окна на верхнем этаже.

Спустя два часа, полумертвый от усталости и уже почти готовый отказаться от дальнейших поисков, он набрел, наконец, на подвал, где спал Джельсомино. Можете себе представить его удивление, когда при тусклом свете своей зажигалки он увидел, что необыкновенный голос принадлежал юноше, спавшему на куче угля.

— Если он во сне поет так хорошо, можно себе представить, как он будет петь наяву, — сказал директор театра, потирая руки. — Этот юноша просто клад и сам, по-видимому, не знает этого. Я нашел этот клад, и он мне поможет разбогатеть.

Он разбудил Джельсомино и представился ему:

— Я маэстро Домисоль, и я исходил пешком десять километров, чтобы разыскать тебя. Ты обязательно завтра же вечером будешь петь в моем театре. А сейчас вставай, пойдем ко мне домой и устроим пробу.

Джельсомино пытался было отказаться. Он твердил, что ему ужасно хочется спать, но Домисоль тут же пообещал предоставить ему самую удобную двуспальную кровать. Тогда Джельсомино сказал, что никогда не занимался музыкой, но маэстро клялся, что с таким голосом совсем не обязательно знать ноты.

Голос Джельсомино поспешил воспользоваться подвернувшимся случаем. «Смелее, — подстрекал он своего хозяина. — Разве ты не хотел стать певцом? Соглашайся, возможно, это будет началом твоего счастья».

Маэстро Домисоль положил конец этим пререканиям, схватил Джельсомино за руку и силой потащил его за собой. Придя домой, он сел за пианино и, взяв аккорд, приказал Джельсомино:

— Пой!

— Может, лучше открыть окна? — робко спросил Джельсомино.

— Нет, нет, я не хочу беспокоить соседей.

— А что мне петь?

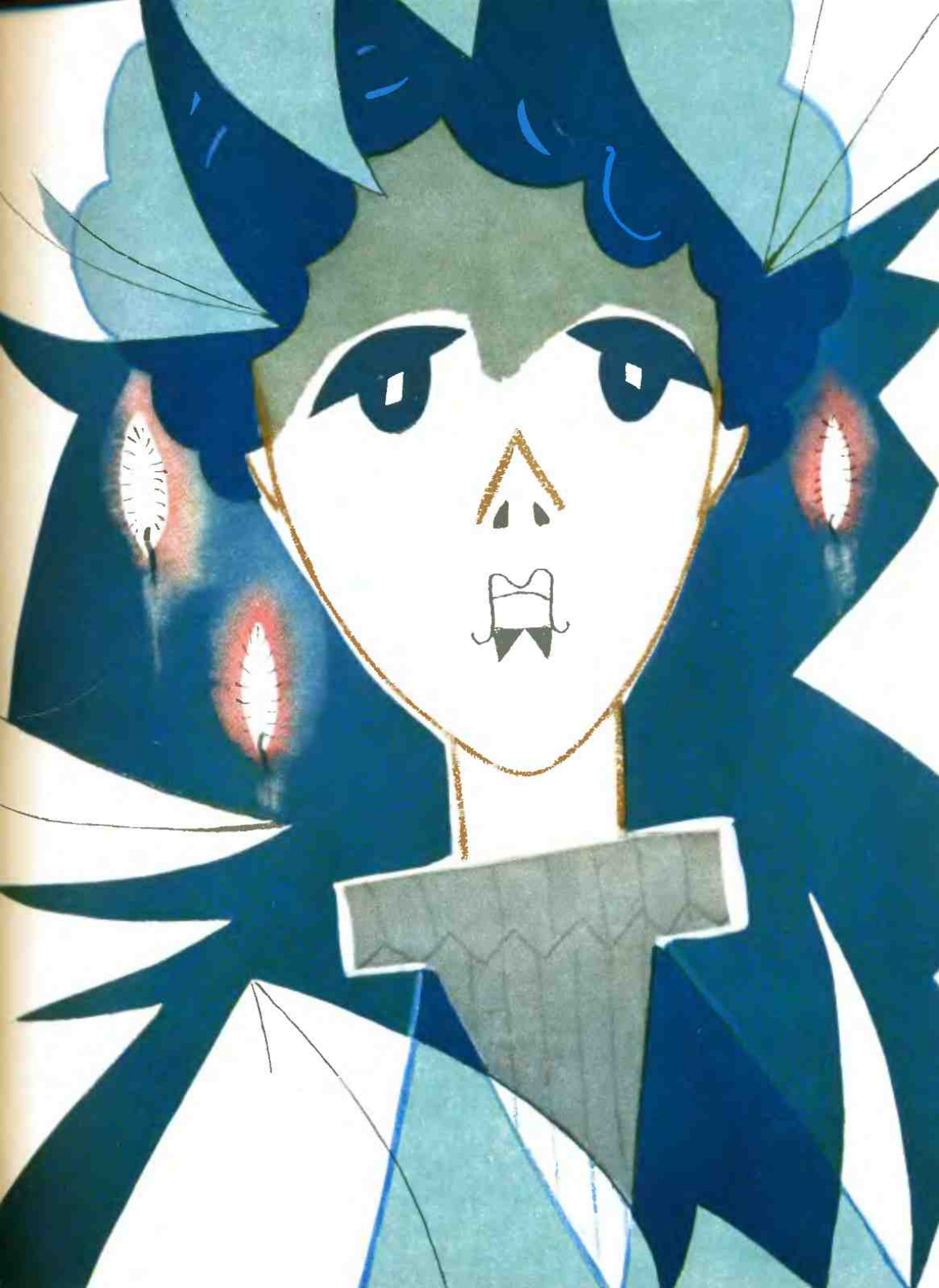
— Пой что хочешь. Ну, например, какую-нибудь песенку из тех, что поют в твоем селе.

И Джельсомино начал петь одну из тех песенок, которые пели в его селе. Он старался петь как можно тише и при этом, не отрываясь, смотрел на стекла окон, которые сильно дрожали и, казалось, с минуты на минуту готовы были разлететься на куски.

Однако стекла не вылетели, но зато в начале второго куплета вдребезги разбилась люстра и в комнате стало темно.

— Замечательно! — воскликнул маэстро Домисоль и зажег свечу. — Изумительно! Сногсшибательно! Вот уже тридцать лет, как в этой комнате поют тенора, и до сих пор ни одному из них не удалось разбить даже чашки от кофейного сервиза.

В конце третьего куплета стекла в окнах, как Джельсомино



и опасался, разлетелись на кусочки. Маэстро Домисоль вскочил из-за пианино и бросился обнимать его.

— Мальчик мой! — кричал он, плача от восторга. — Вот доказательство, что я не ошибся. Ты будешь самым великим певцом всех времен! Толпы поклонников снимут колеса у твоего автомобиля и понесут тебя на руках.

— Но у меня нет автомобиля, — заметил Джельсомино.

— Ты будешь иметь десятки автомобилей! Каждый день у тебя будет новый автомобиль. Благодари небо за то, что на твоем пути встретился маэстро Домисоль. А теперь спой-ка мне еще песенку.

Джельсомино почувствовал некоторое волнение. Еще бы — первый раз в жизни его хвалили за пение. Он не был тщеславным, но похвала всякому приятна. Он охотно спел еще одну песенку и на этот раз уже не старался так сдерживать свой голос. Он взял всего одну или две высокие ноты, но и этого оказалось достаточно, чтобы произошло настоящее столпотворение.

В соседних домах одно за другим разбивались стекла, люди испуганно высовывались из окон на улицу и кричали:

— Землетрясение! Помогите! Помогите! Спасайся кто может!

С пронзительным воем промчались пожарные машины. На улицах быстро собрались толпы людей, которые устремлялись за город, неся на руках спящих детей и толкая перед собой тачки с домашним скарбом.

Маэстро Домисоль был вне себя от радости.

— Потрясающе! Феноменально! Неслыханно! — Он осыпал Джельсомино поцелуями, обвязал ему шею теплым шарфом, чтобы он не простудил горло, а потом пригласил его в столовую и угостил таким обедом, которого, пожалуй, хватило бы, чтобы накормить по крайней мере десяток безработных.

— Кушай, сынок, кушай, — приговаривал он. — Придвинька к себе поближе эту курятину — она помогает лучше брать высокие ноты. А вот эта баранья ножка придает особую бархатистость низким нотам. Кушай! С сегодняшнего дня ты мой гость. Ты будешь жить у меня в самой лучшей комнате, все

стены которой я прикажу обить войлоком, так что ты сможешь вволю упражняться и никто тебя не услышит.

Джельсомино, по правде говоря, хотел было кинуться на улицу, чтобы успокоить испуганных жителей или по крайней мере позвонить по телефону пожарникам, чтобы они не носились понапрасну по городу. Но маэстро Домисоль отговорил его.

— Не советую этого делать, сынок. Ведь тебе пришлось бы платить за все разбитые стекла, а у тебя пока нет ни гроша. Я не говорю уже о том, что тебя могут арестовать, а если ты попадешь в тюрьму, прощай тогда твоя музыкальная карьера.

— А что, если и в театре мой голос наделает бед?

Домисоль рассмеялся:

— Театры для того и созданы, чтобы певцы могли в них петь. Театры могут выдержать не только сильные голоса, но и разрывы бомб. Теперь отправляйся спать, а я займусь афишей и отдам ее поскорее печатать.

Наш герой запел со сцены —
В театре рухнули все стены.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Проснувшись на следующее утро, жители города увидели, что на всех углах расклеены афиши следующего содержания: «Сегодня утром (а не точно — в 48 часов) самый захудалый тенор Джельсомино, собака из собак, только что возвратившийся после неоднократных провалов и свистков, которыми наградили его в крупнейших театрах Европы и Америки, петь не будет в городском театре.

Жителей города просят не приходить.

Билеты выдаются бесплатно».

Разумеется, эту афишу нужно было читать шиворот-навыворот, и все жители города поняли, что она означала как раз обратное тому, что в ней было написано. Под словом «провал» нужно было понимать «успех», а выражение «петь не будет» означало, что Джельсомино именно будет петь в 48 часов, то есть точно в 21 час.

Сказать по правде, Джельсомино не очень хотел, чтобы в афише упоминалось об его поездке в Америку.

— Я ни разу не был в Америке, — протестовал он.

— Вот именно, — возразил ему маэстро Домисоль, — это ложь, и, значит, это как раз к месту. Если бы ты бывал в Америке, нам пришлось бы написать, что ты гастролировал в Азии. Таков закон. Забудь о законах, а помни о пении.

То утро, как наши читатели уже знают, было весьма беспокойным (на фасаде королевского дворца была обнаружена знаменитая фраза, написанная Кошкой-хромоножкой). Во второй половине дня в городе вновь воцарилось спокойствие, и задолго до девяти часов вечера театр, как писали потом газеты, был «безлюден, как пустыня», что означало, что он был битком набит зрителями.

Все пришли в театр в надежде услышать настоящего певца. Недаром маэстро Домисоль для привлечения в театр публики распустил по городу самые невероятные слухи о Джельсомино.

— Не забудьте захватить с собой побольше ваты, чтобы заткнуть уши, — говорили агенты Домисоля, шныряя по городу. — Этот тенор ужасен, он доставит вам адские муки.

— Представьте себе лай десятка бешеных собак, прибавьте к этому хор сотни котов, которым подожгли хвосты, все это смешайте с воем пожарной сирены и хорошенько встряхните — вы получите нечто похожее на голос Джельсомино.

— Короче говоря, это чудовище?

— Настоящее чудовище! Ему в болоте квакать с лягушками, а не в театре петь. Его следовало бы заставить петь под водой и не давать ему высовывать голову наружу; пусть тонет, как бешеный кот.

Эти рассказы, как и все рассказы в Стране лжецов, люди понимали наоборот, и поэтому вам понятно, почему театр, как мы уже говорили, задолго до начала концерта был так полон, что и яблоку негде было упасть.

Ровно в девять в королевской ложе появился его величество Джакомон Первый, гордо неся на голове свой оранжевый парик. Все присутствовавшие в театре встали, поклонились ему и снова сели, стараясь не смотреть на его парик. Никто не позволил себе сделать даже малейшего намека на утреннее происшествие, ведь все знали, что театр полон шпионов, готовых записать в свои блокноты разговоры неосторожных людей.

Домисоль, с нетерпением ожидавший приезда короля и наблюдавший за королевской ложей через дырку в занавесе, подал Джельсомино знак, чтобы тот приготовился, а сам спустился в оркестр. По мановению его палочки раздались звуки национального гимна, начинавшегося словами:

Слава, слава Джакомону,
Всем он счастье нам принес!
И да здравствует прекрасный
Цвет оранжевых волос!

Разумеется, никто не позволил себе засмеяться; некоторые утверждают, что Джакомон в этот момент слегка покраснел, но этому трудно поверить, так как на лице Джакомона, стремившегося казаться моложе, в тот вечер лежал густой слой пудры.

Как только Джельсомино появился на сцене, сразу же по сигналу агентов Домисоля в зале раздался свист и послышались крики:

— Долой Джельсомино!

— Убирайся отсюда, собака!

— Катись в свое болото, лягушка!

Джельсомино терпеливо выслушал эти и другие подобные им выкрики, откашлялся и дождался того момента, когда в зале снова установилась тишина. Затем он начал петь первую песню из своей программы. Пел он самым нежным голосом, на который только был способен, причем так плотно сжимал губы, что издалека даже казалось, что он не раскрывал рта. Это была одна из тех песенок, которые распевали в его родном селении. Простая песенка с немного смешными словами, но Джельсомино пел ее с таким чувством, что вскоре по всему залу замелькали носовые платки — слушатели не успевали вытирать слезы. Песенка кончалась на очень высокой ноте, и Джельсомино при этом не только не запел громче, но, наоборот, постарался как можно больше приглушить свой голос. Однако это не помогло, и на галерке вдруг раздалось звучное «бабах!» — лопнули десятки лампочек, сделанных из тончайшего стекла. Впрочем, этот шум был заглушен страшным ураганом свиста. Зрители, как один вскочив на ноги, орали во все горло:

— Убирайся вон, шут балаганный!
— Не хотим тебя больше слушать!
— Пой свои серенады китам!

В общем, если бы газеты могли писать правду, мы прочли бы: «Восторг слушателей не знал границ».

Джельсомино раскланялся и начал петь вторую песню. На этот раз, нужно признаться, он немного разошелся. Песня ему нравилась, пение было его страстью, публика слушала его с восхищением, и Джельсомино, забыв о своей обычной осторожности, взял высокую ноту, которая привела в восторг толпу слушателей, не доставших билеты и стоявших в нескольких километрах от театра.

Он ждал аплодисментов, или, вернее сказать, нового урагана свиста и оскорблений. Вместо этого раздался взрыв смеха, от которого он остолбенел. Казалось, что публика забыла о нем, все повернулись к нему спиной и смотрели, смеясь, в одну точку. Джельсомино тоже взглянул в ту сторону, и от увиденного кровь застыла у него в жилах и голос застрял в горле. Звуки второй песни не разбили тяжелых люстр, висевших над партером, но зато случилось гораздо худшее: знаменитый оранжевый парик взлетел на воздух и оголил голову короля Джакомона. Король нервно барабанил пальцами по барьеру своей ложи, стараясь понять причину всеобщего веселья. Бедняга, он не заметил ничего, и никто не смел сказать ему правду. Все очень хорошо помнили, какая судьба постигла в то утро слишком усердного придворного, лишившегося своего языка.

Домисоль, стоявший спиной к залу, не мог ничего видеть; он подал Джельсомино знак, чтобы тот начинал петь третью песню.

«Если Джакомон так осрамился, — подумал Джельсомино, — нет необходимости, чтобы и меня постигла такая участь. На этот раз я хочу действительно спеть хорошо».

И он запел так прекрасно, с таким вдохновением, запел таким мощным голосом, что с первых же нот весь театр начал постепенно разваливаться. Первыми разбились и рухнули вниз люстры, придавив часть зрителей, не успевших укрыться в безопасное место. Затем обрушился целый ярус лож — как

раз тот, в котором находилась королевская ложа, но Джакомон, на свое счастье, уже успел покинуть театр. Дело в том, что он посмотрел на себя в зеркало, чтобы проверить, не надо ли еще припудрить щеки, и с ужасом заметил, что его парик улетел прочь. Говорят, что в тот вечер по приказу короля отрезали языки всем придворным, которые были вместе с ним в театре, за то, что они не сообщили ему о столь прискорбном факте.

Между тем Джельсомино продолжал петь, и вся публика, толпясь, ринулась к выходу. Когда обрушились последний ярус и галерка, в зале остались только Джельсомино и Домисоль. Первый все продолжал петь, закрыв глаза, — он забыл, что

находится в театре, забыл о том, что он Джельсомино, и думал лишь об удовольствии, которое ему доставляло пение. У Домисоля же, к сожалению, глаза были широко открыты, он видел все и в отчаянии рвал на себе волосы.

— О боже, мой театр! Я разорен, совсем разорен!

Толпа на площади перед театром кричала на этот раз:

— Браво! Браво!

Причем на этот раз «браво» кричали с таким выражением, что стражники короля Джакомона переглядывались друг с другом и перешептывались:

— А ведь ты знаешь, они кричат «браво» потому, что он поет хорошо, а не потому, что им не нравится его пение.

Джельсомино закончил песню высокой нотой, которая перевернула обломки, оставшиеся от театра, и подняла огромное облако пыли. Он увидел, что Домисоль, угрожающе размахивая своей дирижерской палочкой, пытался пробраться к нему, перелезая через груды кирпича.

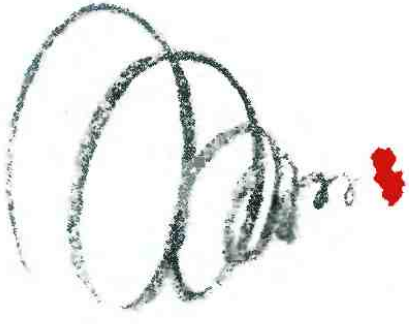
«Певца из меня не получилось, — подумал Джельсомино с отчаянием. — Попробую-ка я хоть унести отсюда ноги подобру-поздорову».

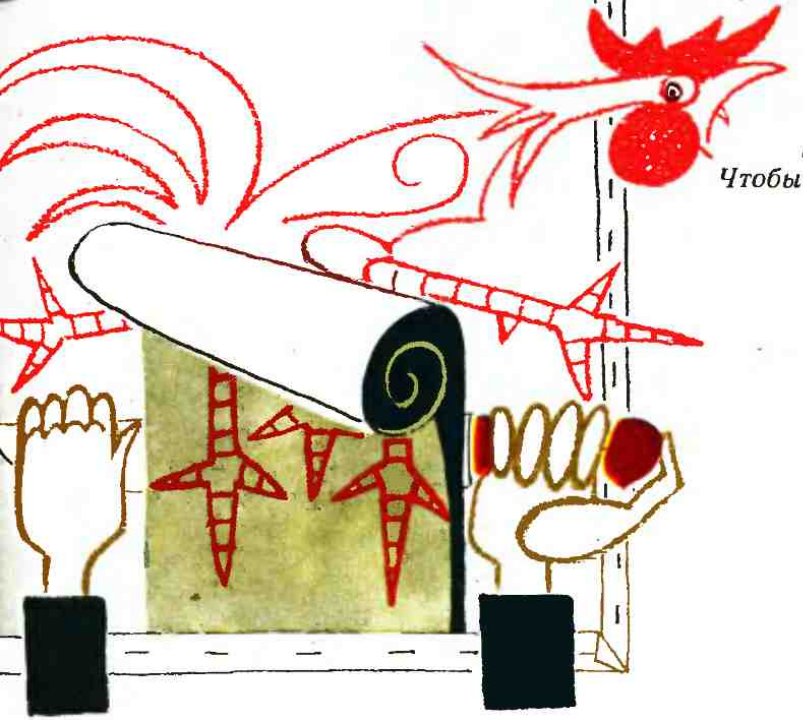
Через пролом в стене он выбрался на площадь. Там, закрывая лицо рукавом, он смешался с толпой и, добравшись до пустынной улицы, пустился наутек с такой быстротой, что рисковал сломать себе ноги на каждом шагу.

Но Домисоль, который не терял его из виду, бросился за ним вдогонку, крича:

— Стой, несчастный! Заплати мне за мой театр!

Джельсомино свернул в переулок, вскочил в первый попавшийся ему подъезд и, задыхаясь, взбежал по лестнице на самый чердак. Там он толкнул дверь и очутился в мастерской Бананито в тот самый момент, когда Кошка-хромоножка прыгнула туда с подоконника.





И сила таланта
и правда нужна,
Чтобы картина сошла
с полотна.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Бананито так и остался с раскрытым ртом, слушая, как Джельсомино и Кошка-хромоножка наперебой рассказывали друг другу о своих приключениях. В руке у него был нож, но он уже позабыл, зачем его взял.

— Что вы хотели с ножом делать? — с беспокойством спросила Кошка-хромоножка.

— Вот как раз об этом я сам себя спрашиваю, — ответил Бананито.

Но достаточно ему было окинуть взглядом свою комнату, чтобы снова впасть в самое безнадежное отчаяние. Его картины были так же безобразны, как и в девятой главе нашей книги.

— Я вижу, вы художник, — сказал с уважением Джельсомино, который еще не успел сделать этого открытия.

— Я тоже думал так, — с грустью ответил Бананито, — я считал себя художником. Но, пожалуй, лучше сменить ре-

месло и выбрать такое занятие, где с красками как можно меньше придется возиться. Например, стану могильщиком и буду иметь дело только с черным цветом.

— Но и на кладбище есть цветы, — заметил Джельсомино. — На земле ничего нет сплошь черного и только черного.

— А уголь? — сказала Кошка-хромоножка.

— Но ведь если его зажечь, то он горит красным, белым и голубым пламенем.

— А черные чернила, они черные — и все тут.

— Но черными чернилами можно написать красочные и затейливые истории.

— Сдаюсь, — сказала Кошка-хромоножка. — Как хорошо, что я не поспорила на одну лапу, а то осталась бы я теперь с двумя лапками.

— Ну что же, найду себе какое-нибудь занятие, — вздохнув, сказал Бананито.

Пройдясь по комнате, Джельсомино остановился перед портретом человека с тремя носами, который вызвал удивление Кошки-хромоножки.

— Кто это? — спросил Джельсомино.

— Один очень важный придворный.

— Счастливец! С тремя-то носами он должен все запахи чувствовать в три раза сильнее.

— О, это целая история. Когда он поручил мне сделать его портрет, то настаивал, чтобы я нарисовал ему обязательно три носа. Мы без конца спорили. Я хотел нарисовать, как и подобает, с одним. Потом предложил ему в крайнем случае помириться на двух. Но он заупрямился. Или три носа, или не надо портрета. И видите, что получилось? Какое-то страшилище, которым в пору пугать капризных детей.

— А эта лошадь, — спросил Джельсомино, — она тоже придворная?

— Лошадь? Разве вы не видите, что это корова?

Джельсомино почесал за ухом.

— Может быть, это корова, но мне сдается, что это лошадь. Вернее, она смахивала бы на лошадь, будь у нее четыре ноги, а у нее их все тринадцать. Тринадцать ног хватило бы,

чтобы нарисовать три лошади, и еще одна нога осталась бы в запасе.

— Но у коров тринадцать ног, — заспорил Бананито. — Это знает каждый школьник.

Джельсомино и Кошка-хромоножка, вздохнув, переглянулись и прочли в глазах друг у друга одну и ту же мысль: «Если бы это была кошка-врунишка, то мы бы ее научили мяукать. А вот чему мы можем научить этого несчастного?»

— По-моему, — сказал Джельсомино, — картина стала бы куда красивее, если убрать несколько ног.

— Еще чего! Все будут смеяться надо мной, а критики предложат засадить меня в сумасшедший дом. Теперь я вспомнил, зачем я взял нож. Я хотел порезать на кусочки все мои картины и сделаю это немедленно.

Художник вновь схватил нож и с угрожающим видом приблизился к картине, на которой в неописуемом беспорядке были нагромождены тринадцать ног лошади, именуемой им коровой. Он поднял руку, чтобы нанести первый удар, но потом как будто передумал.

— Труд стольких месяцев! — вздохнул он. — Как тяжело уничтожать его собственными руками.

— Вот замечательные слова, — сказала Кошка-хромоножка. — Когда я заведу себе записную книжку, я запишу их, чтобы не забыть. Но прежде чем разрезать на куски картину, почему бы вам не прислушаться к совету Джельсомино?

— Ну, конечно! — воскликнул Бананито. — Что я теряю? Порезать картину я всегда успею.

И он ножом ловко соскоблил часть краски, пока не исчезли пять из тринадцати ног.

— Мне кажется, что стало уже лучше, — подбадривал его Джельсомино.

— Тринадцать минус пять будет восемь, — сказала Кошка-хромоножка. — Если бы на картине были изображены две лошади, то как раз бы подошло. Извините, я хотела сказать: две коровы.

— Ну что же, стереть еще несколько ног, а? — спросил Бананито. И, не дожидаясь ответа, он соскоблил еще пару ног.

— Горячо... горячо... — подбадривала Кошка-хромоножка, — мы уже почти у цели.

— Ну, как теперь?

— Оставьте только четыре ноги, посмотрим, что получится.

Когда же осталось четыре ноги, то послышалось радостное ржание, и в тот же миг лошадь с картины спрыгнула на пол и прошлась легкой рысью по комнате.

— Уф, как здорово! Я начинаю себя чувствовать гораздо лучше. Там, на картине, мне было ужасно тесно.

Пройдясь перед маленьким зеркалом, висевшим на стене, она оглядела себя с цог до головы и удовлетворенно заржала:

— Какая красивая лошадь! Я действительно красивая лошадь! Синьоры, не знаю, как вас и благодарить. Если вам придется побывать в моих краях, я вас чудесно покатаю.

— В каких краях? Эй, стой, остановись! — закричал Бананито.

Но лошадь уже была за дверью на лестнице. Послышался цокот ее четырех копыт, когда она спускалась с этажа на этаж, и вскоре наши друзья смогли увидеть из окна, как гордое животное пересекло переулок и направилось за город.

Бананито весь покрылся потом от волнения.

— В конце концов, — произнес он, когда пришел в себя,— это действительно была лошадь. Раз она сама это сказала, я должен ей верить. Подумать только, что в школе, показывая ее на картинке, меня учили произносить букву «ка». Ко-ро-ва!

— Дальше, дальше, — мяукала Кошка-хромоножка, охваченная энтузиазмом, — перейдем к другой картине.

Бананито перешел к верблюду со множеством горбов. Их было столько, что они напоминали барханы в пустыне. Он начал соскабливать горбы, и, наконец, их осталось только два.

— Получается хорошо, — говорил он, лихорадочно работая. — Получается недурной и эта картина. Как вы думаете, в конце концов и она оживет?

— Да, если будет достаточно красива, — сказал Джельсомино.

Но ничего не произошло. Верблюд невозмутимо и равнодушно оставался на холсте, как будто ничто его не касалось.

— Хвосты! — закричала вдруг Кошка-хромоножка. — У него их три! Хватит на целое верблюжье семейство.

Когда лишние хвосты тоже исчезли, верблюд величаво сошел с холста, облегченно вздохнул и бросил благодарный взгляд в сторону Кошки-хромоножки.

— Как хорошо, что ты напомнила про хвосты! Я рисковал навсегда остаться на этом чердаке. Не знаете ли, здесь поблизости есть пустыни?

— Одна, в центре города, — сказал Бананито, — это городская пустыня, но в это время она закрыта.

— Он хочет сказать, городской сад, — объяснила верблюду Кошка-хромоножка. — Настоящие пустыни находятся не ближе чем за две-три тысячи километров отсюда. Но старайся не попасться на глаза полиции, иначе тебя упрячут в зоопарк.

Прежде чем уйти, верблюд также посмотрелся в зеркало и нашел, что он красив. Вскоре он тоже легкой рысью пробежал переулок. Увидевший его ночной сторож не поверил своим глазам и принялся сильно щипать себя, чтобы проснуться.

— Видно, я старею, — решил он, когда верблюд скрылся за поворотом. — Я засыпаю теперь даже во время дежурства, и мне снится, что я в Африке. Нужно быть внимательнее, а то меня уволят.

А Бананито теперь не остановила бы ни угроза смерти, ни анонимное письмо. Он бросался от одной картины к другой, скобля ножом и радостно крича:

— Вот это настоящая хирургия. Я больше сделал операций за десять минут, чем профессора в больнице за десять дней.

Картины, когда они очищались от лжи, которой были переполнены, становились поистине прекрасными, правдивыми и оживали. Собаки, овцы, козы прыгали с полотен и шли бродить по свету в поисках счастья или только мышей, если это были кошки. Бананито порезал на кусочки одну только картину. Это был портрет придворного, который хотел иметь три носа. Действительно, угрожала опасность, что, оставшись с одним носом, придворный, пожалуй, тоже сойдет с холста и задаст нагоняй художнику за то, что тот ослушался его приказаний. Джельсомино помог ему нарезать из портрета конфетти.

А Кошка-хромоножка тем временем принялась бродить взад и вперед, что-то разыскивая. Но ее разочарованный вид ясно показывал, что ее постигла неудача.

— Лошади, верблюды, придворные, — ворчала она себе под нос, — и ни одной корочки сыра. Даже мыши и те стараются быть подальше от чердака. Никому не нравится запах нищеты. Голод хуже, чем яд.

Шаря в темном углу, она нашла покрытую пылью картину. На оборотной стороне ее обосновалась сороконожка, которая, почуяв опасность, шмыгнула в сторону на своих сорока ножках. Их на самом деле было сорок, так что Бананито никого бы не обидел, если бы ошибся в счете. Картина изображала нечто такое, что при очень большом воображении могло сойти за накрытый стол. Например, на блюде угадывалось ужасное животное, которое, пожалуй, могло быть жареной курицей, будь у него только две ножки. Но у него их было столько, что оно казалось сродни сороконожке.

«Вот картина, которую я не прочь увидеть в жизни такой, какая она есть, — подумала Кошка-хромоножка. — Курица с двадцатью лапками. Какое удобство для семьи, хозяина таверны или голодной кошки! Большую часть лапок необходимо будет убрать. Но ничего, останется достаточно, чтобы перекусить втроем».

Она поднесла картину Бананито и попросила его пустить в ход свой нож.

— Но ведь курица вареная, — возразил Бананито, — она никак не сможет стать живой!

— А нам и нужна вареная, а не живая, — ответила Кошка-хромоножка.

На это замечание художник не нашел что сказать. К тому же он вспомнил, что, поглощенный своими картинами, не ел с прошлого вечера.

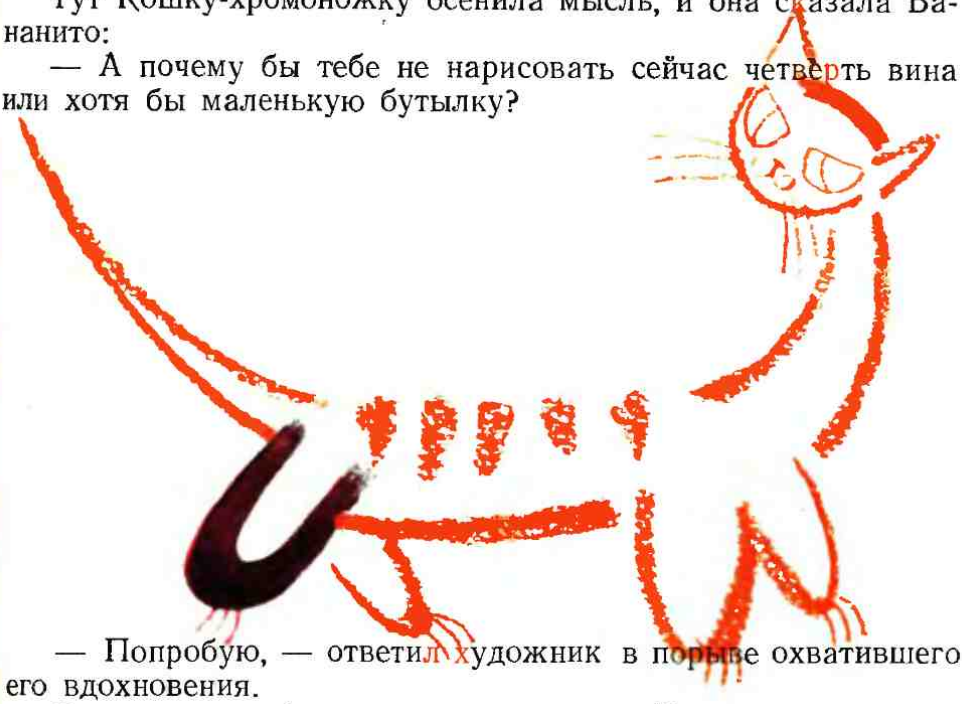
Курица не ожила, но все равно сошла с холста дымящаяся и такая ароматная, как будто ее только что сняли с плиты.

— Как художник ты, безусловно, добьешься успеха, — сказала Кошка-хромоножка, жадно впиваясь зубами в крылышко (две ножки она оставила для Джельсомино и Бананито), — но как повар ты уже побил все рекорды.

— Хорошо бы выпить немного вина, — заметил Джельсомино, принимаясь за еду, — но сейчас, вероятно, закрыты все магазины. Впрочем, если бы они и были открыты, не все ли нам равно, ведь у нас нет денег.

Тут Кошку-хромоножку осенила мысль, и она сказала Бананито:

— А почему бы тебе не нарисовать сейчас четверть вина или хотя бы маленькую бутылку?



— Попробую, — ответил художник в порыве охватившего его вдохновения.

Он нарисовал бутылку вина «кьянти». Когда он раскрасил его, вино стало столь чудесным, что если бы Джельсомино не схватил вовремя бутылку за горлышко, то вино, которое било с холста сильной струей, разлилось бы по полу.

Три друга выпили за живопись, за прекрасное пение и за кошек. Однако, когда произносился последний тост, Кошка-хромоножка вдруг загрустила. Пришлось долго ее упрашивать, чтобы она рассказала, что у нее на душе.

— В конце концов, — решилась она заговорить, — я кошка ненастоящая, вроде тех животных, которые полчаса назад были на картинах. У меня только три лапы. И я даже не могу сказать, что четвертую я потеряла на войне или мне ее отрезало трамваем. Это была бы ложь. Вот если бы Бананито...

Но этих слов было достаточно. Художник взялся уже за кисть и в один миг нарисовал кошачью лапу, которая понравилась бы даже Коту в сапогах. И что самое интересное, лапа сразу же правильно приросла к нужному месту, и Кошка-хромоножка вначале робко, а потом все более уверенно принялась ходить по комнате.

— Ах, как прекрасно! — мяукала она. — Я себя чувствую совсем другой. Я настолько изменилась, что хотела бы даже переменить имя.

— Ну и голова! — воскликнул, однако, Бананито, стукнув себя по лбу. — Я тебе нарисовал лапу масляными красками, а ведь другие у тебя нарисованы мелом.

— Ничего страшного, — сказала Кошка-хромоножка, — пусть остается как есть. И горе тому кто ее тронет. Я оставлю также и свое старое имя. Если вдуматься хорошенько, оно мне очень подходит. Ведь от писания на стенах у меня стерлась передняя правая лапа по крайней мере на полсантиметра.

В эту ночь Бананито решил во что бы то ни стало уступить свою кровать Джельсомино, а сам улегся на полу на куче старых холстов. Кошка-хромоножка удобно устроилась в кармане пальто Бананито, висевшего у двери, и видела сны один слаще другого.

Читая газету «Образцовый лжец», Кошка-хромоножка расстроилась вконец.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Рано утром, вооружившись кистью, холстом и вдохновением, Бананито вышел из дому. Ему не терпелось показать свое мастерство. Джельсомино еще спал, и Кошка-хромоножка вышла проводить художника и по дороге дала ему несколько хороших советов...

— Рисуй цветы и продавай их. Я уверена, что ты вернешься домой с ворохом фальшивых денег, которые необходимы в этой необычной стране. Рисуй же цветы, которые в этом месяце еще не распускались, потому что сезонные цветы люди смогут купить у цветочниц. И вот еще один совет: не рисуй мышей, иначе насмерть перепугаешь женщин. Говорю тебе для твоей же пользы. Меня же мыши очень устраивают.

Расставшись с Бананито, Кошка-хромоножка купила газету, думая, что Джельсомино будет приятно узнать, что пишут о его концерте. Газета называлась «Образцовый лжец» и, ра-

зумеется, вся была полна лживых сообщений или фактов, пересказанных шиворот-навыворот.

В газете, например, была заметка, озаглавленная «Крупная победа бегуна Персикетти». Вот текст этого сообщения:

«Известный чемпион по бегу в мешках Флавио Персикетти победил вчера на десятом этапе в беге вокруг королевства, опередив на двадцать минут Ромоло Барони, пришедшего вторым, и на тридцать минут пятнадцать секунд Пьеро Клементини, оказавшегося третьим. В группе бегунов, прибывших через час после победителя, перед самым финишем вырвался вперед Паскуаллино Бальзимелли».

«Что же здесь странного?» — спросите вы. — Бег в мешках — это такое же спортивное состязание, как и всякое другое. На него даже интереснее смотреть, чем на мотоциклетные или автомобильные гонки». Согласен, но читатели газеты «Образцовый лжец» отлично знали, что никакого бега в мешках никогда и не происходило. И Флавио Персикетти, Ромоло Барони, Пьеро Клементини, Паскуаллино Бальзимелли и группа бегунов никогда в жизни не влезали в мешки, и им даже не снилось обгонять друг друга или перед самым финишем вырываться вперед.

Вот как обычно дело обстояло. Ежегодно газета устраивала бега в мешках по этапам, в которых никто никогда не участвовал. Некоторые честолюбцы, желая увидеть свое имя в газете, платили за свое участие в беге и каждый день вносили некоторую сумму денег, чтобы считаться победителем. Кто вносил больше, тот и провозглашался очередным победителем. Газета не скупилась на слова, прославляя его, и называла то «героем», то «бегуном высшего класса» и т. д. Победа находилась в прямой зависимости от поступления денежных взносов. В те же дни, когда поступления были незначительные, газета в отместку писала, что команда дремала в пути, а первоклассные бегуны и рядовые спортсмены бездельничали. Это позор. И чемпионам Персикетти и Барони придется приналечь на следующем этапе, если они дорожат расположением зрителей.

Синьор Персикетти был владельцем кондитерских фабрик, и его имя, напечатанное в газете, служило рекламой для его

пирожных. Поскольку он был очень богат, то почти всегда обгонял других и приходил первым. На финише его «целовали и воздавали ему почести», а по ночам болельщики исполняли серенады под окнами его дома. Так, во всяком случае, писала газета. И нет нужды говорить о том, что болельщики, которые не умели играть даже на барабане, преспокойно похрапывали в своих постелях.

На той же странице Кошка-хромоножка прочла еще один заголовок: «Не произошло никакой катастрофы на улице Корнелия. Пять человек не погибло, а десять других не получило ни малейшего ранения».

В заметке говорилось: «Вчера на десятом километре улицы Корнелия два автомобиля, шедших на большой скорости в разном направлении, вовсе не столкнулись. В несостоявшемся столкновении не погибло пять человек (следуют имена). Другие десять человек не получили ранений, и поэтому не было никакой надобности помещать их в больницу (следуют имена)». К сожалению, это был не вымысел, а сообщение шиворот-навыворот, в котором с точностью передавалось как раз обратное тому, что произошло в действительности.

Таким же образом сообщалось и о концерте Джельсомино. В заметке, например, писалось, что «известный тенор молчал от первой до последней минуты концерта». В газете была также помещена фотография разрушенного театра, под которой было написано: «Как может видеть читатель своими ушами, с театром не произошло решительно ничего».

Джельсомино и Кошка-хромоножка вдоволь позабавились, читая газету «Образцовый лжец». В ней была и литературная страница, на которой было напечатано такое стихотворение:

Как-то повар из Вероны
Поболтать решил с вороной:
«Ах, какая благодать
Полный рот камней набрать
И как здорово потом
Зубы чистить молотком!»

— Здесь не сказано, что ответила ворона, — заметила Кошка-хромоножка. — Но я представляю себе, ее карканье, наверно, было слышно от Апеннин до самых Анд.

На последней странице в конце последней колонки была короткая заметка, озаглавленная «Опровержение». Джельсомино прочел ее:

«Самым решительным образом опровергается, что сегодня в три часа ночи полиция арестовала в Колодезном переулке синьору тетушку Кукурузу и ее внучку Ромолетту. Разумеется, они не были помещены около пяти часов утра в сумасшедший дом, как кое-кому хотелось бы этого».

Подпись: «Начальник полиции».

— Начальник лжецов! — воскликнула Кошка-хромоножка. — Это означает, что бедняжки действительно сидят за решеткой вместе с сумасшедшими. Я почти уверена, что все это произошло по моей вине.

— Посмотри-ка, — прервал ее Джельсомино, — читай вот здесь. Еще одно опровержение.

Теперь речь шла непосредственно о Джельсомино:

«Совершенно не соответствует действительности, что полиция якобы разыскивает известного тенора Джельсомино. Для этого нет никаких причин, потому что Джельсомино совсем не обязан отвечать за ущерб, нанесенный им городскому театру. Поэтому кто бы ни узнал, где скрывается Джельсомино, пусть не заявляет об этом полиции, иначе он получит строгий нагоняй».

— Дело осложняется, — заметила Кошка-хромоножка. — Тебе лучше сидеть дома, а я пойду и узнаю новости.

Джельсомино не хотелось спокойно сидеть сложа руки, но ему все же пришлось согласиться, что Кошка-хромоножка была права. Отпустив ее, он улегся на кровать и, набравшись терпения, приготовился провести бездельничая весь день.

Есть закон в Стране лжецов:
Кто не врет, тот нездоров.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мы расстались с тетушкой Кукурузой как раз в тот момент, когда, стоя в дверях, она слушала первое мяуканье своих котят. При этом она чувствовала себя счастливой, как музыкант, нашедший неизданную симфонию Бетховена, пролежавшую много лет в ящике стола. С Ромолеттой мы распрощались, когда она побежала домой, показав Кошке-хромоножке, как пройти на чердак к художнику Бананито. А через некоторое время тетушка и племянница уже спокойно спали в своих постелях, не подозревая, что письма Калимера привели в движение всю полицейскую машину. В три часа ночи несколько винтиков этой машины в лице взвода жандармов без лишних слов ворвались в дом, заставили старую тетушку и девочку наспех одеться и отвезли их в тюрьму.

Старший жандарм, передав арестованных начальнику тюрьмы, хотел было снова отправиться спать, но не учел, что его коллега был формалистом.

— Чем провинились эти двое?

— Старуха учила собак мяукать, а девчонка писала на стенах. Это две опасные преступницы. На твоем месте я посадил бы их в подземелье и поставил усиленную стражу.

— Сам знаю, что мне надо делать, — буркнул начальник тюрьмы. — Ну, теперь послушаем, что они нам скажут.

Первой допрашивали тетушку Кукурузу. Арест не испугал ее. Теперь, когда ее семь котят снова обрели способность мяукать как им подобает, ничто не могло омрачить ее счастья. Поэтому она очень спокойно отвечала на все вопросы.

— Нет, это были не собаки, а кошки.

— В протоколе записано, что это были собаки.

— Да нет же, это были кошки! Из тех, что ловят мышей.

— Но ведь именно собаки ловят мышей.

— Нет, сударь, кошки. И мяукают кошки. Мои кошки лаяли, как все кошки нашего города. Но вчера вечером, к счастью, они впервые замяукали.

— Да эта женщина сумасшедшая! — сказал начальник тюрьмы. — Ее место в доме умалишенных. Короче говоря, сударыня, что вы нам тут сказки рассказываете?

— Правду говорю, только правду.

— А, ну тогда все ясно! — воскликнул начальник тюрьмы. — Она просто буйно помешанная. Я не могу принять ее — это тюрьма для нормальных людей. Умалишенных нужно отправлять в сумасшедший дом.

И, несмотря на протесты начальника жандармов, который видел, как разлетаются его надежды хорошенько выспаться, начальник тюрьмы препоручил ему тетушку Кукурузу и все ее дело. Потом приступил к допросу Ромолетты.

— Это ты писала на стенах?

— Да, истинная правда, писала.

— Слышал? — воскликнул начальник тюрьмы. — И она не в себе. Послать в сумасшедший дом. Забирай-ка девчонку и оставь меня в покое. Мне некогда возиться с сумасшедшими.

Позеленев от злости, начальник жандармов посадил двух арестованных обратно в машину и отвез в сумасшедший дом, где их сразу приняли и поместили в большую палату вместе с другими ненормальными людьми, то есть с теми, которых полиция арестовала за то, что они говорили правду.

Однако на этом события той ночи не закончились. И действительно, знаете, кто ожидал начальника жандармов, когда тот, наконец, вернулся в свой кабинет? Калимер Вексель, со шляпою в руке и самой гадкой улыбкой на лице.

— А вам что нужно?

— Ваше превосходительство, — пролепетал Калимер, кланяясь и заискивающе улыбаясь, — я пришел, чтобы получить сто тысяч фальшивых талеров. Вознаграждение причитается мне, потому что благодаря моим заслугам арестованы враги нашего государя.

— А, значит, это вы писали письма, — сказал задумчиво начальник жандармов. — Но правда ли все то, что вы там писали?

— Ваше превосходительство, — воскликнул Калимер, — клянусь, чистейшая правда!

— А-а! — воскликнул, в свою очередь, начальник жандармов, и лицо его озарилось коварной улыбкой. — Он утверждает, что говорит правду. Так вот, дружок, я уже и раньше чувствовал, что вы не в своем уме, но сейчас вы мне это сами доказали. Марш в сумасшедший дом!

— Ваше превосходительство, смилуйтесь! — завопил Калимер и, бросив свою шляпу на землю, стал в отчаянии топтать ее ногами. — Неужели вы причините мне такую несправедливость! Я друг лжи, я же писал об этом в своем письме.

— Разве правда, что вы друг лжи?

— Правда! Сущая правда! Клянусь вам!

— Вот вы и снова попались, — торжествующе сказал начальник жандармов. — Уже два раза вы поклялись мне, что говорите правду. Хватит разговоров! В сумасшедшем доме у вас будет время, чтобы успокоиться. А пока вы явно буйно помешанный, и, если вы останетесь на свободе, это будет угрозой общественному порядку.

— Вы хотите присвоить мое вознаграждение! — вопил Калимер, пытаясь вырваться из рук жандармов.

— Слышите? Не иначе, как у него начался приступ. Наденьте на него смирительную рубашку и заткните ему рот кляпом. Что же касается вознаграждения, то даю слово, что вам не достанется ни гроша до тех пор, пока у меня будут карманы, чтобы надежно хранить эти деньги.

Так Калимер тоже попал в сумасшедший дом, где его заперли в одиночную палату, обитую войлоком.

Начальник жандармов совсем было собрался отправиться на боковую, но в это время из разных концов города начали раздаваться тревожные звонки:

— Алло, полиция? Здесь у нас в окрестностях какая-то собака мяукает. Может быть, она бешеная. Пришлите кого-нибудь.

— Алло, полиция? Чем занимаются собачники? Около нашего подъезда какая-то собака мяукает уже с полчаса. Если ее и завтра утром не уберут отсюда, никто не выйдет из дому, боясь, что она укусит.

Начальник жандармов сейчас же вызвал всех собачников, разбил их на отряды, приставил к ним лучших жандармов и разослал по всему городу на поиски «мяукающих собак». Иначе говоря, как читатель уже понял, семи котят тетушки Кукурузы.

Не прошло и получаса, как был пойман самый маленький котенок. Он так увлекся мяуканием, что не заметил, как его окружили. Увидев вокруг себя столько народу, он решил, что все собрались его поздравить, и замяукал еще с большим старанием. Один из собачников приблизился к нему с дружеской улыбкой, погладил несколько раз по спине, а потом решительно схватил за шиворот и опустил в свой мешок.

Второй из семи котят был схвачен в то время, когда, вскарабкавшись на седло конной статуи, мяукал, обращаясь с речью к небольшой группе котов. Коты слушали его с мрачным и ироническим видом, а когда увидели, что он пойман, разразились ужасным лаем.

Третьего котенка обнаружили, когда тот сцепился с собакой.

— Чего это ты мяукаешь, глупая? — спросил котенок.

— А что же я, по-твоему, должна делать? Я кошка, вот и мяукаю, — ответила собака.

— Я вижу, ты окончательно поглупела. Ты что, никогда не видела себя в зеркале? Ты собака и должна лаять. А я кот, и мне полагается мяукать. Вот послушай! Мяу, мяу, мяу-у!

В общем дело кончилось ссорой, и собачники, недолго думая, поймали обоих, но потом собаку отпустили, потому что она имела право мяукать.

Затем изловили четвертого, пятого и шестого котенка.

— Ну, теперь остался всего один, — говорили друг другу собачники и жандармы, утешая себя, чтобы побороть усталость.

Каково же было их удивление, когда после долгих поисков они наткнулись не на одного, а на целых двух мяукающих котов!

— Их стало больше, — заметил один из стражников.

— Наверное, это очень заразно, — добавил собачник.

Один из этих котов был седьмой котенок из семейства тетушки Кукурузы, другой же был всего-навсего тот Барбос, которого мы с вами уже встречали в одной из первых глав. Он, поразмыслив как следует, пришел к выводу, что Кошка-хромоножка, пожалуй, была до некоторой степени права, когда посоветовала ему мяукать. Он попробовал как-то последовать ее совету и потом уже не мог больше лаять, даже если бы ему и захотелось.

Барбос, не сопротивляясь, дал себя поймать. Седьмой котенок, самый старший из всей компании, был настолько ловок, что успел вскарабкаться на дерево и, сидя там, довольно долго развлекался, мяукая лучшие арии кошачьего репертуара и приводя этим в бешенство своих преследователей.

Посмотреть на этот необычный спектакль собралась большая толпа, и, как это обычно бывает, зрители разделились на два лагеря. Одни — благонамеренные — подстрекали стражников, призывая их положить конец этому скандалу. Другие — шутники, а может быть, и не только шутники — «болели» за кота и подбадривали его, крича:

— Мяу! Мяу!

Собрались там в большом количестве и коты, которые лаяли на своего коллегу отчасти из зависти, отчасти по злобе. Время от времени некоторые из них, поддавшись заразе, тоже начинали мяукать. Собачники сразу же набрасывались на смельчаков и засовывали их в свои мешки.

Пришлось вызвать пожарников и поджечь дерево, чтобы заставить слезть упрямого кота, продолжавшего мяукать. Таким образом, толпа смогла насладиться также зрелищем небольшого пожара, и все довольные разошлись по домам.

Мяукавших котов оказалось в результате штук двадцать. Всех их отвезли в сумасшедший дом, ведь по-своему они говорили правду, а следовательно, были ненормальными котами. Директор сумасшедшего дома не знал, куда их разместить. После долгих раздумий он велел отправить всех в палату к Калимеру Векселю. Можете себе представить, как был доволен шпион этой компанией, напоминавшей ему о причине его несчастья! Не прошло и двух часов, как он на самом деле сошел с ума и начал мяукать и мурлыкать. Ему казалось, что он тоже кот, и, когда неосторожная мышь попробовала перебежать палату, он первым набросился на нее. Но мышь успела ускользнуть в дырку, оставив свой хвост в зубах у Калимера.

Кошка-хромоножка собрала все эти сведения и уже возвращалась домой, чтобы сообщить их Джельсомино, когда услышала, как хорошо знакомый ей голос тенора вдруг запел одну из тех знаменитых песенок, что часто распевали в его родном селении и принесли ему столько горестей.

«На этот раз, — подумала Кошка-хромоножка, — я могу спорить на все свои четыре лапы, считая новую, что Джельсомино заснул и видит сон. Если я не потороплюсь, стражники опередят меня».

Возле дома она увидела большую толпу слушателей. Никто не двигался с места, никто не разговаривал. И даже когда в соседних домах порой вылетали стекла, никто не протестовал. Казалось, что чудесное пение околдовало всех. Кошка-хромоножка заметила в толпе двух молодых стражников, у которых на лицах было написано восхищение, как и у всех других слушателей. Вам уже известно, что стражникам был дан приказ арестовать Джельсомино, но эти двое как будто и не

имели такого намерения. К сожалению, к дому в это время приближались еще отряды стражников. Их начальник хлыстом прокладывал себе дорогу в толпе: он, по-видимому, был туговат на ухо, и пение Джельсомино не трогало его.

Кошка-хромоножка бегом поднялась по лестнице и молнией влетела на чердак.

— Вставай! Вставай! — кричала она и хвостом щекотала нос Джельсомино. — Концерт окончен! Идет полиция!

Джельсомино открыл глаза, изо всех сил стал тереть их и спросил:

— Где я?

— Могу сказать тебе, куда ты скоро попадешь, если мы не удерем сейчас же, — в каталажку.

— Что, я снова пел?

— Пошли, бежим по крышам!

— Ты рассуждаешь, как кошка. Я не привык прыгать по черепицам.

— Ты будешь держаться за мой хвост.

— А куда мы пойдем?

— Во всяком случае, как можно дальше отсюда. И уж куда-нибудь-то мы придем.

Кошка-хромоножка первой выскочила через чердачное окно на крышу, и Джельсомино ничего не оставалось, как закрыть глаза, чтобы не закружилась голова, и последовать за ней.

Что случилось с Бенвенуто —
Не сидящим ни минуты.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

К счастью, в этом районе города дома теснились друг к другу, как сельди в бочке, и Джельсомино, подбадриваемый Кошкой-хромоножкой, без труда перепрыгивал с крыши на крышу. Самой Хромоножке хотелось, чтобы расстояние между крышами было чуточку пошире, — вот тогда она смогла бы всласть напрыгаться. Но вдруг Джельсомино поскользнулся и упал на маленький балкон, где какой-то старичок поливал цветы.

— Простите меня, пожалуйста! — воскликнул Джельсомино, потирая ушибленное колено. — Я совсем не собирался попасть к вам в дом таким способом.

— Прошу вас, не извиняйтесь, — ответил вежливо старичок. — Я счастлив, что вы навестили меня. Скажите лучше, не ушиблись ли вы? Надеюсь, все у вас в целости?

Кошка-хромоножка выглянула с крыши и промяукала:

— Разрешите войти?

— О, еще один посетитель! — сказал обрадованный старичок. — Заходите, заходите, я буду очень рад.

С каждой минутой коленка Джельсомино распухала все больше и больше.

— Мне ужасно жаль, — продолжал старичок, — что у меня нет ни одного стула, чтобы вы могли сесть.

— Положим его на кровать, — предложила Кошка-хромоножка, — если вы, конечно, не возражаете.

— Беда в том, — сказал старичок с огорчением, — что у меня нет даже кровати. Пойду попрошу у соседа кресло.

— Нет, нет, — поспешно сказал Джельсомино, — я могу посидеть и на полу.

— Заходите в комнату, — предложил старичок, — располагайтесь на полу, а я пока сварю вам вкусный кофе.

Комната была небольшая, но чистенькая, с красивой полированной мебелью. Здесь стояли стол, буфет, шкаф, а стульев и кровати и в помине не было.

— Неужели вам приходится все время быть на ногах? — спросила Кошка-хромоножка.

— Да, поневоле, — ответил старичок.

— И вы никогда не спите?

— Иногда сплю стоя, но очень редко. Не больше двух часов в неделю.

Джельсомино и Хромоножка переглянулись:

— Вот еще один мастер рассказывать небылицы.

— Извините меня за любопытство, а сколько вам лет? — спросила опять Кошка-хромоножка.

— Точно не скажу. Я родился десять лет назад, но сейчас мне примерно семьдесят пять или семьдесят шесть лет.

По выражению лиц своих собеседников старичок, по-видимому, понял, что они никак не могли поверить этому. Вздохнув, он продолжал:

— Это не ложь. К сожалению, невероятная, но правдивая история. Если хотите, я расскажу вам ее, пока варится кофе.

— Мое имя, — начал он, — Бенвенуто. Но обычно меня зовут «Бенвенуто — Не сидящий ни минуты...».

Итак, Бенвенуто родился в семье старьевщика. Такого резвого и живого ребенка еще никому не доводилось видеть. Действительно, не успели еще ему придумать имени, а он уже выпрыгнул из пеленок и начал скакать по всему дому. Вечером

его преспокойно укладывали спать, а наутро оказывалось, что кроватка стала ему мала и ноги торчат наружу.

— Видно, он торопится вырасти, чтобы скорее помогать семье, — говорил его отец.

По вечерам, когда его укладывали спать, все было в порядке, а наутро видели, что одежда ему не годится, ботинки жмут, а рубашки и вовсе не налезают.

— Ничего, — говорила его мать, — к счастью, в доме старьевщика тряпки-то уж всегда найдутся. Я сошью ему новую рубашку.

Через неделю Бенвенуто вырос настолько, что соседки начали поговаривать: не пора ли отдать его в школу?

Жена старьевщика отвела сына к учителю, который не на шутку рассердился:

— Почему вы не удосужились привести его в начале учебного года? Ведь скоро пасха, как же я могу принять его?

Когда мать объяснила, что Бенвенуто всего семь дней от рождения, учитель еще больше рассердился:

— Семь дней? Здесь, синьора, вам не ясли! Приходите через шесть лет, и тогда мы с вами поговорим.

Однако в конце концов он оторвался от классного журнала и увидел, что Бенвенуто был даже выше ростом, чем все его ученики. Он усадил его за последнюю парту и начал объяснять, что дважды два — четыре.

В полдень зазвенел звонок, все школьники вскочили со своих мест и выстроились в ряд, чтобы выйти из класса. Только Бенвенуто не двигался с места.

— Бенвенуто, — окликнул его учитель, — становись и ты в ряд!

— Не могу, синьор учитель.

И правда, с восьми часов утра до двенадцати дня он так вырос, что парта стала ему мала. Пришлось позвать школьного сторожа, чтобы тот помог Бенвенуто вылезти.

На следующее утро его посадили за парту побольше, но в полдень Бенвенуто снова не мог встать, потому что и эта парта оказалась ему мала. Он был похож на мышь, попавшую в мышеловку. Пришлось позвать плотника, чтобы тот разобрал парту.

— Завтра мы возьмем парту из пятого класса, — сказал учитель, почесывая затылок.

И он велел принести в класс одну из самых больших парт.

— Ну, а теперь как?

— Очень удобно, — радостно ответил Бенвенуто.

И для того чтобы доказать, что ему действительно удобно, он несколько раз вставал и снова садился за парту.

Но когда в полдень прозвенел звонок, то и эта парта оказалась настолько мала, что снова не обошлись без плотника.

Директор школы и мэр города начали протестовать:

— Что же это такое, синьор учитель? Может быть, вы разучились поддерживать дисциплину в классе? Парты у вас в этом году ломаются, как щепки. Вам нужно повнимательнее следить за вашими сорванцами, мы не можем покупать каждый день по новой парте.

Старьевщику пришлось отвести сына к лучшему врачу города и рассказать ему, как обстояло дело.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал врач, нацепив очки, чтобы лучше видеть.

Он измерил Бенвенуто вдоль и поперек.

— А теперь садись, — сказал он ему потом.

Бенвенуто сел на стул, доктор подождал минутку и приказал ему:

— Вставай!

Бенвенуто поднялся со стула, и доктор снова измерил ему рост и объем груди.

— Гм, — заметил он, протирая очки платком, чтобы удостовериться, что они не обманывают его, — сядь-ка снова.

Он несколько раз заставлял Бенвенуто вставать и садиться и, наконец, в заключение сказал:

— Случай очень интересный. У этого мальчика новая болезнь, которая до сих пор ни у кого не встречалась. Болезнь проявляется следующим образом: когда мальчик сидит, он необыкновенно быстро стареет — для него минута равняется целому дню. Как его лечить? Он должен быть всегда на ногах, иначе за несколько недель он превратится в старичка с седой бородой.

После заключения врача жизнь Бенвенуто в корне измени-

лась. В школе для него сделали специальную парту — без сиденья, чтобы у него не было соблазна сесть. Дома ему теперь приходилось есть стоя. Достаточно ему было примоститься у печки, как сейчас же раздавались голоса:

— Послушай, ты что, желаешь состариться раньше времени?

— Вставай, вставай, хочешь, чтобы у тебя поседели волосы?

«Но спал же он на кровати?» — спросите вы. Ни о какой кровати он и помышлять не мог, если не хотел проснуться наутро с седой бородой. Бенвенуто пришлось научиться спать стоя, как лошадь. Вот почему соседские кумушки прозвали его «Бенвенуто — Не сидящий ни минуты», и это прозвище осталось за ним на всю жизнь. В один печальный день отец-старьевщик тяжко заболел и был при смерти.

— Бенвенуто, — сказал он сыну перед тем, как навсегда закрыть глаза, — теперь тебе придется помогать матери. Она старая и не может работать. Займись каким-нибудь честным делом. К тому же работа тебе не составит труда. Работая, ты навсегда останешься молодым, ведь тебе некогда будет даже присесть.

На следующий день после похорон отца Бенвенуто отправился на поиски работы, но все только поднимали его на смех:

— Работу тебе, сынок? Ты что же думаешь, что мы в куклы или в бирюльки здесь играем? Ты еще не дорос, да и слишком молод, чтобы работать на фабрике.

— Ты хочешь работать? Да нас оштрафуют, если мы примем тебя на работу — детский труд запрещен.

Бенвенуто не спорил с ними, но упорно обдумывал тем временем, как выкрутиться из этой беды.

Он пошел домой, сел перед зеркалом и стал ждать.

— Доктор говорил, что если я буду сидеть, то быстро состарюсь. Посмотрим, прав ли он...

Через несколько минут он заметил, что стал расти — ботинки становились тесными. Он снял их и принялся рассматривать свои ноги, которые прямо на глазах удлинялись. Потом снова взглянул в зеркало и сначала очень удивился.

— Интересно, кто этот юноша с черными усами, который

смотрит на меня? Сдается мне, что я знаю его, как будто я уже где-то видел это лицо... — Наконец он догадался и расхохотался: — Да ведь это я сам! Действительно, я быстро вырос. Ну, а теперь пора на ноги, что-то не хочется стареть.

Можете себе представить, как изумилась его мать, увидев перед собой высокого широкоплечего юношу с усами, как у жандарма, да вдобавок говорящего басом.

— Бенвенуто, сынок, как ты изменился!

— Все к лучшему, мама. Вот увидите, теперь я смогу работать.

И, оставив все поиски работы, он вытащил из сарая отцовскую тележку и пошел бродить по улицам города, распевая:

— Старье берем, старье берем!

Услышав его звучный голос, выглянули из своих дверей соседские кумушки.

— Какой красивый юноша! Откуда вы?—спрашивали они.

— Бенвенуто — Не сидящий ни минуты! Неужели это вы?

— Я, тетушки. Не сомневайтесь. Я заснул, сидя на стуле, и проснулся с усами.

Так Бенвенуто начал работать. Все любили его. Всегда на ногах, всегда в движении, всегда готовый помочь другим, всегда занятый каким-нибудь делом, он не мог не нравиться. Однажды его даже хотели сделать мэром города.

— Нам нужен именно такой человек, как ты, который не очень-то засиживался бы в своем кресле...

Но Бенвенуто отказался от этого предложения.

Через несколько лет умерла его мать.

«Теперь я остался один-одинешенек, — подумал Бенвенуто. — Сидеть без дела я все равно не могу, ведь тогда быстро состарюсь. Пойду-ка я лучше поброжу да посмотрю, что нового на свете».

Сказано — сделано. Взял он тележку со всем тряпьем и пошел бродить по свету. Он мог идти целыми днями и ночами — поэтому много видел и беседовал с разными людьми.

— Какой вы симпатичный юноша! — часто говорили ему.— Присядьте с нами на минутку, поговорим немного.

— Поговорить можно и стоя, — отвечал Бенвенуто.

Так он ходил-бродил и совсем не старился. Как-то, проходя

мимо одной бедной лачуги, он увидел зрелище, от которого у него сжалось сердце, — в постели лежала больная женщина, а рядом на полу сидела куча ребятишек, заливавшихся плачем один громче другого.

— Эй, юноша! — обратилась к нему женщина, завидев его. — Если вы не заняты, зайдите сюда на минутку. Я не могу двинуться с места, чтобы успокоить детей, а каждая их слеза для меня — нож острый.

Бенвенуто вошел в комнату, взял на руки одного из ребятишек и, расхаживая с ним взад и вперед по комнате, убаюкал его. Таким же образом он успокоил и остальных. Только самый маленький никак не умолкал.

— Присядьте на минутку, — попросила его женщина, — и подержите его на руках. Если вы сядете, он сразу заснет.

Бенвенуто подошел к печке, сел на стоявшую там табуретку, и ребенок сразу перестал плакать. Это был на редкость красивый мальчуган; когда он улыбался, вся комната казалась привлекательной. Каких только гримас не строил ему Бенвенуто, чтобы заставить его засмеяться, а потом даже спел ему песенку, и ребенок в конце концов заснул.

— Благодарю вас от всего сердца, — сказала женщина. — Если бы не вы, я готова была покончить с собой, так я отчаялась.

— О, не говорите таких вещей даже в шутку, — заметил Бенвенуто.

Уходя, он случайно посмотрел в зеркало на стене и увидел, что у него появился седой волос.

«А ведь я совсем забыл, что, когда сижу, быстро старею», — подумал Бенвенуто. Но тут же расправил плечи, взглянул в последний раз на спящих детей и пошел своей дорогой.

В другой раз, проходя ночью по улице небольшого селения, он заметил свет в одном окошке. В комнате за прялкой сидела девочка. Работая, она горько вздыхала.

— Что с вами? — спросил ее Бенвенуто.

— Да вот уже три ночи, как я не сплю. Мне нужно кончить работу к завтрашнему дню, если я этого не сделаю, мне не заплатят ни гроша и моей семье придется голодать. К тому

же у меня могут тогда отобрать прялку. А я бы сейчас, кажется, все на свете отдала, лишь бы поспать хоть полчасика.

«Полчасика — это всего тридцать минут, — подумал Бенвенуто, — пожалуй, тридцать минут мог бы и я поработать за девочку».

— Послушайте, — сказал он, — ложитесь-ка спать, я заменю вас, мне очень хочется попробовать посидеть за этой прялкой. Она такая красивая и так здорово работает. А через полчасика я вас разбужу.

Девочка прилегла на лавку и сразу уснула, как котенок. Бенвенуто сел за прялку, да так и не решился разбудить девочку, потому что каждый раз, когда он подходил к ней, ему казалось, что ей снятся прекрасные сны.

И вот стало рассветать, взошло солнце и разбудило девочку.

— Боже мой, я проспала всю ночь, а вы работали!

— Ничего, ничего, очень интересно поработать.

— Да вы ведь всю голову себе запылили!

«Как знать, на сколько лет я постарел сегодня?» — подумал Бенвенуто. Но он не испытал при этом огорчения, он успел кончить работу, порученную девочке, лицо которой теперь так и сияло от радости.

В другой раз Бенвенуто встретил несчастного старика, которому пришло время умирать.

— Какая жалость, — говорил, вздыхая, старик, — какая жалость, мне приходится отправляться на тот свет, не сыграв ни с кем партии в карты. Все мои друзья умерли раньше меня.

— Ну, если дело только в этом, — сказал Бенвенуто, — в карты умею играть и я.

Они принялись за игру. Бенвенуто начал было играть стоя, но старик упрекнул его:

— Ты вот стоишь и смотришь ко мне в карты. Ты обязательно хочешь выиграть и пользуешься тем, что я несчастный старик.

Бенвенуто уселся на стул, да так и не встал до конца игры. Он был настолько растерян, что путал карты, и старик выиграл партию. Он радостно потирал руки, как мальчишка, который лазил в чужой сад за грушами, и не безуспешно.

— Сыграем еще, — предложил старик весело.

Бенвенуто подумал было встать со стула, ведь он отнимал у него дни, месяцы, а может быть, и годы жизни. Но ему не хотелось огорчать беднягу старика. Он продолжал сидеть, поиграл во второй, а потом и в третий раз. Старик, казалось, помолодел от радости.

— Его годы перешли ко мне, — вздохнул Бенвенуто, смотрясь в зеркало, висевшее в комнате старика.

Волосы Бенвенуто побелели, словно покрылись снегом.

— Ну, ничего. Кто знает, сколько лет старик мечтал выиграть хоть партию в карты.

И так всякий раз, когда, желая помочь кому-нибудь, нашему Бенвенуто приходилось садиться, волосы у него седели. Потом и спина начала гнуться, точь-в-точь как деревья под порывами ветра. Да и глаза уже не видели так зорко, как прежде. Бенвенуто — Не сидящий ни минуты становился все старее, и в конце концов у него не осталось ни одного темного волоса. Те, кто хорошо его знал, говорили:

— Какая тебе была выгода делать добрые дела? Если бы ты думал о себе, ты и сейчас прыгал бы, как воробышек.

Но Бенвенуто — Не сидящий ни минуты был другого мнения. Каждый его седой волос напоминал ему о каком-нибудь хорошем поступке. Зачем же ему раскаиваться?

— Ты бы мог сохранить свою жизнь для самого себя, вместо того чтобы раздавать ее всем понемногу, — говорили ему соседки-кумушки.

Но Бенвенуто, улыбаясь, качал головой и думал, что каждый седой волос дарил ему нового друга, тысячи и тысячи друзей, рассеянных по всему свету. А у вас много друзей? Вам хотелось бы иметь их такое множество?

К тому же, бродя повсюду, Бенвенуто никогда не уставал, хотя ему теперь и приходилось опираться на палку да и частенько останавливаться, чтобы передохнуть. Так, странствуя, он попал в Страну лжецов, где, подобно отцу, стал старьевщиком и тем зарабатывал себе на жизнь.

— Вы побывали в стольких странах, — возразила, прервав его рассказ, Кошка-хромоножка, — неужели вы не могли выбрать себе места получше?

Бенвенуто — Не сидящий ни минуты улыбнулся:

— Как раз здесь люди и нуждаются в помощи. Это, безусловно, самая несчастная страна на земле, а значит, самое подходящее для меня место.

— Вот он, правильный путь! — воскликнул Джельсомино, слушавший со слезами на глазах рассказ старика. — Теперь я знаю, что мне делать с моим голосом. Вместо того чтобы ездить по всему свету и все разрушать, я постараюсь, чтобы мой голос служил на радость людям.

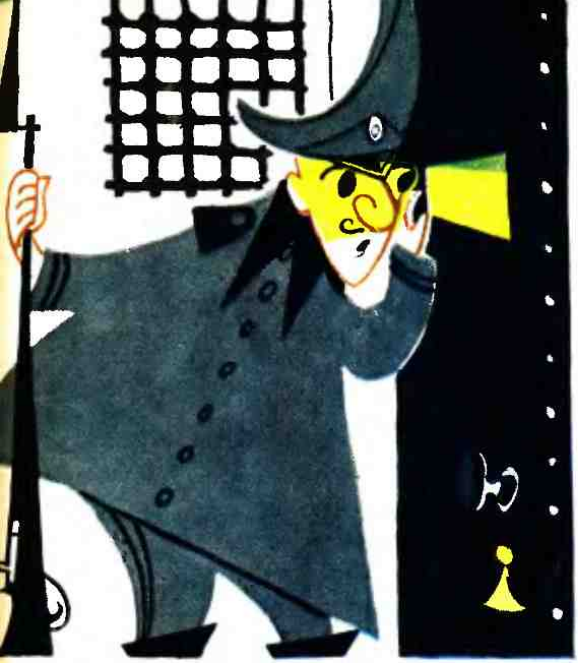
— Это тебе будет нелегко, — заметила Кошка-хромоножка. — Например, если ты примешься напевать колыбельную песню детям, ты помешаешь им спать.

— Но иногда можно сделать доброе дело и разбудив людей, которые спят, — ласково ответил Бенвенуто.

— Я решу эту задачу, — сказал Джельсомино, ударив кулаком об пол.

— А пока, — заметила Хромоножка, — тебе нужно вылечить коленку.

И действительно, коленка у Джельсомино все больше распухала, и он не мог уже ни стоять, ни ходить. Решено было оставить его до выздоровления в доме у Бенвенуто. К тому же Бенвенуто — Не сидящий ни минуты никогда не спал и мог присматривать за Джельсомино ночью, чтобы он не запел во сне и вновь не привлек внимания полиции.



Здесь вы прочтете,
как и почему
Художник Бананито
угодил в тюрьму.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Бананито — и вы это сразу вспомните, сделав хоть самое маленькое усилие, — вышел из дому рано утром в поисках счастья. Никакого определенного плана у него не было — просто ему очень уж хотелось сделать что-нибудь, чтобы показать людям свое мастерство.

Город еще только просыпался. Дворники поливали улицы из шлангов и перекидывались шутками с рабочими, которые ехали на заводы на велосипедах и то и дело рисковали принять хороший душ. Это был веселый и безоблачный час, и Бананито, остановившись посреди тротуара, почувствовал, как в голове у него, словно цветы, расцветали прекрасные мысли. Он даже ощущал их запах, словно вокруг него прямо на тротуаре неожиданно распустились миллионы фиалок.

— А ведь это замечательная идея! — неожиданно решил он.

И, не сходя с места, прямо у ворот фабрики, возле которой он очутился в тот момент, он пристроился на тротуаре, вынул

из коробки цветные мелки и начал рисовать. Несколько рабочих сразу обступили его.

— Бьюсь об заклад, — сказал один из них, — что он, как всегда, нарисует парусный корабль или святого с сиянием вокруг головы. Только где же собака с шапкой в зубах, которая собирает обычно милостыню?

— А я слышал о таком случае, — сказал другой. — Както раз один художник нарисовал на земле красную черту, а все вокруг стояли и ломали себе голову, пытаясь разгадать, что это значит.

— Ну и что же оказалось?

— Спросили художника, и он ответил: «Да вот хочу посмотреть, сможет ли кто-нибудь пройти под чертой, а не по черте». А потом нахлобучил шляпу и ушел. Наверное, у него не все дома.

— Но этот-то не помешанный, — заметил кто-то. — Посмотрите.

Бананито, не поднимая головы, рисовал с такой быстротой, что глаза не успевали следить за движением его руки. И на тротуаре словно оживала его недавняя мечта — вырастала пышная клумба прекрасных фиалок. Правда, это был всего лишь рисунок, но такой красивый, что в конце концов в воздухе на самом деле разлился аромат фиалок.

— Мне кажется, — прошептал один из рабочих, — что я чувствую запах фиалок.

— Называй их лучше кабачками, — заметил его товарищ, — если не хочешь, чтобы тебя упекли в тюрьму. Впрочем, ты прав, запах чувствуется.

Вокруг Бананито воцарилось полное молчание. Слышно было только, как мелок тихонько царапал по тротуару, и с каждым новым фиолетовым штрихом аромат фиалок становился все сильнее. Рабочие были потрясены. Они перекладывали из одной руки в другую свертки с завтраком, делали вид, что проверяют, в порядке ли шины у велосипедов, но не пропускали ни одного движения Бананито и с удовольствием вдыхали запах, радовавший их сердца.

Раздался гудок, но никто из рабочих не двинулся с места, чтобы пойти на фабрику. Слышались возгласы: «Вот молод-

чина!» Бананито поднял глаза и встретился со взглядами своих зрителей. В этих взглядах он прочел такое восхищение, что даже смутился. Поспешно собрав свои мелки, он пошел прочь.

Один из рабочих догнал его:

— Что же ты делаешь? Почему удираешь? Еще минута, и мы отдали бы тебе все деньги, которые у нас были с собой. Мы никогда не видели таких прекрасных рисунков.

— Спасибо, — пробормотал Бананито, — спасибо.

И перешел на другую сторону улицы, чтобы побыть одному.

Сердце у него билось так сильно, что было видно, как куртка в этом месте приподнималась, словно там был спрятан котенок. Художник был по-настоящему счастлив!

Долго он бродил по городу, не решаясь взяться за новый рисунок. Сотни идей приходили ему в голову, и все казались неподходящими.

И вдруг ему на глаза попалась собака, и его охватило подлинное вдохновение. Он присел на корточки на тротуаре, на том самом месте, где эта мысль пришла ему в голову, и начал рисовать.

Есть всегда прохожие, у которых только и дела, что разгуливать то по одной, то по другой улице, — прохожие по профессии, а может быть, просто безработные. И вот снова вокруг Бананито собралась группа зрителей.

— Посмотрите только, какой оригинал — рисует кота. Если кому-нибудь захочется посмотреть на кота, то их и так достаточно в нашем городе.

— Это не простой кот, — весело ответил Бананито.

— Слышали? Он рисует не простого кота, наверное кота в очках.

Разговоры сразу же, словно по волшебству, прекратились, когда собака Бананито, едва он дорисовал ей хвост, вскочила на все четыре лапы и радостно залаяла. В толпе раздались возгласы удивления, и немедленно к месту происшествия прибежал полицейский.

— Что такое? Что здесь происходит? А, вижу, вижу! Вернее, слышу: лающая кошка. Мало нам мяукающих собак! Чья эта кошка?

Толпа быстро рассеялась — никому не хотелось отвечать на этот вопрос. Только один бедняга, стоявший совсем рядом с полицейским, не смог удрать, так как полицейский крепко ухватил его за руку.

— Кошка его, — прошептал он, указывая на Бананито.

Полицейский отпустил его и схватил Бананито:

— Эй, ты, пойдем со мной!

Бананито не заставил себя долго просить. Он положил мелки в карман и последовал за полицейским, не теряя хорошего расположения духа. Собака же, задрав хвост трубой, убежала по своим делам.

Бананито посадили в одиночную камеру, где он должен был ждать, когда начальник полиции соблаговолит допросить его. Но у Бананито руки просто чесались от желания работать. Он нарисовал птичку и пустил ее летать, но птичка не захотела улетать от него — она села ему на плечо и стала ласково поклевывать его в ухо.

— Понятно, — сказал Бананито, — ты голодна.

И он быстро нарисовал несколько зерен проса. Это ему напомнило, что он еще не завтракал.

— Мне хватит яичницы из двух яиц. Неплохо бы съесть еще большой спелый персик.

Он нарисовал то, что ему было нужно, и вскоре запах яичницы распространился по комнате, проник за дверь и защекотал ноздри часового.

— Гм... какая прелесть! — сказал парень, жадно втягивая носом воздух, чтобы не упустить этого благоухания.

Но потом у него возникло подозрение. Он приоткрыл глазок в двери и заглянул в камеру. Увидев заключенного, который с аппетитом уплетал яичницу, он остолбенел, и в этой позе, с выражением изумления на лице, его застал начальник полиции.

— Вот это здорово! — закричал он вне себя от возмущения. — Это просто замечательно! Кажется, мы носим заключенным кушанья из ресторана!

— Я не... я не... — пробормотал, заикаясь, часовой.

— Ты что, устава не знаешь? Хлеб и вода, вода и хлеб, и больше ничего!

— Я не знаю, как это получилось, — сумел, наконец, проговорить часовой. — Может быть, он принес яйца в кармане.

— Ну хорошо, а плита? Я вижу, что в мое отсутствие у вас появились новшества: камеры с кухней.

Но в этот момент начальник полиции воочию убедился, что в камере не было никакой плиты. К тому же Бананито, чтобы зря не мучать часового, решил сам признаться, как он раздобыл себе завтрак.

— Ты меня принимаешь за дурака, — сказал начальник, выслушав его с недоверием. — А что ты будешь делать, если я прикажу тебе нарисовать мне камбалу в белом вине?

Бананито, не говоря ни слова, взял листок бумаги и нарисовал заказанное ему кушанье.

— С петрушкой или без петрушки? — спросил он, рисуя.

— С петрушкой, — приказал, посмеиваясь, начальник. — Ты действительно принял меня за круглого дурака. Когда ты кончишь, я заставлю тебя проглотить весь этот листок бумаги до последнего клочка.

Но когда Бананито кончил рисовать, с листа бумаги пошел аппетитный запах камбалы в белом вине, и через несколько мгновений перед вытаращенными от удивления глазами начальника на столе появилось дымящееся блюдо, которое, казалось, так и говорило: милости просим, попробуйте нас!

— Приятного аппетита, — сказал Бананито. — Кушать подано.

— Мне что-то расхотелось есть, — пробормотал начальник, приходя в себя от изумления. — Камбалу съест часовой. А ты пойдешь со мной.

Бананито стал министром,
Но его прогнали быстро.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Начальник охраны не был глупым человеком. Напротив, он был большим хитрецом.

— Этот человек, — рассуждал он, препровождая Бананито в королевский дворец, — стоит столько золота, сколько сам весит, а может быть, и больше. А раз у меня имеется довольно вместительный сейф, то почему бы мне не спрятать туда несколько килограммов золота? Там его никто не тронет, и оно будет защищено от мышей. Король наверняка щедро меня наградит.

Однако он обманулся в своих надеждах. Узнав о случившемся, король Джакомон приказал доставить к нему художника. Холодно распрощавшись с начальником охраны, он сказал ему:

— Вы получите за ваше открытие медаль за особые заслуги.

— А что я буду с ней делать, с этой медалью? — ворчал себе под нос начальник охраны. — У меня их уже двадцать

четыре штуки. И все из картона! Будь у меня колченогие столы, я бы мог под них подкладывать эти медали, чтобы они не шатались.

Но пусть он ворчит себе и идет своей дорогой. А мы лучше посмотрим, как проходила встреча Бананито с королем Джакомоном.

Художник без всякого волнения предстал перед всемогущим королем. Он спокойно отвечал на вопросы, не переставая любоваться прекрасным оранжевым париком, который сиял у короля на голове, как корзина с апельсинами, выставленная на рынке.

— Что это вы так разглядываете?

— Я любуюсь вашими волосами, ваше величество.

— А вы смогли бы нарисовать такие же?

Джакомон втайне надеялся, что Бананито сможет нарисовать ему прямо на лысине настоящие красивые волосы, которые не нужно будет, ложась спать, снимать и класть на комод.

— Такие красивые, конечно, не смогу, — ответил Бананито, думая этим ответом доставить удовольствие королю.

В глубине души ему было жаль беднягу, которому лысина доставляла столько огорчения. Ведь много людей стригутся совсем наголо, чтобы не нужно было причесываться. Да и судят о людях не по цвету волос. И будь у Джакомона даже свои собственные красивые волосы, темные и вьющиеся, все равно он остался бы жуликом и пиратом, каким его все знали.

Вздохнув, Джакомон решил отложить на время идею украсить свою лысину волосами. Но зато решил использовать талант Бананито, чтобы войти в историю как великий король.

— Я произведу тебя в министры зоопарка, — сказал он художнику. — Зоопарк есть, да вот зверей-то в нем нет. Ты их и должен будешь нарисовать. И прошу тебя, чтобы всякого зверя было вдоволь.

«Лучше быть министром, чем сидеть в тюрьме», — подумал Бананито. И до наступления вечера он на глазах у тысячи зрителей нарисовал и сделал живыми сотни животных различных видов и пород. Тут были львы, тигры, крокодилы, слоны, попугаи, черепахи, пеликаны. И собаки. Представьте, даже

собаки: сторожевые, борзые, шпицы, таксы, которые подняли громкий лай, к великому неудовольствию придворных.

— Что же с нами теперь будет, если его величество разрешает собакам лаять? — ворчали они. — Это же противозаконно! Имея перед глазами столь дурной пример, людям придут в голову опасные мысли.

Но Джакомон приказал не мешать Бананито и предоставить ему делать все, что он только захочет. Таким образом, придворным пришлось подавить свое возмущение и смириться.

По мере того как Бананито рисовал, звери занимали в клетках свои места. Так, в бассейне очутились белые медведи, тюлени, пингвины, а на аллеях зоопарка появились ослики с повозками для катанья ребятишек.

В этот вечер Бананито не смог вернуться ночевать к себе на чердак. Король предоставил ему комнату во дворце и поставил перед дверью десять часовых, боясь, как бы художник не сбежал.

На следующий день в зоопарке больше нечего было делать, и Бананито назначили министром продовольственных товаров, или, как тогда говорили, первым писчебумажником государства. Ему приготовили стол и все необходимое, чтобы он рисовал перед входом во дворец, и люди могли обратиться к нему с просьбой и получить все, что им только захочется поесть.

Вначале кое-кто остался разочарованным. Если у Бананито просили чернил, что означало хлеб на языке лжецов, он рисовал пузырек с чернилами и тут же говорил:

— Дальше, следующий.

— А на что мне чернила? — ворчал неудачник. — Не могу же я их пить или есть.

Но скоро люди поняли, что, если хочешь получить что-нибудь у Бананито, нужно называть вещи своими именами, что было запрещено.

Возмущение придворных достигло предела.

— Дела идут все хуже и хуже, — шипели они, позеленев от злости. — Это не приведет к добру. Никто не будет больше врать. Что же такое стряслось с королем Джакомоном?

А король Джакомон все ждал, когда же, наконец, он осмелится попросить Бананито нарисовать ему настоящие волосы,

чтобы носить их на голове, не боясь ветра. Пока же он позволял художнику делать все, что тому заблагорассудится, и не потерпел бы в этом случае никаких возражений. Придворные были недовольны, глотая эти горькие пилюли. Они уже набили себе ими полные животы.

Генералам тоже приходилось несладко.

— Вы только посмотрите, — говорили они. — Вот, наконец, нам попался человек, как этот художник, и что же мы позволяем ему делать? Яичницы, кур на вертеле, жареную картошку, плитки шоколада. Пушки следовало бы делать, пушки! Мы смогли бы снарядить непобедимую армию и расширить королевство!

Самый воинственный генерал пошел и прямо поговорил об этом с Джакомоном.

Старый пират при этом разговоре почувствовал, как у него кровь закипает в жилах.

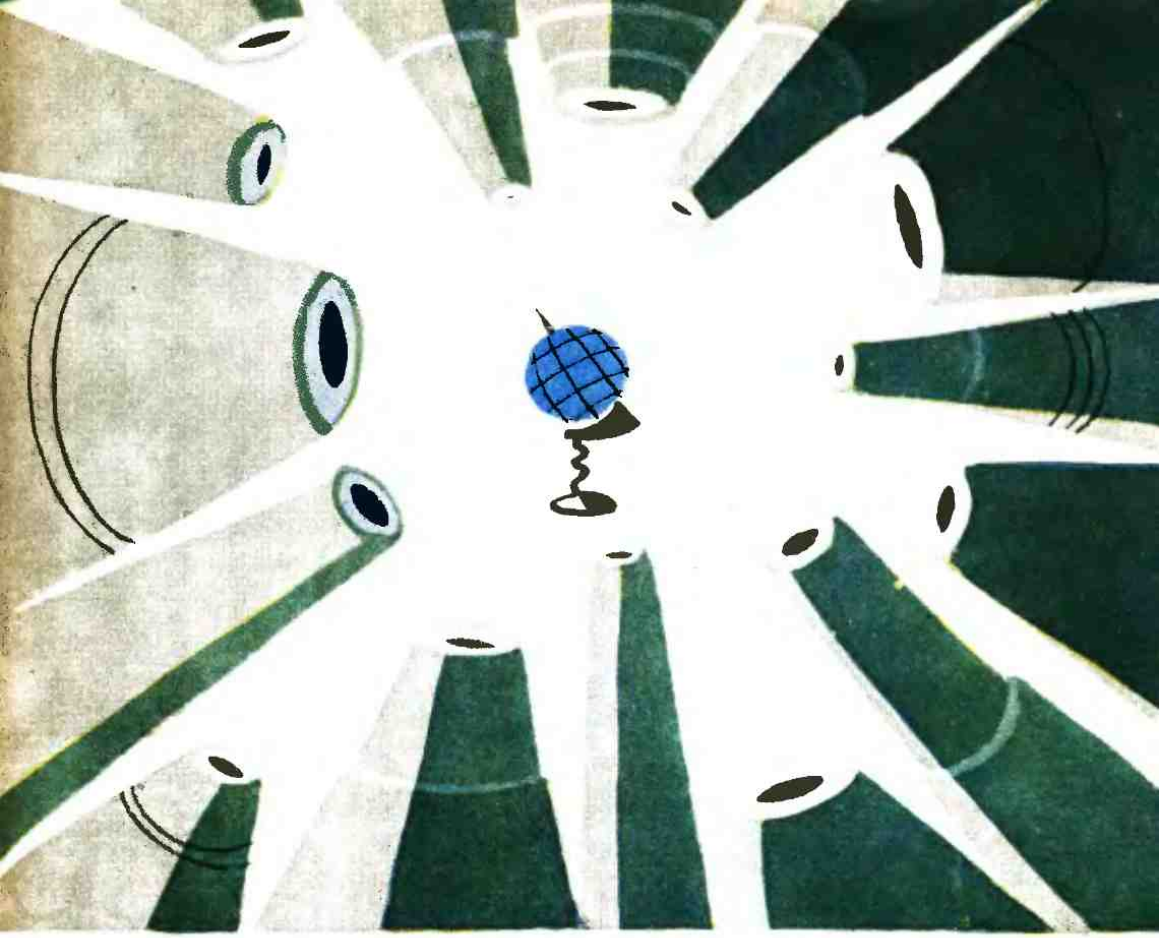
— Пушки! — воскликнул он. — Великолепно, пушки! Ну и корабли, самолеты, дирижабли! Немедленно позвать мне Бананито, дьявол его побери!

Уже давно приближенные Джакомона не слышали, чтобы он упоминал дьявола. А это было его любимое ругательство в те времена, когда он, стоя на капитанском мостике своего корабля, держал речь перед шайкой пиратов, прежде чем послать их на абордаж.

Раздача продуктов была сразу же прекращена. И Бананито предстал перед королем и его генеральным штабом. По стенам были развешаны большие географические карты, а слуги уже принесли коробку с флажками, чтобы отмечать места будущих побед.

Бананито очень спокойно, никого не прерывая, выслушал все пламенные речи. Но когда ему дали бумагу и карандаш, чтобы он сразу же принялся на свой лад создавать пушки, он посредине листа крупно написал печатными буквами «НЕТ» и прошелся с листом по всему залу, чтобы убедиться, что все его прочли.

— Синьоры мои, — сказал он им, — если желаете хорошего кофе, чтобы прочистить себе мозги, я готов приготовить его менее чем за одну минуту. Если каждому из вас захочет-



ся иметь по лошади для охоты на лисиц, я вам нарисую самых чистокровных рысаков. Но о пушках придется вам забыть. От меня вы их не получите никогда!

Тут началось настоящее столпотворение. Все разом принялись кричать и бить кулаками по столу. А Джакомон, чтобы не причинить себе боли, подозвал слугу и хватил его со всей силой кулаком по спине.

— Голову, голову, — послышались крики, — отрубить ему голову!

— Поступим так, — произнес, наконец, Джакомон, — однако, вместо того чтобы отрубить ему голову, дадим ему время одуматься. Мне кажется, раз этот художник гениальный, он

не совсем нормален. Посадим его на несколько дней в сумасшедший дом.

Придворные подняли ропот, считая, что приговор слишком мягкий. Но быстро умолкли, зная нрав Джакомона.

— Пока же, — продолжал Джакомон, — ему не разрешается рисовать ни карандашами, ни красками.

И вот Бананито тоже посадили в сумасшедший дом в одиночную камеру. Ему не разрешили взять с собой ни бумаги, ни карандашей, ни красок, ни кистей. В камере не было ни кусочка кирпича или хотя бы мела. Пожалуй, только кровью можно было рисовать на обитых войлоком стенах. Бананито пришлось волей-неволей помириться с мыслью, что создавать новые шедевры пока ему не удастся.

Он растянулся на нарах, положив руки под голову, и уставился глазами в свежевыбеленный потолок. Перед ним проносились пестрой чередой прекрасные видения. Это были картины, которым он даст жизнь, когда вырвется отсюда. А в том, что он вырвется отсюда, он не сомневался ни на минуту.

И он был прав, потому что кое-кто уже старался выручить его. Имя этого спасителя у вас уже вертится на кончике языка: ну, конечно, наша Кошка-хромоножка.

Пожертвовав лапой,
Кошка-хромоножка
Помогла художнику
выпрыгнуть в окошко.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Когда в доме Бенвенуто — Не сидящего ни минуты, где Джельсомино лечил разбитое колено, стало известно, что художник сделался министром, Кошка-хромоножка решила пойти к нему и подать прошение об освобождении тетушки Кукурузы и Ромолетты. К сожалению, она явилась во дворец, когда счастливая звезда Бананито уже закатилась быстрее, чем луна на ущербе.

— Если хочешь увидеть Бананито, — сказали ей стражники, ухмыляясь, — тебе следует сходить в сумасшедший дом. Но кто знает, пропустят ли тебя? Вот разве если ты ненормальная...

Кошка-хромоножка долго раздумывала, прикинуться ли ей помешанной или постараться проникнуть в сумасшедший дом другим путем.

— Лапки мои, выручайте меня, — решила она, наконец. — Теперь вас четыре, и вам будет легче карабкаться по стенам.

Сумасшедший дом находился в мрачном массивном, как крепость, здании, которое было окружено рвом, наполненным водой. Кошке-хромоножке пришлось помириться с купанием. Она нырнула в воду, переплыла ров, вскарабкалась по стене и шмыгнула в первое открытое окно, оказавшееся кухонным. Повара и прислуга — все отправились на боковую, кроме одного мальчишки, который мыл пол. Увидев кошку, он завопил:

— Пошла прочь, дрянь этакая! Не знаешь разве, что здесь нет объедков?

И действительно, бедняга всегда был так голоден, что поедал все кухонные отбросы, вплоть до последней рыбьей кости. Прогоняя кошку, чтобы она не стащила у него последний кусок, он второпях открыл дверь, которая выходила в длинный коридор. По обеим сторонам его нескончаемо тянулись палаты умалишенных, или, вернее, заключенных. Сумасшедшими они не были, и вся их вина заключалась в том, что однажды они осмелились сказать правду, и, на их беду, это услышали стражники Джакомона.

Некоторые палаты были отделены от коридора лишь крепкой решеткой. Другие были заперты массивными железными дверями, в которых открывалось маленькое окошечко, чтобы подавать пищу.

В одной из таких палат Кошка-хромоножка увидела котят тетушки Кукурузы и, к своему большому удивлению, доброго Барбоса. Они спали, положив друг другу голову на хвост, и кто знает, какие прекрасные сны они видели. У Кошки-хромоножки не хватило смелости их разбудить, ведь сейчас она все равно не могла ничем им помочь. В ту же палату, как вы знаете, поместили и Калимера Векселя, который как раз не спал и, едва увидев нашу Хромоножку, начал ее упрашивать:

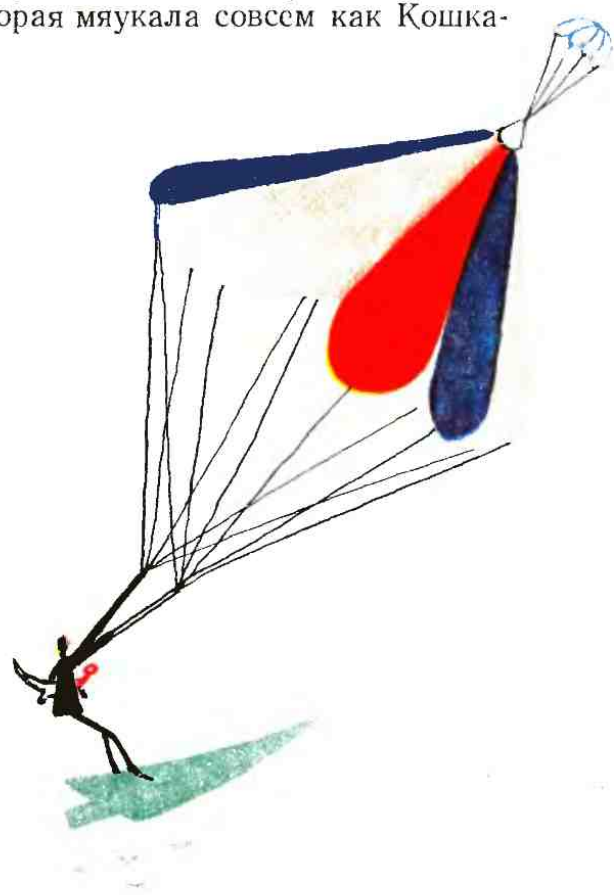
— Сестричка, принеси мне мышку, ведь ты на свободе! Только одного мышонка! Вот уже столько времени, как в мои когти ни один не попадается.

«Вот этот действительно сумасшедший», — подумала Кошка-хромоножка, которая не знала Калимера.

В конце коридора находилась общая палата, в которой спали по крайней мере сто человек. Среди них были тетушка Кукуруза и Ромолетта. Если бы горел свет, Кошка-хромонож-

ка, вероятно, смогла бы их увидеть и узнать. А тетушка Кукуруза, если бы не спала, вероятно, по своей старой привычке схватила бы Кошку-хромоножку за хвост. Но свет был погашен, и все заключенные крепко спали, включая и Ромолетту. Кошка-хромоножка прошла на цыпочках через всю комнату и очутилась на лестнице, которая вела на верхний этаж. После долгих поисков она, наконец, нашла камеру, в которую был заключен Бананито.

Художник спокойно спал, положив руки под голову, и во сне он продолжал видеть изумительные картины, которые в будущем нарисует. Вдруг на одной из них образовалась пустота. Посреди чудесного букета цветов перед Бананито появилась голова кошки, которая мяукала совсем как Кошка-хромоножка. Бананито проснулся и, бросив взгляд на дверь, понял, что он все еще находится в сумасшедшем доме. Но окошечко в двери было открыто, и в маленьком отверстии показалась голова Кошки-хромоножки, которая продолжала мяукать уже наяву.



— Бананито, Бананито! Ну и здоров же ты спать!

— Смотрите, смотрите, даю голову на отсечение, если это не усы Кошки-хромоножки!

— Проснись же, тебе говорят! Это я, Кошка-хромоножка, да еще с той лапкой, которую ты мне подарил, и надо сказать, действует она на славу.

И, говоря это, Кошка-

хромоножка вся сжалась, чтобы пролезть через решетку, прыгнула в палату и, подбежав к Бананито, лизнула ему руку.

— Я пришла, чтобы помочь тебе.

— Благодарю тебя, но как?

— Я еще не знаю. Ну, ведь можно выкрасть ключи у стражников.

— Они могут проснуться.

— Тогда постараюсь прогрызть дверь и помогу тебе выйти отсюда.

— Да, будь в твоем распоряжении лет десять, может быть, тебе и удалось бы прогрызть дырку в железной двери. Однако я знаю, что мне нужно сейчас.

— Что же?

— Напильник. Найди напильник, а уж об остальном я позабочусь.

— Тогда побегу раздобывать его.

— Дело было бы куда проще, — сказал Бананито, — если бы я смог нарисовать напильник, но эти разбойники не оставили мне даже огрызок карандаша.

— Ну, если только за этим дело стало, — воскликнула Кошка-хромоножка, — тогда вот мои лапы! Не забывай, что у меня три нарисованы мелом, а четвертая масляной краской.

— Да, но они сотрутся.

Кошка-хромоножка не хотела слушать никаких доводов.

— Постой, ты мне всегда сможешь нарисовать другие.

— А как спуститься из окна?

— Нарисуешь парашют.

— А перебраться через ров с водой?

— Нарисуешь лодку.

Когда Бананито кончил рисовать все необходимое для побега, от лапы Кошки-хромоножки остался совершенно непригодный малюсенький огрызок, как будто ей произвели ампутацию.

— Видишь, — засмеялась Кошка-хромоножка, — как хорошо, что я не изменила имя. Хромоножкой я была, хромоножкой навеки останусь.

— Я тебе сейчас же нарисую другую лапку, — предложил Бананито.

— У нас нет времени. Пойдем скорей, пока не проснулась стража.

Бананито принялся работать напильником. К счастью, он нарисовал напильник, который резал железо, как мякоть банана. За несколько минут в двери образовалась широкая брешь, и наши друзья смогли выйти в коридор.

— Давай зайдем и возьмем с собой тетушку Кукурузу и Ромолетту, — предложила Кошка-хромоножка, — а заодно захватим и котят.

Но шум разбудил стражников, и они начали обход, чтобы обнаружить виновных. Бананито и Кошка-хромоножка услышали мерные шаги стражников, которые переходили из одного коридора в другой.

— Постараемся добраться до кухни, — прошептала Кошка-хромоножка. — Раз нельзя убежать всем, то спасемся хотя бы мы двое. На свободе мы принесем больше пользы, чем в неволе.

Но когда они появились в кухне, тот же мальчишка вновь принялся кричать на Кошку-хромоножку:

— Ведь я тебя только что прогнал, обжора! Ты что же, хочешь стащить у меня хлеб? Марш отсюда! Вот окно — и убирайся вон. Если утонешь, туда тебе и дорога.

Он так обозлился, что не обратил внимания на Бананито. Он видел только кошку и боялся лишь ее соперничества. Ба-

нанито пристегнул парашют, приготовил лодку и взял на руки Кошку-хромоножку.

— Пойдем!

— Да, да, убирайтесь прочь, — заворчал мальчишка, — и чтоб ноги вашей больше здесь не было!

Лишь когда Бананито выпрыгнул из окна, мальчишка заподозрил что-то неладное.

«А это еще кто такой?» — подумал он, почесывая голову. И чтобы не нажить себе неприятностей, решил промолчать: он, мол, никого не видел и ничего не слышал. Найдя в куче отбросов капустную кочерыжку, он впился в нее зубами, урча от удовольствия.

Побег Бананито был вскоре обнаружен. Из окон сумасшедшего дома выглядывали стражники и кричали:

— На помощь! Тревога! Сбежал опасный сумасшедший!

Бананито и Кошка-хромоножка, согнувшись в лодке в три погибели, гребли руками, чтобы переплыть ров. Но им не удалось бы уйти очень далеко, не поджидай их наготове со своей тележкой Бенвенуто — Не сидящий ни минуты, который разгадал намерения Кошки-хромоножки.

— Скорей, прячьтесь вот сюда! — прошептал старик. Он усадил их на тележку и прикрыл кучей тряпья.

Подоспевшим стражникам он указал рукой в противоположную сторону:

— Вот туда смотрите. Они побежали в ту сторону!

— А ты кто такой?

— Я бедный старьевщик и остановился здесь передохнуть.

Чтобы показать им, что он действительно устал, старьевщик присел на ручку тележки и закурил трубку. Бедняга Бенвенуто! Ведь он-то хорошо знал, что, если будет сидеть, у него появятся лишние седые волосы, и кто знает, сколько лет жизни он потеряет за эти несколько минут. Но такой уж был Бенвенуто.

«Годы, которые я теряю, — думал он, — продлят жизнь кому-нибудь другому. Так свою жизнь я отдаю за жизнь других».

И он пустил струю дыма стражникам прямо в лицо.

К несчастью, как раз в это время у Кошки-хромоножки защекотало в носу. Дело в том, что лохмотья, в которые она зарылась с головой, были полнехоньки пыли. И лишь один носорог мог назвать их ароматными. Кошка-хромоножка попробовала зажать нос передними лапами, чтобы не чихнуть, но слишком поздно вспомнила, что спереди у нее осталась одна только лапа. Она чихнула, да так сильно, что поднялось целое облако пыли.

Кошка-хромоножка, чтобы не обнаружили художника, предпочла выпрыгнуть из тележки и пуститься наутек.

— Кто это? — спросили стражники.

— Да собака, — ответил Бенвенуто, — сначала пряталась в тряпье, а теперь вон удирает.

— Если удирает, — сказали стражники, — значит, совесть нечиста. Побежим за ней.

Кошка-хромоножка услышала позади себя тяжелые шаги и крики: «Держи ее!»

— Пусть гонятся за мной, — обрадовалась она, — по крайней мере оставят в покое Бенвенуто и художника.

Она помчалась по улицам города, а стражники — вслед за нею, высунув язык. Вот и площадь перед королевским дворцом, а вот и колонна, на которой однажды Кошка-хромоножка спокойно провела ночь.

— Еще один прыжок, и мы спасены, — молила она свои лапы.

И лапы не ослушались ее, проявив даже излишнее усердие. Вместо того чтобы только зацепиться за колонну и вскарабкаться на ее верхушку, Кошка-хромоножка просто приклеилась к колонне. Она снова стала рисунком, изображающим кошку на трех лапах. В тот момент это ей даже понравилось, потому что стражники, как потом они сами писали в своем донесении, «остались с носом».

— Куда она исчезла? — спрашивали они друг друга.

— Я видел, как она прыгнула на эту колонну.

— На колонне ничего не видно.

— Видны только какие-то каракули. Смотрите, это какой-то мальчишка нарисовал кошку мелом, украденным в школе.

— Ну ее, пойдем! Рисунки — это не наше дело.

А Бенвенуто тем временем катил тележку к дому, то и дело останавливаясь, чтобы отдышаться. Ему пришлось еще два-три раза присесть на ручку тележки, так как от усталости он не в силах был двигаться дальше. Одним словом, когда он вышел из дому, ему было ни много ни мало, а лет восемьдесят. А теперь, когда он снова увидел порог своего дома, ему наверняка перевалило за девяносто. Подбородок его касался груди, глаза почти исчезли за глубокими морщинами, а голос звучал глухо, словно шел из-под земли.

— Бананито, вставай, мы приехали.

Но Бананито его не слышал: он уснул, пригревшись под тряпьем.

Здесь вы узнаете, как Бенвенуто Прожил последние минуты.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Ты что здесь делаешь? Со своим тряпьем, что ли, разговариваешь?

За спиной Бенвенуто, который старался разбудить художника, остановился сторож.

— С каким таким тряпьем? — переспросил Бенвенуто, чтобы выиграть время.

— Ну да, ведь я прекрасно слышал, как ты говорил что-то, обращаясь к этой куче драных чулок. Наверняка ты подсчитывал на них дырки.

— Может быть, и разговаривал, но сам даже не заметил, — пробормотал Бенвенуто. — Знаете, я так утомился. Бродишь целый день, толкая тележку. А в мои годы это тяжело...

— Так отдохните, если вы устали, — сказал с сочувствием сторож. — Кто же в такое время вам будет продавать тряпье?

— Я присяду сейчас, — сказал Бенвенуто, снова устраиваясь на ручке тележки.

— Если вы позволите, — сказал сторож, — мне бы тоже хотелось присесть на минутку.

— Устраивайтесь, вот еще одна ручка.

— Спасибо. Знаете, тоже устаешь, работая ночным сторожем. И ведь подумать только, что я мечтал стать пианистом. Играешь все время сидя, живешь среди хорошей музыки. Я даже написал об этом в школьном сочинении. Тема сочинения была: «Кем вы станете, когда будете взрослыми?» Я и написал: «Когда я вырасту, то стану пианистом, буду ездить по всем странам, давая концерты, мне будут много аплодировать, и я стану знаменитым». Но я не нажил себе славы даже среди воров. Мне еще не удалось поймать ни одного вора. Кстати, вы случайно не жулик, а?

Бенвенуто успокоил его, покачав головой. Ему так хотелось сказать что-нибудь утешительное этому ночному сторожу с его несчастной судьбой, но сил у него больше не было. Бенвенуто чувствовал, как с каждой минутой жизнь покидала его, но ему ничего другого не оставалось, как молча слушать.

А ночной сторож, вздыхая, долго еще продолжал рассказывать о своей работе, о пианино, которого у него никогда в жизни не было, о своих детях.

— Самому старшему десять лет, — рассказывал он. — Вчера он тоже написал в школе хорошее сочинение. Учителя всегда задают сочинение на одну и ту же тему: «Кем ты будешь, когда станешь взрослым». Мой сын написал: «Я стану летчиком и полечу на спутнике на Луну». Я ему желаю этого от всей души, но года через два мне придется послать его работать. Ведь моего жалованья не хватает, чтобы прокормить семью. Правда, трудно поверить, что он станет исследователем космоса?

Бенвенуто отрицательно покачал головой. Он хотел этим сказать, что надо верить, что нет ничего на свете невозможного и никогда не следует терять надежду на осуществление своей мечты. Но сторож не заметил его кивка. Он посмотрел на Бенвенуто, и ему показалось, что тот спит.

— Бедный старик, — прошептал он, — действительно, он устал. Ну что же, продолжим наш обход.

Сторож удалился на цыпочках, стараясь не шуметь, а Бенвенуто продолжал сидеть, не двигаясь с места. У него не хватало сил, чтобы подняться.

— Подожду вот так, — тихо вздыхал он, — посижу немного. Я сделал все, что мог. Бананито теперь в безопасности. А бедняге сторожу я дал излить свою душу со мной.

Мысли его путались, становились все неяснее. Ему казалось, очень издалека доносится пение, будто пели колыбельную песню. Но скоро он уже больше и ее не слышал.

Эта колыбельная песня, друзья мои, не приснилась Бенвенуто. Случилось то, что Джельсомино во сне принялся, по своему обыкновению, напевать. Его голос, прокатившись по лестнице, зазвучал в переулке и разбудил Бананито.

— Бенвенуто! — позвал он, высунув нос из кучи тряпья, которым был укрыт. — Бенвенуто, где мы? Что случилось?

Но Бенвенуто уже не мог ему больше ничего ответить.

Художник спрыгнул с тележки и раза два потряс старика. Рука бедняги была холодна как лед. А из дома продолжал доноситься чарующий голос Джельсомино. Ласковая колыбельная кружилась в воздухе, наполняя собой весь переулок.

Бананито взбежал наверх в дом, разбудил Джельсомино, и они оба вышли на улицу.

— Он умер! — воскликнул Джельсомино.

— Умер по нашей вине, истратив последние свои силы на нас, пока мы спокойно спали, ни о чем не думая.

В конце переулка показался все тот же ночной сторож.

— Внесем его в дом, — прошептал Джельсомино.

Но он обошелся без помощи художника. Бенвенуто стал легкий, как ребенок, и Джельсомино почти без усилий отнес его на руках в дом.

Сторож остановился на несколько минут, уставившись на тележку.

— Старый тряпичник, вероятно, здесь живет, — сказал он. — Надо бы оштрафовать его за то, что он оставил тележку посреди дороги. Но он был хороший старик. Сделаю вид, что я не проходил по этому переулку.

Бедный Бенвенуто, в его доме не нашлось даже стула, чтобы мертвого было куда посадить. Пришлось положить покойника на пол, пристроив под голову простую подушку.

Похоронили Бенвенуто два дня спустя после тех событий, о которых вы еще ничего не знаете и о которых вы прочтете

в следующих главах. Присутствовали тысячи людей, но никто не произнес речь, хотя каждый из них мог выступить и рассказать о добрых делах старьевщика.

И как раз на этих похоронах, впервые в жизни, Джельсомино запел, не разбив ничего. Голос его был сильный, как и прежде, но он звучал более нежно, и все, кто его слушал, чувствовали, что становятся добрее.

Но до этого, как я уже вам сказал, произошло еще много событий. Прежде всего Джельсомино и художник заметили отсутствие Кошки-хромоножки. Во время суматохи этих печальных дней они не обратили на это внимания.

— Она была со мной в тачке, — произнес Бананито. — Конечно, в куче тряпья я не мог ее заметить. Но представь себе, что я слышал, как она вдруг чихнула.

— Наверное, она попала в какую-нибудь беду, — сказал Джельсомино.

— А может быть, она вернулась в сумасшедший дом, чтобы освободить тетушку Кукурузу и Ромолетту?

— Все что-то делают, — произнес пристыженный Джельсомино, — один только я болтаюсь без дела. Я способен лишь разбивать люстры да пугать людей.

Никто еще никогда не видел его в таком отчаянии. Однако именно в этот момент его осенила замечательная идея, блестящая, как звезда первой величины.

— Ну нет! — воскликнул он вдруг. — Мы еще посмотрим, на что я способен!

— Ты куда? — спросил Бананито, увидев, как он поднялся и надел пиджак.

— Теперь моя очередь, — ответил Джельсомино. — Не выходи из дому, тебя разыскивает полиция. Ты обо мне еще услышишь. О, это будут необыкновенные новости!

Болезнь вранья проходит совсем,
Правда все больше нравится всем.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

После суматохи, вызванной бегством Бананито, в сумасшедшем доме снова водворилось спокойствие. В палатах, камерах, коридорах все спали. Бодрствовал один только несчастный кухонный мальчишка. Ему почти никогда не удавалось заснуть, потому что он постоянно был голоден и ночи напролет копался в отбросах в поисках чего-нибудь съедобного. Бананито и те, кто бросился за художником в погоню, его мало интересовали. Он даже заинтересовался тем странным пареньком, по правде говоря, не очень высоким, а скорее низеньким, который, встав посреди площади, как раз напротив сумасшедшего дома, выводил рулады.

Кухонный мальчишка ел картофельные очистки и поглядывал на него, качая головой.

— Этот и взаправду рехнулся. Где это видано, чтобы петь серенады не прекрасным девушкам, а под окнами сумасшед-

шего дома? Впрочем, это его дело. Однако какой сильный голос! Бьюсь об заклад, что сейчас его схватят часовые.

Но часовые, устав после тщетной погони за Кошкой-хромоножкой, спали как убитые.

Джельсомино, который начал петь вполголоса, чтобы проверить голосовые связки, пел теперь все громче и громче. Кухонный мальчишка разинул рот, забыв про свои очистки.

— Ведь вот, слушая его, почти забываешь про голод.

В этот момент стекла в окне, в которое он смотрел, вдребезги разбились, и один из осколков чуть не врезался ему в нос.

— Эй, кто там бросается камнями?

И сразу же в разных местах огромного мрачного здания, на всех этажах стали одно за другим вылетать стекла. Стражники забегали по всем палатам и камерам, думая, что заключенные взбунтовались. Но им пришлось быстро изменить свое мнение. Действительно, заключенные проснулись, но они казались спокойными и наслаждались пением Джельсомино.

— Кто это здесь бьет стекла? — закричали стражники.

— Тише вы! — послышалось в ответ со всех сторон. — Дайте послушать песню. Какое нам дело до стекол? Наши они, что ли?

Затем стали разламываться на куски и решетки на окнах: железные прутья ломались как спички, отрывались от оконных рам и падали в ров, где, с силой плюхнувшись в воду, шли ко дну.

Когда директор сумасшедшего дома узнал об этом происшествии, его бросило в дрожь.

— Это от холода, — объяснил он своим секретарям, а сам втихомолку подумал: «Началось землетрясение».

Он вызвал свою машину и, сказав всем, что едет сообщить обо всем министру, удрал на свою загородную дачу, оставив сумасшедший дом на произвол судьбы.

«Какой там министр, — думали секретари, вне себя от злости, — он просто смылся, а министр — одна отговорка. А мы что же, должны погибать, как мыши в мышеловке? Как бы не так!»

Один за другим — кто в машине, кто пешком — они так быстро скрылись за подъемным мостом, что стоявшие у ворот часовые не заметили, как их и след простыл.

Занималась заря. По крышам домов уже скользил бледный луч света. Для Джельсомино это послужило как бы сигналом, который говорил ему: «Пой громче!»

Если бы вы тогда его слышали! Голос его вырывался наружу с такой силой, как вырывается огненная лава из кратера вулкана. Все деревянные двери в сумасшедшем доме разлетелись в щепки, а железные настолько погнулись, что уже не походили больше на двери, и все, кто находился за ними взаперти, выбежали в коридор, прыгая от радости.

Стражники, надсмотрщики, санитары бросились один за другим к выходу и, перебежав через подъемный мост, выскочили на площадь. Все вдруг вспомнили, что у них важные дела в городе.

— Мне нужно вымыть мою собаку, — говорил один.

— Меня пригласили провести несколько дней у моря, — говорил другой.

— Я забыл переменить воду красным рыбкам, боюсь, как бы они не подохли.

Они так привыкли лгать, что не могли просто сознаться в том, что их охватил страх.

Одним словом, из всего обслуживающего персонала за несколько минут в сумасшедшем доме не осталось никого, кроме несчастного кухонного мальчишки. Держа в руке свою кочерыжку, он стоял, разинув рот от удивления, потому что ему совсем не хотелось есть, и впервые в своей жизни он почувствовал, как, подобно свежему ветру, в голове у него пронеслись заманчивые мысли.

Ромолетта первая из всей палаты заметила, что все надсмотрщики сбежали.

— Что же мы ждем? Бежим и мы! — сказала она тетушке Кукурузе.

— Это противоречит правилам, — ответила тетушка Кукуруза. — Но, с другой стороны, правила ведь противоречат нам. Ну что же, идем.

Взявшись за руки, они направились к выходу на лестницу,

по которой уже спускались вниз сломя голову толпы людей. Неразбериха была страшная, но тетушка Кукуруза среди тысячи других голосов сразу же узнала голоса своих котят. Впрочем, и они, семь маленьких учеников Кошки-хромоножки, немедленно признали среди множества людей высоко поднятую голову и строгое лицо своей защитницы. Замяукав, они тут же бросились к тетушке на шею, облепив ее со всех сторон.

— Ну вот, сейчас вернемся к себе домой, — говорила тетушка Кукуруза со слезами на глазах. — Один, два, три, четыре... Все в сборе? Семь, восемь! Один даже лишний.

Конечно, это был добрый Барбос. На руках у тетушки Кукурузы хватило места и для него.

Джельсомино прекратил свое пение и у всех, кто выходил, спрашивал, не видели ли они Кошку-хромоножку. Но никто не мог ему вразумительно ответить. Тогда он просто потерял терпение.

— Остался ли кто-нибудь там внутри? — крикнул он.

— Никто, ни души, — послышался ответ.

— Ну, тогда смотрите.

Он набрал полную грудь воздуха, как это делают водолазы, когда погружаются в воду, сложил руки рупором и приставил их ко рту, чтобы не сомневаться, что весь звук пойдет в одном направлении, и пронзительно закричал. Будь на Марсе и на Венере жители, обладающие слухом, то и они, вероятно, его услышали бы. Достаточно вам сказать, что здание пошатнулось, словно пронесся циклон. Черепицы с крыши и печные трубы смело, как пылинки. Затем, начиная с верхнего этажа, стены накренились, задрожали и со страшным грохотом рухнули вниз, заполняя ров и разбрызгивая воду во все стороны.

Все это длилось одну минуту. Это хорошо знает кухонный мальчишка, который, оставшись внутри даже после бегства заключенных, едва успел вовремя выброситься из своего окна, переплыть двумя взмахами руки ров и очутиться на площади, прежде чем за его спиной рухнуло все здание.

По всей площади разнеслось «ура», и как раз в этот момент взошло солнце, хотя никто не догадался сбегать за ним и позвать: «Поторапливайся, иначе упустишь это зрелище».

Люди на площади подхватили на руки Джельсомино и с триумфом понесли его, а журналисты не успели пробраться к нему и спросить, каковы его впечатления. Им пришлось довольствоваться интервью с Калимером Векселем, который с мрачным видом стоял в стороне.

— Вы ничего не хотели бы сообщить газете «Образцовый лжец»? — спросили у него.

— Мяу, — ответил Калимер, поворачиваясь к ним спиной.

— Отлично, — сказали журналисты. — Вы один из очевидцев. Не могли бы вы нам объяснить, почему ничего не случилось?

— Мяу, — еще раз промяукал Калимер.

— Прекрасно! Мы опровергнем самым решительным образом, что якобы сумасшедший дом развалился, а умалишенные разбежались по городу.

— Да поймите вы, — вырвалось вдруг у Калимера, — поймите же вы, наконец, что я кошка!

— Вы хотите сказать, собака, раз вы мяукаете?

— Нет, нет, кошка! Я кошка и ловлю мышей. Ладно, ладно, теперь я вас разглядел как следует. Вы можете прятаться сколько вам угодно, но от меня не уйдете. Вы мыши и сейчас попадетесь мне в лапы. Мяу! Мяу!

Тут Калимер сделал прыжок. Журналисты едва успели спрятать в карман вечные ручки и вскочить в свои автомобили. Калимер упал на землю и, отчаянно мяукая, пролежал так весь остаток дня, пока один сострадательный прохожий не поднял его и не отвел в больницу.

Час спустя вышел экстренный выпуск «Образцового лжеца». Во всю первую страницу огромными буквами был напечатан заголовок, который гласил:

НОВАЯ НЕУДАЧА ТЕНОРА ДЖЕЛЬСОМИНО: СВОИМ ПЕНИЕМ ЕМУ НЕ УДАЛОСЬ РАЗРУШИТЬ СУМАСШЕДШИЙ ДОМ

Редактор газеты потирал руки от удовольствия:

— Опровержение получилось на славу. Сегодня я продам по крайней мере сто тысяч экземпляров.

Но вскоре разносчики газеты «Образцовый лжец» вернулись с кипой нераспроданных газет в руках. Никто не захотел купить ни одного номера.

— Как?! — закричал редактор. — Так-таки ни одной газеты? Что же люди, календарь, что ли, читают?

— Нет, синьор редактор, — ответил ему самый смелый разносчик. — Календарь тоже никто больше не читает. Как по-вашему, могут читать календарь, если в нем декабрь месяц называется августом? Неужели люди будут чувствовать тепло только оттого, что изменили название месяца? Большие события происходят, синьор редактор. Люди смеются нам в лицо и советуют из нашей газеты делать бумажные кораблики.

В этот момент в кабинет редактора вбежала его собака, которая сделала самостоятельную вылазку в город.

— Кис-кис! — машинально позвал ее хозяин.

— Гав-гав! — ответила собака.

— Что такое? Ты лаешь?!

Вместо ответа пес завилял хвостом от радости и еще пуще залаял.

— Но ведь это конец света! — воскликнул редактор, вытирая пот со лба. — Настоящий конец света!

Но то был лишь конец всякой лжи. После разрушения сумасшедшего дома на свободе разом оказались сотни людей, которые говорили правду, не считая собак, которые лаяли, кошек, которые мяукали, лошадей, которые ржали, как этого требуют правила зоологии и грамматики. Правда распространялась, словно эпидемия, и уже большинство населения было ею заражено. Владельцы магазинов принялись уже менять этикетки на своих товарах.

Один булочник сорвал свою вывеску с надписью «Канцелярские товары», перевернул ее и кусочком угля написал на ней: «Хлеб». Немедленно перед его магазином собралась большая толпа и начала аплодировать.

Но еще более многочисленная толпа оказалась на большой площади перед королевским дворцом. Во главе ее был Джельсомино. Он пел, и на его голос сбегались люди со всех кварталов города и даже из ближайших деревень.

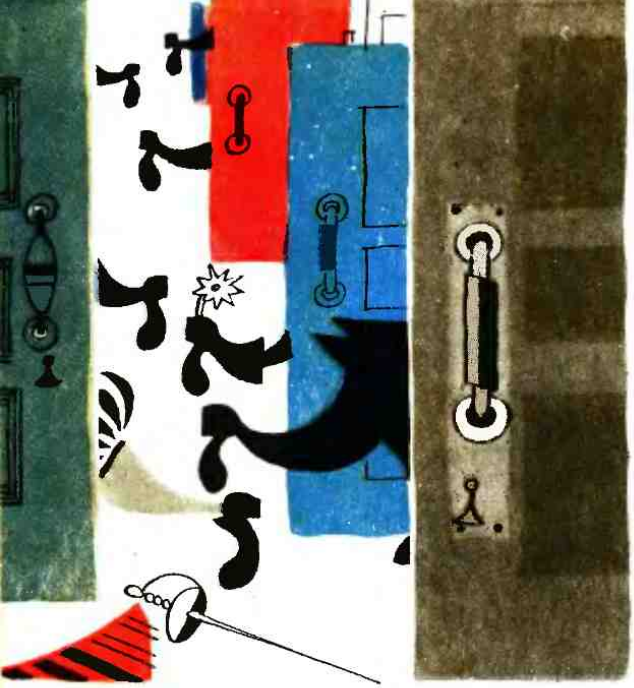
Из окна своей комнаты Джакомон увидел это многолюдное шествие и от радости захлопал в ладоши.

— Скорей сюда! — закричал он, зовя придворных. — Скорее! Мой народ хочет, чтобы я произнес речь. Посмотрите, вон они все собрались, чтобы поздравить меня с праздником.

— Разве сегодня праздник? — спрашивали друг у друга придворные.

Вам покажется странным, но они не знали еще, что произошло. Шпионы, вместо того чтобы броситься во дворец и обо всем доложить, бросились на поиски укромного местечка для себя.

Во дворце короля Джакомона кошки продолжали лаять. Это были последние несчастные кошки во всем королевстве.



От королевства Джакомона
Осталась лишь одна колонна.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Как вам известно, книги судьбы на свете не существует. Нет такой книги, в которой были бы записаны все грядущие события. Для того чтобы написать подобную книгу, следовало быть по крайней мере главным редактором «Образцового лжеца». Одним словом, такой книги нет и не было даже во времена короля Джакомона.

А жаль! Если бы такая книга существовала и бедный король в своем парике мог бы заглянуть в нее, он прочитал бы в тот день такую запись: «Сегодня Джакомон не произнесет речи».

И действительно, в то время как он с нетерпением ожидал, что слуги распахнут перед ним застекленные двери и он появится на балконе, голос Джельсомино начал делать свое дело: стеклянные двери разбились, и осколки дождем посыпались на пол.

— Будьте осторожней! — крикнул Джакомон своим слугам.

«Дзин-н-нь!..» — раздалось в ответ из его комнаты.

— Это зеркало! — закричал Джакомон. — Кто разбил мое зеркало?!

Его величество оглянулся вокруг с удивлением: почему ему никто не отвечает? Но — увы! — за его спиной было пусто. Министры, адмиралы, камергеры и все придворные по первому же сигналу — а именно после первой же высокой ноты, взятой Джельсомино, — кинулись в свои комнаты переодеваться. Они без лишних слов швыряли прямо на пол роскошные костюмы, которые носили в течение стольких лет, вытаскивали из-под кроватей старые чемоданы с пиратской одеждой и бормотали при этом:

— Если не надевать черной повязки на глаз, я смогу сойти за дворника.

— Пожалуй, если я сниму с рукава якорь, никто меня не узнает.

С Джакомоном остались лишь двое слуг, которые были обязаны открывать и закрывать стеклянные двери, выходящие на балкон. Даже теперь, когда двери разбились, они почтительно держались за дверные ручки и время от времени начищали их кружевами своих манжет.

— Ступайте и вы, — вздохнул Джакомон. — Теперь все рушится вокруг меня.

И действительно, в тот же момент разбились тысячи лампочек в огромной люстре: Джельсомино в этот день распелся не на шутку.

Слуги не заставили себя долго просить: пятясь задом и низко кланяясь через каждые три шага, они добрались до двери, выходящей на лестницу, повернулись, словно по команде, и, чтобы скорее очутиться внизу, съехали по перилам.

Джакомон направился в свою комнату, снял королевское платье и надел костюм простого горожанина, который купил для того, чтобы незамеченным бродить по городу (впрочем, он так ни разу до этого дня и не воспользовался этим костюмом, предпочитая посылать в город своих шпионов). Это был коричневый костюм, который подошел бы кассиру из банка или профессору философии. А как шел к нему оранжевый

парик! К сожалению, его тоже пришлось снять, ведь он был повсюду известен больше, чем королевская корона.

— Ах, мой прекрасный парик! — вздохнул Джакомон. — Вернее, мои прекрасные парики!

Он открыл знаменитый шкаф, и перед его взором предстали ряды париков, похожие на головы марионеток, приготовленных к очередному спектаклю. Джакомон не смог устоять перед таким искушением: он схватил дюжину париков и засунул их в чемодан.

— Я увезу их с собой. В изгнании они помогут мне вспоминать об этих счастливых днях.

Он спустился вниз по лестнице, но не в подвал, как это сделали его придворные, которые, словно мыши, удирали из дворца по канализационным трубам. Джакомон предпочел выйти в свой чудесный сад. Вернее сказать, его сад в прошлом. Сад по-прежнему был прекрасен, весь зеленый и благоухающий.

Джакомон вдохнул еще раз воздух королевского сада, потом открыл маленькую дверцу, выходившую в переулок, и, убедившись, что его никто не заметил, прошел шагов сто и очутился на площади, в толпе людей, неистово аплодировавших Джельсомино.

Лысая голова и коричневый костюм совершенно преобразили Джакомона. К тому же в руке у него был чемодан, и это делало его похожим на коммивояжера.

— Вы небось приезжий, — неожиданно спросил его кто-то, дружески похлопав по плечу. — Идите слушать вместе с нами концерт тенора Джельсомино. Вон он, поглядите. Тот парнишка, похожий на велогонщика. По виду он и гроша ломаного не стоит, а слышите, какой у него голос?

— Слышу, слышу, — пробормотал Джакомон. И про себя добавил: «И вижу...»

Да, он увидел, как его любимый балкон развалился на куски, увидел то, что вы себе уже представляете, — дворец рухнул как карточный домик, которому надоело стоять, и целое облако пыли поднялось к небу. Джельсомино взял еще одну высокую ноту, чтобы разогнать пыль, и все увидели, на месте дворца лишь груду развалин.

— Кстати, — снова обратился к Джакомону его сосед, — вы знаете, что у вас великолепная лысина? Пожалуйста, не обижайтесь, что я вам это говорю. Полюбуйтесь на мою.

Джакомон провел рукой по голове, потом посмотрел, как ему было предложено, на лысую голову своего соседа, круглую и гладкую, как шарик для игры в пинг-понг.

— У вас в самом деле красивая лысина, — сказал Джакомон.

— Да что вы, самая обыкновенная! Вот у вас это действительно просто блеск. К тому же сейчас, когда ее освещает солнце, она так изумительно сияет, что больно глазам, когда смотришь на нее.

— Ах, оставьте, вы слишком добры ко мне, — пробормотал Джакомон.

— Уверяю вас, я не преувеличиваю! Знаете, что я вам скажу? Если бы вы стали членом нашего Клуба лысых, вас немедленно избрали бы президентом.

— Президентом?

— Да, и единогласно.

— А у вас есть Клуб лысых?

— Разумеется. До вчерашнего дня он был тайным, но теперь будет открыто существовать. Члены его — лучшие люди нашего города. И вы знаете, в него трудновато вступить. Требуется доказать, что у вас на голове не осталось ни одного волоса. Некоторые, чтобы быть принятыми в наш клуб, даже волосы себе вырывают.

— И вы говорите, что я...

— Готов биться об заклад, что вы могли бы стать нашим президентом.

Джакомон почувствовал, что еще минута — и он совсем расстрогается.

«Как я ошибся, — думал он. — Ошибся, избирая свой жизненный путь. Но теперь уже слишком поздно, чтобы сызнова начинать».

Воспользовавшись движением в толпе, он скрылся от своего собеседника, покинул площадь и пошел по пустынным улицам. Двенадцать париков уныло шуршали в его чемодане. Несколько раз он замечал, как из канализационных люков выгляды-

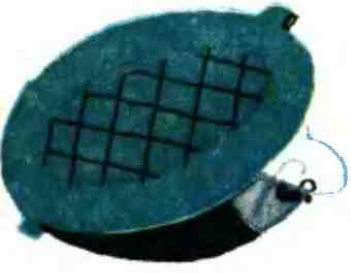
вали головы, которые как будто он уже видел раньше. Не его ли это пираты? Но головы сразу исчезали при виде этого солидного лысого гражданина в коричневом костюме.

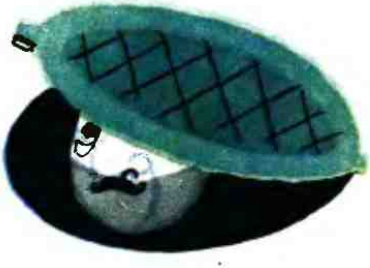
Решив покончить с собой, Джакомон направился прямо к реке. Но, придя на берег, он передумал. Открыв чемодан, он достал парики и один за другим побросал в воду.

— Прощайте, — прошептал им Джакомон. — Прощайте, маленькие врунишки!

Но парики не погибли. В тот же день их изловили мальчишки, которые разбойничали на реке хуже крокодилов. Мальчишки высушили парики на солнце, нацепили их на головы и устроили веселое шествие. Они смеялись и пели, не подозревая, что это были похороны королевства Джакомона.

В то время как Джакомон уходил навсегда, — и, надо сказать, ему здорово повезло, что он может уйти куда-нибудь,





где ему удастся стать президентом или по крайней мере секретарем почтенного Клуба лысых, — мы с вами заглянем еще разок на площадь.

Джельсомино, окончив свою грозную песню, вытер пот со лба:

— Ну вот, и с этим делом покончено.

Но все же у него щемило сердце: Кошка-хромоножка так и не нашлась.

— Куда она могла запропаститься? — спрашивал себя наш герой. — Уж не осталась ли она под развалинами сумасшедшего дома? Ведь я умею здорово все разрушать.

Однако толпа не дала ему слишком долго горевать.

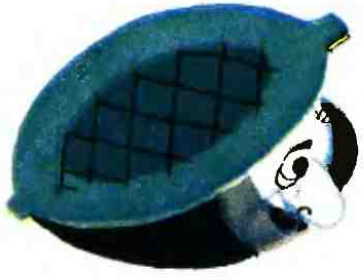
— Колонну, — кричали ему со всех сторон, — нужно свалить колонну!

— А зачем?

— Ведь на ней изображены походы и подвиги короля Джакомона. Это тоже сплошная ложь. Джакомон никогда и носа не показывал из своего дворца.

— Хорошо, — сказал Джельсомино, — я спою колонне такую серенаду, что ей не поздоровится. Только отойдите все подальше, не то она вас задавит.

Люди, стоявшие возле колонны, поспешно отошли,— вся



толпа на площади заколыхалась, как море при ветре. И тут, наконец, Джельсомино увидел на колонне, метрах в двух от земли, хорошо знакомое ему изображение кошки на трех ногах.

— Хромоножка! — воскликнул он, и на сердце у него сразу стало легче.

Рисунок вздрогнул, контуры его искривились, но потом снова наступило успокоение.

— Хромоножка! — позвал Джельсомино еще громче. На этот раз голос проник в мрамор, преодолев его сопротивление.

Кошка-хромоножка отделилась от колонны и, прихрамывая, спрыгнула на землю.

— Как я рада, как я рада! — мяукала она, целуя Джельсомино в щеку. — Если бы не ты, я так и осталась бы здесь на этой колонне, и дожди в конце концов смыли бы меня. Всем известно, что я люблю чистоту, но мне вовсе не хотелось бы умереть от излишнего мытья.

— А я на что? — раздался тут возглас Бананито, который, действуя локтями и пинками, пробрался, наконец, к своим и нашим общим друзьям. — Если с тобой случится такая беда, я снова нарисую тебя, и ты будешь еще красивее и еще правдоподобней, чем раньше.

Троим друзьям, которые только что встретились, ведь столько нужно порассказать друг другу, поэтому оставим лучше их в покое.

А колонна?

Да кому, собственно, может помешать колонна? Изображенная на ней ложь будет напоминать людям о том времени, когда страной правил беззастенчивый лгун, и достаточно было одной хорошо спетой песни, чтобы рухнуло все его королевство.

Конец у повести простой:
Споры нельзя разрешать
войной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Наша история будет совсем закончена, когда вы узнаете содержание тех листков, которые я забыл в кармане, торопясь дописать двадцатую главу. Это последние листки заметок, сделанных мною в тот день, когда Джельсомино рассказал мне о своих приключениях в Стране лжецов. Вот я вижу на одном из этих листков записано, что о дальнейшей судьбе Джакомона ничего не известно. Поэтому я не могу вам сказать, стал ли он порядочным человеком, или его пиратские ноги снова привели его на плохую дорогу.

На другом листке записано, что хотя Джельсомино вообще-то был очень доволен тем, что он сделал, однако каждый раз, проходя по площади, он чувствовал какую-то неловкость, словно человек, которому в ботинок попал камешек.

— Нужно ли было разрушать королевский дворец и превращать его в груду развалин? — упрекал он себя. — Джа-

комон все равно удрал бы, даже если бы я ограничился лишь тем, что разбил стекла. Потом достаточно было бы позвать стекольщика, и все снова пришло бы в порядок.

О том, чтобы избавить Джельсомино от этого мучившего его «камешка», позаботился Бананито: он восстановил дворец на свой лад, пустив в ход несколько листов бумаги и коробку красок. Он потратил на это полдня и не забыл даже сделать балкон на верхнем этаже. Когда балкон появился на прежнем месте, жители города попросили Бананито подняться на него и произнести речь.

— Послушайте моего совета, — ответил Бананито, — примите-ка лучше закон, запрещающий произносить речи с этого балкона. И к тому же я ведь художник. Если уж вам так хочется послушать речь, обратитесь к Джельсомино.

В этот момент на балконе появилась Кошка-хромоножка и промяукала:

— Мяу!

Внизу на площади раздались аплодисменты, и уже других речей никто больше не просил.

Вот я вижу, еще на одном листке записано, что тетушку Кукурузу назначили директором Института для бездомных кошек. Что же, решение вполне правильное — с таким директором вы можете быть уверены, что никто не заставит кошек лаять по-собачьи. Ромолетта снова стала ходить в школу, и сегодня она уже, наверное, сидит не за партой, а за учительским столом — за это время она наверняка успела стать важной учительницей.

И вот, наконец, на самом маленьком листочке я вижу короткую запись: «Война окончилась со счетом 1 : 1».

Можете себе представить, я чуть было не забыл рассказать вам про войну.

Случилось это через несколько дней после бегства Джакомона. Потихоньку от своих подданных, рассчитывая на пушки, которые, как он надеялся, нарисует ему Бананито, он объявил войну одному из соседних государств. Но с жителями этого государства шутки были плохи — их армия сразу же двинулась в поход, чтобы защитить свою родину.

— Но мы совсем не хотим войны, — говорили новые министры. — Мы не такие, как Джакомон.

Один из журналистов по этому поводу решил получить интервью у Джельсомино, который занимался музыкой, готовясь выступить, наконец, с настоящим концертом.

— Война? — спросил Джельсомино. — Предложите противнику прекратить ее и устроить вместо нее футбольный матч. Может быть, в результате и будут ушибленные коленки, но, во всяком случае, дело обойдется без большого кровопролития.

К счастью, эта идея понравилась противнику, который, в сущности, тоже не имел никакого желания воевать. Футбольный матч состоялся в ближайшее воскресенье. Джельсомино, разумеется, болел за свою команду и так увлекся, что не удержался и вдруг закричал: «Давай! Давай!» — отчего мяч сразу влетел в ворота противника, как это было, если вы помните, уже однажды в его родном селении.

«Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы эта война кончилась жульнической победой, — сразу же решил про себя Джельсомино. — Здесь идет игра в футбол, и всякие махинации запрещены правилами игры».

И он тут же забил гол в другие ворота. На его месте вы, вероятно, поступили бы так же.

Песни Джельсомино

Перевел с итальянского Я. АКИМ

Я переписал здесь несколько песен Джельсомино. Есть тут песни смешные, есть нескладные, есть и серьезные. Вы можете выбрать те песни, которые вам понравятся, и забыть остальные.

Посвящается
королю Джакомону

ЛОЖЬ

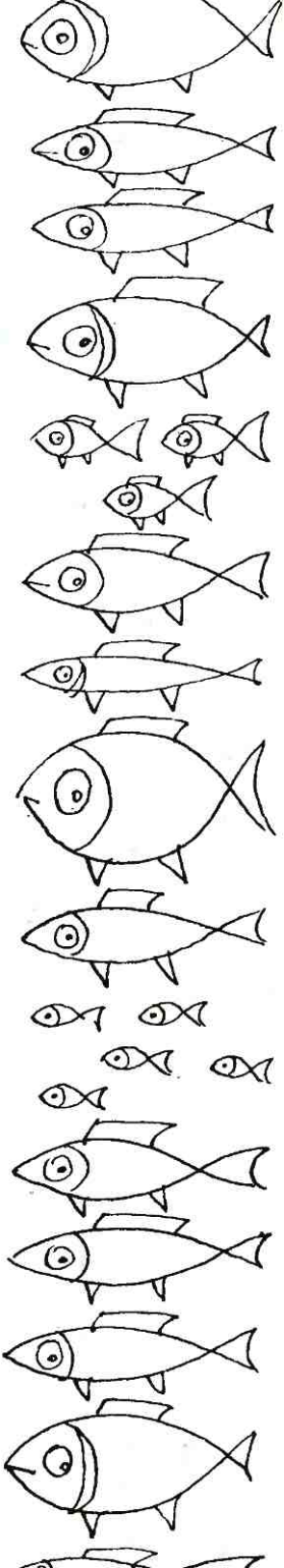
Я ложь признаю...
Не твою,
Не мою,
А ту, что глухой
От немого услышит,
Услышит —
И дохлой поведает мыши,
Чтоб мышь эта мертвая,
Слушая бред,
Немыслимый выкинула пируэт.

Посвящается
Кошке-хромоножке,
любительнице рыбы

СКОЛЬКО РЫБ В МОРЕ?

Трое парней,
Рыбаков из Ливорно,
Друг с дружкой
За кружкой
Спорят упорно.
Спорят уже без малого год,
Сколько рыбешек в море живет.
— Их больше семи, —
Утверждает один, —
Их больше семи,
Не считая сардин.
— Нет, — спорит второй, —
Больше тысячи в стае —
Угрей и омаров
Я не считаю.

— Их больше мильона! —
Куражится третий.
И все одинаково правы, заметьте!



РАДУГА

Стихотворение
к одной из картин Бананито

Дождь. Погода хмурится.
Темно на горизонте.
Вдруг, смотри, на улице
Девочка и зонтик!

Маленькая девочка
С зонтиком заветным,
С зонтиком, как радуга,
Ярким, семицветным.

Лепестки его туги,
На цветок похожи.
И от этой радуги
Весело прохожим.

Посвящается Кошке-хромоножке, чтобы утешить ее после чтения газеты «Образцовый лжец»

КОШАЧЬЯ ГАЗЕТА

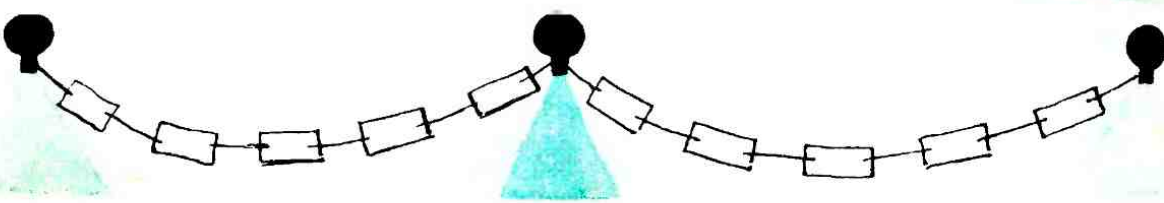
Занятную вещь
Я слыхал по секрету:
Кошки
Свою выпускают газету!
Печатают в ней
С продолженьями
Повести,
Кошачьи стихи
И последние новости.

Кошки
Всего не читают — по лени,
А сразу глядят
В отдел объявлений:

«Сниму особняк
Со старинным диваном».
«Нужен чердак.
Ограничусь чуланом».
«Старушку ищу
С шерстяными носками.
(Просьба, чтоб дети
за хвост не таскали)».
«Охотник с медалью,
Порядочный, честный,
Ищет в амбаре
Хлебное место».
«Вегетарьянец
С душой непорочной
Ищет хозяина
Лавки молочной».
После обеда,
Вылизав крошки,
Читают газету
Бездомные кошки.
Глазами едят
Объявления разные,
Страстные,
Точно романы, прекрасные.
Трудно уйти от газеты,
Поверьте!
Но в полночь
Они выступают в
Концерте.

Посвящается
тетушке Кукурузе

Вот если бы Данте назвали меня,
И я написал бы поэму!
Вот если бы дали мне имя Эвклид,
И я бы открыл теорему!
Вот если бы имя Джотто добыть
И тоже великим художником быть!
Стать бы во всех искусствах
Самым-самым искусным!
Но нет, я расстаться совсем не спешу
С именем тем, что с рожденья ношу.
Я, право, ничуть не жалею о нем,
Об имени этом певучем, —
Оно позволяет мне с каждым днем
Делаться чуточку лучше.



Посвящается одному из ослов
Страны лжецов, который рычал,
чтобы казаться львом

ИСТОРИЯ ПРО ОСЛА

Знавал я одного осла,
Упрям он был и зол.
Но странность
У осла
Была:
Не знал, что он осел.

Осел сказал:
— Я убежден,
Что я не кто иной, как слон,
Нет пышной гривы, значит я
Не лев, о чем жалею.
Баран мне тоже не родня,

Поскольку я не блею.
Пожалуй, я не адвокат —
В суды не захожу...
А вдруг я
Генералу брат?
В министры угожу?
Иль произвел меня в пажи
Король своей рукой?

Будь другом, зеркало,
Скажи,
Кто же я такой?

Но зеркало сказало так:
— Ты, малый,
Попросту
Ишак.

— Ишак? —
Вскричал осел. —
Ну нет,
Обиды не спущу,
За оскорбительный ответ
Копытом угощу!

...Полно осколков на столе,
Сто крошечных кусков,
Но разве стало на земле
Меньше
Ишаков?

Песенка-считалочка посвящается Ромолетте

АН-ГИН-ГО!

Ан-гин-го!
По улице
Брели три петуха,
А следом шли
Три курицы...
Чем песенка плоха?
Может, всем им
Пряников
Хотелось поскорей,
А может, шли они клевать
Усатый лук-порей?
А если в город — там они
Узнают вслед за мной,
Что не составят сто неправд
Правды ни одной.

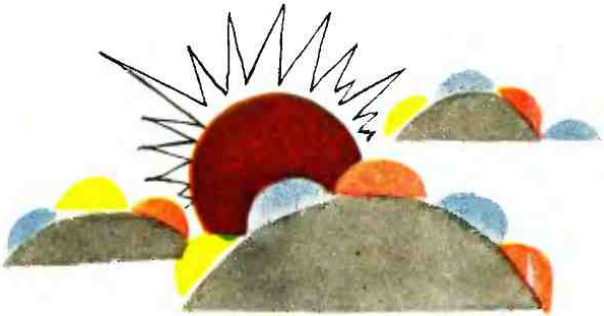
ШУТКА

Посвящается Бананито

Задумал желтую картину:
Петух
Займет
Всю середину,
Литавры по углам холста,
А сверху —
Рукоять хлыста.

Задумал синюю картину:
Изображу
Зулуса спину,
Бамбук манильский
В полный рост
И черта
Вытянутый хвост.

Задумал серую картину:
Я нарисую паутину,
Туман
И серенькие тучки —
Мои карманы до получки.



ИГРА В «ЕСЛИ БЫ...»

Дать бы волю Арлекину —
Он бы вместо облаков
Над землей шатер раскинул
Из стоцветных лоскутков.

Стал бы Джадуя у власти —
Ох бы надивились вы:
Всем бы раздавал он сласти,
Строил замки из халвы.

Ну, а если б Пульчинелла
Пост министра сохранил,
У кого дурные мысли,
Всем бы головы сменил!

ДЖОВАННИНО-ПОТЕРЯЙ

Джованнино-потеряй
Потерял в пути трамвай,
Потерял в ненастье голос,
Потерял последний волос,
Потерял он аппетит
(Пусть нашедший возвратит),
Потерял чужой вопрос
И коробку папирос,
Зонтик потерял и палку,
Голову (пустой не жалко),
Потерял на небе луч,
От своей калитки ключ,
Кошку,
Адрес новоселья...

Но не потерял веселья!

КАРМАНЫ ДЖЕЛЬСОМИНО

В одном из них
Лежит платок,
В другом
Счастливый амулет.
В кармане третьем —
Кошелек,
Но в нем монет,
Как назло,
Нет.

СЕДЫЕ ВОЛОСЫ

Посвящается Бенвенуто —
Не сидящему ни минуты

— Каменщик,
Ответь мне
На такой вопрос:
Сколько у тебя
На голове
Седых волос?

— Их у меня
По одному на каждый дом,
На каждый дом,
Построенный
Моим трудом.

— А вы, синьор учитель,
Ответьте на вопрос:
Сколько у вас
На голове
Седых волос?

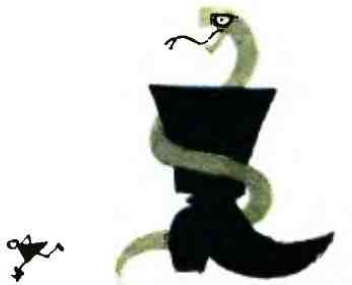
— Много их, дружок,
Ты найдешь у старика,
По одному на каждого
Ученика.

— Дедушка, дедушка,
Ответь-ка на вопрос:
Много ли, скажи,
У тебя седых волос?
— На каждую сказку
Их по одному,
На сказку,
Что придумал я
Внучонку своему.

ПОСЛОВИЦЫ ДЖЕЛЬСОМИНО

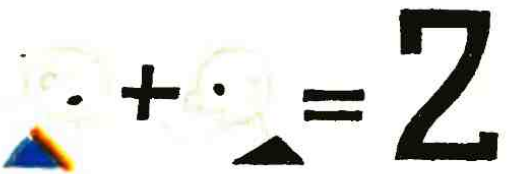
Кому не нравится сосна,
Дорога в лес запрещена.

Кто от грома убегает,
Тот молнии не зажигает.



Сумасшедшего не смей
Посылать на ловлю змей.

Если мне дадут луну,
Возьму и глазом не моргну!



Без двух голов
Нет двух умов.

Кто смеется каждый месяц,
Целый год бывает весел.

ИСТОРИЯ РЫБЫ-МОЛОТА

Рыба-молот с каждым днем
Выглядит печальней:
Ищет молот днем с огнем
Рыбу-наковальню.

Бьет хвостищем по воде,
Лопаясь от злости, —
Рыбы-стенки нет нигде,
Скрылись рыбы-гвозди.

Рыбу-камень бы забить
Молотом в дорогу,
Рыбу-палец ушибить
Или рыбу-ногу.

— Ну кому же я нужна, —
Хнычет рыба-молот, —
Вечно плаваю одна
И в жару и в холод.

Где приятель мой, башмак?
Уж ему, бывало,
Я подметку так и сяк
Ловко подбивала.

Как о нем не пожалеть,
Старом, неуклюжем...
Угодил приятель в сеть
Рыбаку на ужин!

ПЕРВАЯ АНГЛИЙСКАЯ ПЕСЕНКА

— Мистер Кот, откуда? Где вы?
— Был в гостях у королевы.
— Там, должно быть, суета?
— Видел мышку без хвоста.

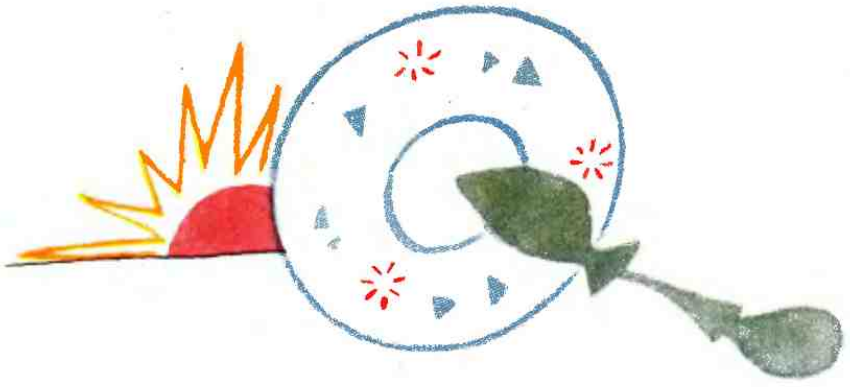
ТРЕТЬЯ АНГЛИЙСКАЯ ПЕСЕНКА

Жил один старичок,
Собрался в Канаду, к сыну.
Рассказал я половину.
Взял с собой
Кулек без дна,
В нем яйцо и ветчина.
Вот и все.

ВТОРАЯ АНГЛИЙСКАЯ ПЕСЕНКА

Три доктора из Саламанки
Отчалили верхом на банке
И, если б к рыбам не пошли,
Проплыли бы вокруг Земли.

Три доктора из Сарагоссы
На сито нанялись в матросы.
Поднять бы их с морского дна,
Рассказов было б дотемна!



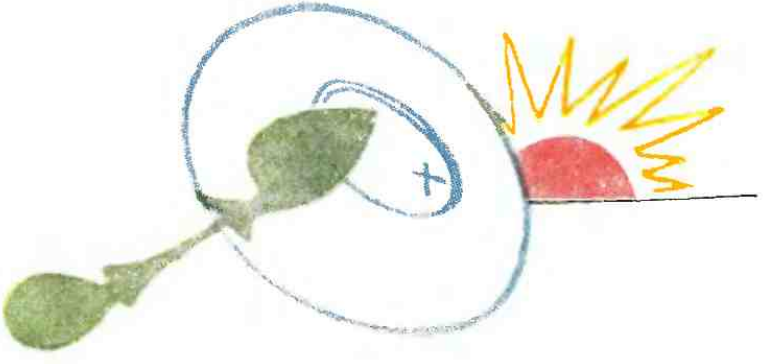
Посвящается Бананито в его бытность министром продовольственных товаров

ОБЕД И УЖИН

Сел Арлекин с Пульчинеллой обедать.
Приятно из общей тарелки отведать!
Жаль, что в тарелке ни крошечки нет —
Знатный бы мог получиться обед.

Весь день Арлекин с Пульчинеллою дружен.
Сели приятели вместе за ужин.
Отличнейший ужин! Да сущей безделки
Не оказалось в артельной тарелке.

Разгадка простая:
Тарелка — пустая!



РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСЕНКА

Ты видишь,
Крестьянин-волынщик идет.
Спросить бы сейчас у него,
Как он проведет
Наступающий год
И что загадал
В рождество.

Я знаю, он скажет:
— Зажечь я не прочь
Веселые елки в домах,
И пусть огоньки
Согревают всю ночь
Людей, что шагают
Впотьмах.

А ну-ка,
О том же спрошу воробья,
Что прыгает
В снежной пыли,
И он прощебечет:
— Загадывал я,
Чтоб дети
Подарки нашли.

Пастух на картинке
Давно мне знаком,
Спросил я его
Все о том.
— Я ввел бы
для праздника
Новый закон,
Подписанный
Длинным
Кнутом:

«Хочу, чтобы
праздник

Все слезы унес
От Перу
До самых Курил,
Чтоб черных,
И белых,
И желтых ребят
Улыбкой одной
Подарил».
...А хочешь,
Скажу тебе без вранья,
Что по этому поводу
Думаю я?
Ведь можно всего
Добиться самим,
Пусть только
мы руку
Друг другу
Дадим.
Какую мы
Елку зажжем —
До небес!
Каких
только
В мире
Не будет
чудес,

И праздник,
Что нынче придет
и уйдет,
На целый
Растянется
Год!

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также свои пожелания автору книги и издательству.

Пишите по адресу: Москва, А-55, Сущевская, 21. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

Родари Джанни

ДЖЕЛЬСОМИНО В СТРАНЕ ЛЖЕЦОВ

Сказка

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Редактор *Л. Хотиловская*
Художественный редактор *В. Плешко*
Технический редактор *И. Егорова*

А00689 Подп. к печ. 4/III 1960 г. Бум. 70×92¹/₁₆. Печ. л. 10(11,7) Уч.-изд. л. 10. Тираж 375 000 экз. (15 000 + 100 000 + 100 000 + + 100 000 + 60 000—1-й завод от 4-го массов. тиража). Зак. 49. Цена 8 р. 50 к., в ледерине 9 руб.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-55, Сущевская, 21.

8 р.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ